

MEDIEVAL HISTORY OF CENTRAL EURASIA

No. 1 (2) 2021

MEDIEVAL HISTORY OF CENTRAL EURASIA

Has been published since 2020

No. 1 (2) 2021

Nur-Sultan

EDITOR-IN-CHIEF:

Doctor of Historical Sciences, Professor
Shaihutdinov M. Y.

DEPUTY EDITOR-IN-CHIEF

Doctor of Historical Sciences, Professor
Kushkumbayev A. K.

EDITORIAL BOARD:

Qydyráli Darhan	Doctor of Historical Sciences, Professor (Kazakhstan)
Muminov A.K.	Doctor of Historical Sciences, Professor (Kazakhstan)
Samashev Z. S.	Doctor of Historical Sciences, Professor (Kazakhstan)
Abuseitova M. K.	Doctor of Historical Sciences, Professor (Kazakhstan)
Sabitov Zh. M.	PhD in Political Science (Kazakhstan)
Golden Peter B.	Dr., Professor (USA)
Kradin N.N.	Doctor of Historical Sciences, Professor (Russia)
Erdélyi István	Doctor of Historical Sciences, Professor (Hungary)
Uzelac	PhD in History (Serbia)
Aleksandar	
Mirgaleev I. M.	Candidate of Historical Sciences (Russia)
Zaytsev I. V.	Doctor of Historical Sciences, Professor (Russia)
Petrov P.N.	Candidate of Historical Sciences (Russia)
Nagamine	PhD in History (Japan)
Hiroyuki	

Editorial address: 8, Kabanbay Batyr avenue, of.316, Nur-Sultan, Kazakhstan, 010000
Tel.: (7172) 24-18-52 (ext. 316)
E-mail: medieval-history@isca.kz

Medieval History of Central Eurasia
Owner: Astana International University
Periodicity: quarterly
Circulation: 500 copies

ОТ РЕДАКТОРА

Уважаемые коллеги!

Представляя очередной номер нашего журнала, хотел бы отметить, что мы стремимся расширить хронологические и пространственные рамки журнала. В частности, начиная с нынешнего номера, в журнале будут размещаться научные статьи, посвященные истории Казахстана, Центральной Азии и других регионов мира в Новое время.

Традиционную рубрику «Этногенез. Археология. Лингвистика» открывает статья д.и.н., профессора В.Ф. Зайберта и магистра Ж.К. Баяновой «Феномен сходства стиля Ботайского домостроительства и евразийских архитектурных приемов эпохи позднего каменного века». По мнению исследователей, евразийские степи динамично обеспечивали распространение новаций, которые на периферии данной эко-системы в ярко выраженных ландшафтах вертикальной зональности создавали оседлые культурные сообщества и длительные традиции. Речь идет о распространенной на территориях Алтая, Памира, Кавказа, Тянь-Шаня и ареалов, примыкающих к ним, архитектурного стиля типа «Дарбази», сохранившегося с эпохи неолита до этнографической современности. Историки утверждают, что имеется ряд археологических, генетических и исторических примеров культурного взаимодействия степных ботайских коневодов с этносами евразийской степи и ее перифериями.

Статья докторанта А.А. Нускабая «Родовые символы тюрков Жетысу: историческая преемственность» посвящена эпохе Тюркского каганата. Исследователь полагает, что политическая и социальная жизнь, а также религиозные убеждения в Тюркском каганате были едины. Тенгрианство стало государственной религией каганата. Его народ использовал тюркскую письменность и говорил на тюркском языке. До сегодняшнего дня около тридцати тюркоязычных наций понимают друг друга без переводчика. По мнению исследователя, сопоставление археологических и этнографических данных, собранных в результате комплексных исследований в тюркских храмах Жайсан и Мерке, свидетельствуют о преемственности этнической культуры в казахской степи.

В статье А. Серикпаевой и Л. Серикпаевой «Особенности художественных решений средневековой архитектуры Центральной Азии» в хронологической последовательности охарактеризованы основные памятники архитектурно-художественного творчества в Средней Азии. По мнению исследователей, влияние тимуридской архитектуры можно увидеть во многих местах Казахстана и Узбекистана, а влияние персидской архитектуры часто наблюдается в Узбекистане и Туркменистане. Особое внимание в статье уделено городу Туркестану, который совсем недавно был провозглашен одной из духовных столиц Тюркского мира.

В рубрике «Европейское и русское Средневековье» опубликована статья д.и.н., профессора М.Е. Шайхутдинова «Династия Меровингов и создание Франкского государства». В статье отмечено, что падение Западной Римской империи в 476 году н.э. положило начало новому этапу европейской и всемирной истории. Возник целый ряд т.н. «варварских» государств, пытавшихся соединить собственные обычаи и традиции с элементами римской государственности и римского права. Одним из примеров подобного синтеза стало Франкское государство, созданное в конце V века королем Хлодвигом из династии Меровингов. По мнению М.Е. Шайхутдинова, формирование Франкского государства было длительным и противоречивым процессом, в рамках которого наблюдались внутривластные раздоры и междоусобные войны, однако при этом процесс территориального расширения государства не прекращался. Важную роль в усилении и возвышении Франкского государства сыграла католическая церковь, ставшая одной из важнейших опор династии Меровингов. Однако безвольные меровингские короли постепенно утратили власть, уступив её энергичным прагматичным майордомам. В итоге майордом Карл Мартелл и его преемник Пипин II создали все необходимые условия для возникновения новой династии – династии Каролингов.

Рубрику «История Улуса Джучи» открывает статья д.п.н., профессора М.Т. Лаумулина «История Золотой Орды в мировой ориенталистике: краткий очерк», в которой рассматриваются актуальные проблемы становления и развития востоковедческих школ в контексте изучения Золотой Орды, Центральной Азии и Внутренней Евразии. В статье широко освещены основные направления в исследовании истории Золотой Орды, в том числе концепции номуадизма и культурологии кочевничества, тюркология, алтаистика и языкознание, кипчаковедение о ранней и средневековой истории Орды. Особое внимание уделено изучению истории и этнографии казахов, преимущественно в западном востоковедении. Как отмечает историк, 750-летие Золотой Орды стало поводом для новых научных дискуссий. Одни исследователи утверждают, что Золотая Орда была самой развитой цивилизацией, которая помогла русским княжествам прекратить междоусобицы и объединиться. Другие исследователи считают, что главным результатом существования Золотой Орды стала первая в масштабах Евразии глобализация. В целом, статья М.Т. Лаумулина свидетельствует о преемственности и взаимосвязи востоковедения и политологии в контексте изучения Золотой Орды и Центральной Азии.

Статья казахстанского историка Радика Темиргалиева посвящена Урус-хану и его роли в истории Казахстана. Исследователь напоминает, что Урус-хану приписывается деление казахов на три жуза, что в других преданиях обычно связывается с именем мифического Алаша-хана. Среди казахов память об Урус-хане, как о первом правителе, сохранялась до XIX века.

Историк подчеркивает, что в советское время история Казахского ханства отделялась и отдалялась от истории демонизируемой Золотой Орды, наследниками которой признавались Казахское, Астраханское и Крымское ханства. В то же время в историческом сознании казахов было утрачено чувство сопричастности к одной из могущественных держав средневековой истории. В действительности, утверждает Р. Темиргалиев, история Золотой Орды и Казахского ханства неразрывна, поскольку Казахское ханство – это Левое крыло Улуса Джучи, превратившееся в отдельное государство. Именно верность золотоордынским традициям и сохранение власти джучидов во многом обеспечили длительную историю степного государства, в рамках которого формировался казахский этнос. Одну из главных ролей в этой многовековой эпопее сыграл Урус-хан.

В новой рубрике «Центральная Азия и Казахстан в Новое время» публикуется статья К.С. Калиевой и Д. Серикбаева «Семипалатинский областной статистический комитет (1877-1917) и его вклад в пропаганду знаний, посвященных Казахстану». По данным историков, Семипалатинский областной статистический комитет был учрежден в 1877 году, но фактически начал свою работу в 1878 году. На его содержание было выделено 2 000 рублей в год. Это учреждение группировало вокруг себя лучшие силы Семипалатинского края, проводило исследовательскую и просветительскую работу, а также издавало различные труды. Исследователи утверждают, что представители Семипалатинского облстаткомитета, преодолевая большие трудности, внесли значительную лепту в общественное развитие края, в дело изучения его природных, исторических, этнографических и иных особенностей, в пропаганду накопленных знаний о востоке Казахстана, а через него – в популяризацию сведений многоотраслевой системы знаний, посвященных всему Казахстану.

В разделе «Рецензии» размещена рецензия д.полит.н., профессора Л.Р. Скаковского на работу известного французского медиевиста Жака Эрса «История крестовых походов». В рецензии отмечено, что эта монография стала последней работой Жака Эрса (1924-2013 гг.). Она издана на основе рукописи, в первоизданном виде, без редакторских правок и уточнений.

Благодарю наших авторов за предоставленные научные статьи, а читателей и коллег – за ценные советы и рекомендации по улучшению контента нашего журнала. Мы открыты для широких научных дискуссий по актуальным проблемам отечественной и всемирной истории.

Главный редактор
Шайхутдинов М.Е.

CONTENT

EDITOR'S COLUMN	3
------------------------------	----------

ЭТНОГЕНЕЗ. АРХЕОЛОГИЯ. ЛИНГВИСТИКА

В.Ф. Зайберг., Ж.К. Баянова. ФЕНОМЕН СХОДСТВА СТИЛЯ БОТАЙСКОГО ДОМОСТРОИТЕЛЬСТВА И ЕВРАЗИЙСКИХ АРХИТЕКТУРНЫХ ПРИЁМОВ ЭПОХИ ПОЗДНЕГО КАМЕННОГО ВЕКА.....	7
А.А. Нускабай. РОДОВЫЕ СИМВОЛЫ ТЮРКОВ ЖЕТЫСУ: ИСТОРИЧЕСКАЯ ПРЕЕМСТВЕННОСТЬ.....	22
А. Серикпаева, Л. Серикпаева. ОСОБЕННОСТИ ХУДОЖЕСТВЕННЫХ РЕШЕНИЙ СРЕДНЕВЕКОВОЙ АРХИТЕКТУРЫ ЦЕНТРАЛЬНОЙ АЗИИ.....	29

ЕВРОПЕЙСКОЕ СРЕДНЕВЕКОВЬЕ

М.Е. Шайхутдинов. ДИНАСТИЯ МЕРОВИНГОВ И СОЗДАНИЕ ФРАНКСКОГО ГОСУДАРСТВА.....	37
---	-----------

ИСТОРИЯ УЛУСА ДЖУЧИ

М.Т. Лаумулин. ИСТОРИЯ ЗОЛОТОЙ ОРДЫ В МИРОВОЙ ОРИЕНТАЛИСТИКЕ: КРАТКИЙ ОЧЕРК.....	51
Р. Темиргалиев. УРУС-ХАН И ЕГО РОЛЬ В ИСТОРИИ КАЗАХСТАНА. КРАХ ИМПЕРИИ И ЛЕВОЕ КРЫЛО УЛУСА ДЖУЧИ.....	85

ЦЕНТРАЛЬНАЯ АЗИЯ И КАЗАХСТАН В НОВОЕ ВРЕМЯ

К.С. Калиева СЕМИПАЛАТИНСКИЙ ОБЛАСТНОЙ СТАТИСТИЧЕСКИЙ КОМИТЕТ (1877-1917) И ЕГО ВКЛАД В ПРОПАГАНДУ ЗНАНИЙ, ПОСВЯЩЕННЫХ КАЗАХСТАНУ.....	103
---	------------

РЕЦЕНЗИИ

Л.Р. Скаковский. ЖАК ЭРС О ЦЕЛЯХ, ПРИЧИНАХ И ГЕОПОЛИТИЧЕСКИХ ПОСЛЕДСТВИЯХ КРЕСТОВЫХ ПОХОДОВ.....	118
---	------------

ФЕНОМЕН СХОДСТВА СТИЛЯ БОТАЙСКОГО ДОМОСТРОИТЕЛЬСТВА И ЕВРАЗИСКИХ АРХИТЕКТУРНЫХ ПРИЕМОВ ЭПОХИ ПОЗДНЕГО КАМЕННОГО ВЕКА

В.Ф.Зайберт¹, Ж.К. Баянова²

¹профессор, доктор исторических наук, КазНУ имени аль-Фараби,

E-mail: zaiibert_ku@mail.ru

²магистр, КазНУ имени аль-Фараби

E-mail: monti.zhanar@gmail.com

Аннотация. В этой статье поставили свою целью сопоставить архитектурные стили между ботайской культуры и стилем «Дарбази» распространенных в горных регионах, окружающих степные эко-системы в Евразии.

Евразийские степи динамично обеспечивали распространение новаций, которые на периферии данной эко-системы в ярко выраженных ландшафтах вертикальной зональности, создавали оседлые культурные сообщества и исторически длительные традиции.

Речь идет о распространенной на территориях Алтая, Памира, Кавказа, Тянь-Шаня и ареалов, прилегающих к ним, архитектурного стиля типа «Дарбази», сохранившейся с эпохи энеолита до этнографической современности.

Ключевые слова: Дарбази, глхатун, карадам, архитектура, жилища

Евразийские степи динамично обеспечивали распространение новаций, которые на периферии данной эко-системы в ярко выраженных ландшафтах вертикальной зональности, создавали оседлые культурные сообщества и исторически длительные традиции.

Речь идет о распространенной на территориях Алтая, Памира, Кавказа, Тянь-Шаня и ареалов, прилегающих к ним, архитектурного стиля типа «Дарбази», сохранившейся с эпохи энеолита до этнографической современности.

Уникальная схожесть данной архитектуры с реконструированной ботайской схемы домостроительства, вызвала наш неподдельный интерес к этим аналогиям. Один из специалистов – архитекторов Казахстана считает, что это лишь конвергенция, с чем, увы, мы принципиально не согласны, так как у нас имеются ряд археологических, генетических и исторических примеров культурного взаимодействия степных ботайских коневодов с этносами евразийской степи и ее перифериями.

На этом этапе формирования научной задачи о мировом значении ботайской архитектуры, ставятся вопросы создания банка данных археологических, архитектурно исторических, литературных источников. (Зайберт, «Ботай» 2020 Алматы)

Когда то давным давно, тысячелетие назад, дома, в пространстве, начиная с Кавказа до Средней Азии, выглядели почти так, как сейчас выглядит памирский дом - строение, предназначенное для жилья жителей западной части Горно-Бадахшанской автономной области Таджикистана. Жители этой части области - памирские таджики, стараются построить дом, соблюдая древние архитектурные особенности. Многие из них уверены, что прообразом этого дома, является Ноев ковчег, который по библейско-кораническим легендам спас человечество от всемирного потопа. И еще, например, жители Памира считают, что именно памирский дом помогает сохранить древние реликтовые памирские языки и обычаи, которые тесно связаны с обычаями и традициями, так как все ритуалы, начиная с рождения ребенка и кончая похоронными ритуалами должны обязательно проводиться в доме. (Памирский дом - памятник древних традиций). Интересен сам факт высказываний о связи Ноева ковчега и дома горцев. Нам представляется, что предметом сходства в архитектурной традиции послужило перекрытие (палуба) корабля по принципу «Дарбази» с центральным люком (в «ботайском» варианте и «дарбази» - шанырак для освещения, выхода дыма и наблюдения за небосводом). Отсюда и происхождение мифологемы о связи Ноева ковчега с жилищами горных народов, испытавших героическую последнюю эпоху потопа, встречу с одомашненным ботайским конём, явившийся сакральным символом возникновения и объединения трёх мирозданий – верхней – средней – нижней сфер. Таким образом, энеолитическая эпоха (V-III тыс. до н.э.) – это историческое время складывания родственных археологических культур в горных ареалах Евразии в процессе культурогенеза на основе последствий планетарных событий – мирового потопа, одомашнивания коня, сакральный переход к триаде миропредставления энеолитического человека.

Теперь рассмотрим архитектурные примеры древнего домостроительства в горных эко-системах. (Рис. 1-3).

Рисунок 1 - Памирский дом

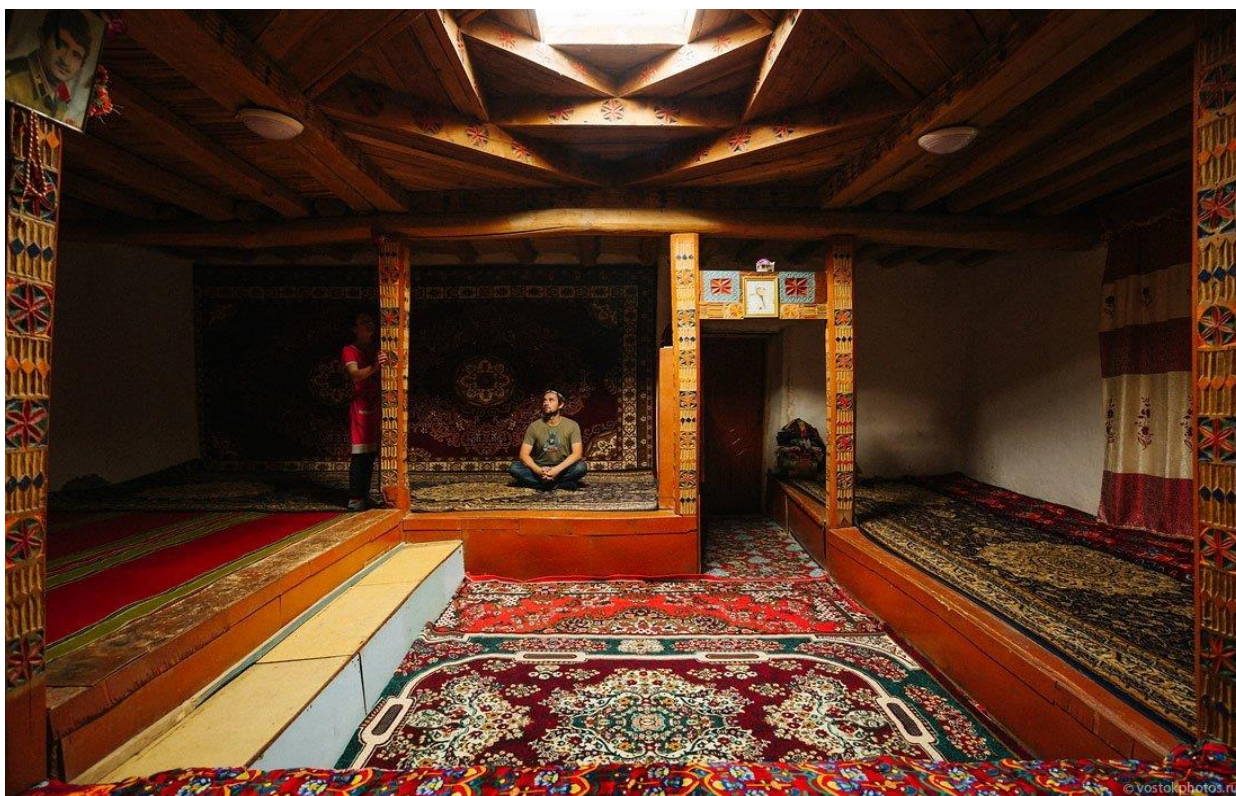

Рисунок 2 - Таджикистан Памир

Рисунок 3 - Памирский дом

...«Современный памирский дом. Это одноэтажное строение, состоящее из кухни, комнаты для гостей, комнаты для хранения продуктов, комнаты с очагом и большой комнаты, которая делится на функциональные зоны где и происходит основная жизнь всей семьи.,

Самая большая и важная комната памирского дома состоит из трех возвышений: кичор - возвышение, со встроенным в него очагом, это место, где раньше на очаге готовили еду и пекли хлеб, а зимой грелись на возвышении около очага. Место это считалась женской частью. А теперь очаг это чисто символическая часть интерьера, которой не пользуются, чтобы стены комнаты не покрылись сажей. На возвышении слева от входа, которое во многих памирских языках называется "барнех" обычно сажают гостей, пришедших в дом. А возвышение напротив входа, как правило является местом для детей. Каждое из этих возвышений служит в определенный период, местом для совершения какого-нибудь ритуала.

Внутри большой комнаты установлены 5 столбов. Традиция их существования уходит глубоко в древность. В ступенчатом перекрытии (Бучковач или Чорхона – типа «Дарбази») проделано отверстие для прохождения в дом света и воздуха.

Столбы означают символику четырех стихий - воды, земли, воздуха и огня, а пятый - царь - столб — выполняет роль связующего между небом и землей.

Параллельно - отверстие в потолке суммарно также обозначает отмеченные стихии, но вместе с тем, это символ вхождения природного и божественного лучей света.

Несущие балки потолка (типа «Дарбази») символизируют материальный и сакральный мир.

Возвышение - софы символизирует комплекс чувственных представлений: "Неодушевленный мир", "Растительный мир" или "Вегетативную душу", "Животный мир" или "Чувственную душу"».

С формированием мировых религий и в частности Ислама, интерьер памирского дома приобретает новые символические значения

Однако на перекрытии традиционно вырезаются солярные символы в виде крестообразно расположенных лучей, колес и свастика), указывающих на границу между небом и землей, там же находится место для жертвоприношений ("козлиное место") для защиты дома от нечистой силы. (Тиллоев, 2017). Главный смысл ступенчатого перекрытия заключается в обозначении под ярусами балок определённых стихий.

Первый ярус символизирует "Дом Земли", второй ярус — "Дом Воды", третий ярус — "Дом Ветра" и четвертый, самый верхний ярус символизирует "Дом Огня". Четвертый ярус одновременно символизирует солнце, он открыт для проникновения света и устанавливается в последнюю очередь.

Считается, что через это отверстие проходит в дом естественный природный и божественный луч света. Это отверстие, имеющее в поперечнике около 0,75м, называют руз. На ночь его закрывают для сохранения тепла. В символике памирского дома руз является сакральным центром, пуповиной, через которое осуществляется связь обитателей дома с небесами. С глубокой древности памирский дом служил и служит не только для защиты от непогоды и жилья, но также является сакральным объектом - храмом, где совершаются религиозные обряды.

В век глобализации, когда народы стремительно теряют исторический опыт, такие архитектурные шедевры как памирский дом помогают людям, не теряя навыки коллективной жизни, сохранять опыт материальной и духовной культуры и также сохранять свою идентичность и гармонию. (Тиллоев, 2017).

Имеются аналогичные дома и в Грузии, это – традиционные дома с колоннами, теперь это только музейные экспонаты. В традиционном грузинском доме было два столба. Первый столб – символ дерева жизни, второй – символ мирового разума у него сидит глава семьи, здесь читают религиозные тексты. На столбах, как и на Западном Памире, изображены солнце и луна. В Грузии круглое светодымовое отверстие представляет ступенчатое устройство «Дарбази» из различного количества – (от 4 до 40) рядов, имеющих различное смысловое значение. У круглого светодымового отверстия, объединяющего грузинский дом, имеется ряд сакральных символов. Это - земля - пол, огонь - очаг в центре, вода - казан над очагом, воздух -пространство дома).

Дарбазный тип Кавказского жилища в Грузии известен и под названием «Гвиргвини», в Армении глхатун, в Осетии эрдояни сахли, в Азербайджане карадам. Так как древний тип жилища «дарбази», как на Памире, служит окном и дымоходом, возможно, лексема «дарбази», заимствована из персидского языка *darvāze*, тадж. дарвоза "ворота (ср. перс. Дарбазй).

Как современная, так и традиционная грузинская архитектура смогли органично воспринимать и актуализировать многие элементы разных культур. Ещё античные путешественники живописно рассказывали о деревянных домах в долинах Черноморского побережья. (Беридзе, 1970)

Подобные строения прекрасно приспособлены к условиям жизни в болотистых, низменных прибрежных районах. И сегодня в Грузии распространены деревянные дома, построенные похожим образом. Жилое помещение в них поднято над землей на массивных деревянных сваях. Для входа в дом используется лестница с широкими ступенями, в то время как свиньи, куры и другой скот размещаются внизу прямо на сырой земле.

Другой вариант архитектуры «Дарбази» представлен — домами, стены которых сложены из грубо обработанных камней. На них сооружался пирамидальный ступенчатый свод, изготавливавшийся из тесанных бревен и брусьев. Нижний слой ложился горизонтально, концы перекрещивались образуя многоугольник, на который укладывались последующие, постепенно сужающиеся к верху, ряды бревен. На выходе оформлялось домовое, и в то же время, световое отверстие.

Заслуживает внимание описание реконструкции Л.Сумбадзе: «В Колхиде Понтийской, где в изобилии произрастают леса, распространен такой обычай: они кладут цельные бревна плоской стороной на землю направо и налево, оставляя между ними пространство в длину дерева, затем устанавливают над ними еще одну пару бревен, размещая их на концах ранее уложенных стволов и оставляя равные углы между ними. Эти четыре бревна ограничивают пространство жилища (Рис. 4). Потом на них кладутся деревянные бревна, одно за другое, всеми четырьмя концами заходя друг на друга в углах. Постепенно из древесных стволов формируются стены, расположенные перпендикулярно по отношению к нижней части. Аналогично строятся и высокие башни. Образовавшиеся из-за различной толщины бревен промежутки заполняются щепой и грязью. Что же касается крыш, то концы наложенных крест-накрест бревен отсекали, заставляя таким образом кладку сходиться, наподобие свода. Поскольку они постепенно сходились к вершине, то вся постройка напоминала четырехгранную пирамиду. Ее покрывали листьями и обмазывали грязью, так грузины создавали крыши своих башен в грубой форме «черепашьего стиля». Данный тип конструкции, известный как «фонарный» свод, часто встречается в Афганистане. Сегодня ряд конструкций дарбази, отличающихся местными

особенностями, наиболее широко распространены в грузинских провинциях Картли, Месхети и Джавахети. Часто эти дарбази имеют прекрасные резные двери и притолоки и места для очага, иногда в них находятся замечательные резные сиденья и сундуки ручной работы». (Дэвид Лэнг. Грузины)

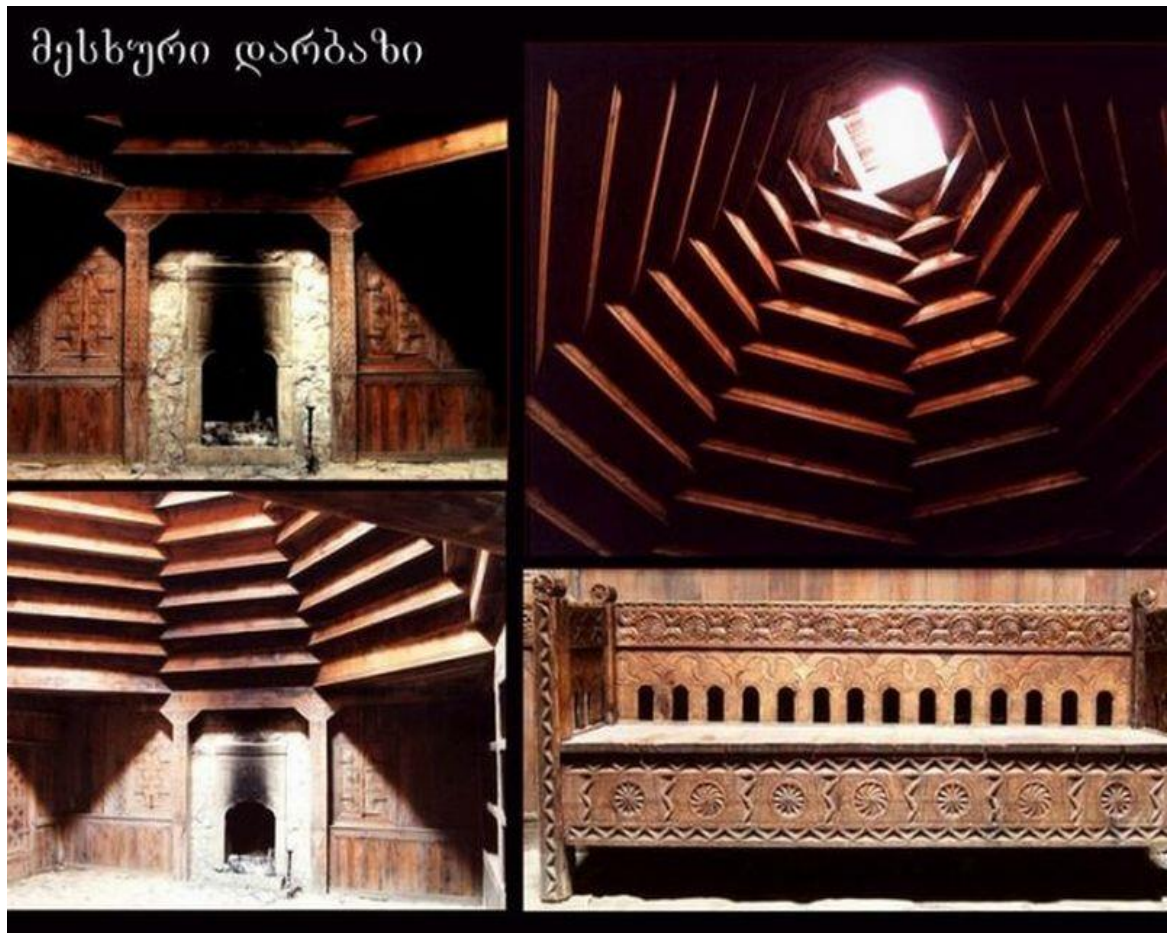

Рисунок 4 - Традиционный тип жилища «Дарбази» Грузии

Армянский тун или глхатун (дом с главой) — тип жилища со светодымовым отверстием в перекрытии, сохранился с древнейших времен до наших дней, приобретя в различных районах страны индивидуальные особенности, определяемые процессом культурогенеза.

В эпоху урартов, в IX—VII вв. до н. э., и позднее, в сельском жилищном строительстве, по-видимому, продолжалась традиция предшествующего времени в постройках сельских домов. Последние были подземные, с верхним отверстием, сходным с отверстием колодца, но расширенным книзу. Туда спускались по лестнице, а для впуска скота в земле были вырыты специальные проходы.

Путешественники XV в. и последующего времени — Клавихо, Мольтке, Кер-Портер, Тексье, Элизе Реклю, Грибоедов, Пушкин и др. — в своих описаниях сельских жилищ подтверждают распространенность в

Армении типа жилища, углубленного в землю и перекрытого шатром с эрдиком —свето-дымовым отверстием в вершине. (Акопян, Глхатун — национальный армянский дом)

Массовое распространение имело жилище, состоявшее из одного помещения — глхатуна. Обычно его возводили на косогоре, углубляя одной стороной в землю, что придавало ему вид полуземлянки или землянки. В плане глхатун — квадратный или прямоугольный (круглый неизвестен) (Рис.5).

Рисунок 5- Глхатун традиционный тип жилища Армении

Стены—из рваного камня на глиняном растворе. Обязательные элементы — очаг или тонир (печь в виде зарытого в землю бочкообразного кувшина), различные по величине стенные ниши и составленное из деревянных балок, уложенных в виде усеченной квадратной или многогранной пирамиды, перекрытие — азарашен с эрдиком, возвышающееся над зданием в виде небольшого холмика.

В зависимости от размеров помещения и качества кладки стен перекрытие опиралось на пристенные или свободно стоящие деревянные столбы на каменных базах, число и расположение которых определяют композиционные особенности интерьера. В глхатуне одна комната и без

углов. Стены укреплены камнем, есть ещё одна дверь (часто из одного целого камня) и один дымоход. Просто, но практично. Крыша глхатуна состоит из "хазарашена" - тысячестроя из брёвен. А покрытие само из смеси глины, соломы и земли. Сам же дымоход называется "ердик". Всё это сакрально. Дымоход - место контакта мира внешнего и внутреннего. В дымоход кидали амулеты, а если женщина долго не беременеет, то её опускали в дом через дымоход, дабы высшие силы благословили её.

Святость глхатуна так высока, что здесь разрешалось проводить свадьбы, как в церкви, и даже крестить детей (это делали в специальной чаше поверх тонира). Само влияние глхатуна можно увидеть и на армянской архитектуре. Тысячестрой неоднократно использовался и в армянских церквях, как и сам он в целом схож с конусной конструкцией армянских храмов. Такая купольная постройка домов известна ещё с 4 тыс. до н.э., благодаря раскопкам в Шенгавите. Дверь из цельного камня тоже довольно известный сюжет, чего стоят урартские врата Халди. В некоторых церквях двери также из одного камня.

По центру дома тонир - армянская печь. Возле неё и собирались члены семьи покушать. Иногда в таких домах жили семьи в 20 человек, а то и вместе в животными. Многие жители таких домов сравнивают глхатун с Ноевым ковчегом.

Глхатуны XX века стали иметь дополнительную комнату - "тан сурб", святой дом. Это было место, где хранились сохранённые после Геноцида семейные реликвии, книги, амулеты. Отдавать их было нельзя - это приведёт к бедам. У зажиточных армян к глхатуну была пристройка - "гоми ода". Это была пристройка к амбару или загону для скота. Длинная комната, с подобием тысячестроя наверху. Часто такой домик символизировал Древо Мира - верх колонн, укреплявших крышу, были изображения птиц, чуть ниже - животные элементы, а сам низ представлен из оджаха - главной печи. Здесь собирались члены семьи для бесед, а также другие сельчане и иноземные гости. Здесь люди отдыхали и проводили своё время. Так как тогда не было телевизора, то армяне ему находили замену: здесь был кукольный театр или театр теней.

На видоизменение сельского жилища повлиял также общий подъем культурного уровня народа, связанный с развитием городов и городской жизни. Все это привело к дифференциации выполнявшихся глхатуном функций и постепенному появлению различных помещений — тонратуна (кухни), марана (кладовых), нескольких жилых комнат, семейной молельни, гома (хлева), гоми-ода (жилого отделения при нем), телятника, овчарни, марака (сеновала) и пр. (Халпахчян, Гражданское зодчество Армении. 1971).

Как видно из приведённых примеров в эпоху энеолита на обширном Евразийском пространстве происходили обще-исторические и локальные

процессы, обусловленные пассионарными стартовыми планетарными событиями, вызванные в свою очередь, последствиями последнего мирового потопа эпохи голоцена, переходом от пешей эры к конно-транспортной коммуникации и формированием новой троичной системы миропредставления. Естественно что максимальное внимание в системе взаимодействия окружающей среды и жизнеобеспечения сосиумов испытала на себе идеология и технология домостроительства как основа Среднего Мира и его векторы связей с Верхним и Нижним Мирами.

Аналогичные примеры архитектуры «Дарбази» можно привести и из других регионах Кавказа (Рис. 6-7).

Рисунок 6 - Карадам Азербайджан

Рисунок 7 - Карадам Азербайджан

Архитектура ботайского жилища

Тщательная методика раскопок, использование палеопочвенного метода анализа позволили реконструировать архитектуру ботайского жилища. Для проверки теоретических представлений над одним из исследованных котлованов была реконструирована модель ботайского жилища.

По периметру раскопанного котлована жилища из увлажненной глины была возведена трапециевидная в вертикальном сечении стена. Ширина основания 1 м, высота 0,8 м. В качестве арматуры ботайцами использовались крупные утилизированные кости лошадей (позвонки, ребра, тазовые кости и др.).

Судя по почвенным анализам, ботайцы возводили стены своих домов из грунта, извлекаемого при рытье котлована. Стены достигали высоты 0,8-1,6 м. Глину для обмазки стен и пола брали из специальных ям, расположенных вблизи жилищных котлованов. При экспериментальном моделировании на выстроенную глиняную стену были уложены пятнадцать венцов бревен диаметром 10-15 см, длиной 4-5 м. Образовавшийся семиугольный шатер сквозной крыши на каждом венце сужался вверху. В потолке для тяги было оставлено дымовое отверстие. Свод был обмазан

глиной и покрыт пластами дерна. Пол и стены изнутри также обмазывали глиной. Восстановили один очаг. Экспериментальной реконструкцией установлено, что внутренняя высота ботайского дома варьировала в пределах 2,8-4,2 м - эта высота необходимая для создания дымовой тяги.

Как выяснилось во время раскопок, в древности жилые помещения часто вплотную примыкали друг к другу. В этих случаях для двух жилищ частично общей могла быть одна стена, а между помещениями имелись переходы. Входы в жилище были наземными. Рядом с жильем находились хозяйственные ямы-хранилища, к которым можно было пройти из жилища по коридору. Часто одна яма служила для двух жилищ. Некоторые ямы могли использоваться в качестве вместилищ жертвенной и культовой пищи или для захоронения «строительной» жертвы.

Одним из примечательных факторов ботайской архитектуры явилась конструкция перекрытия многоугольных жилищ. В публикациях о Ботае много писалось о причинах выбора ботайцами многоугольных форм жилищ и принципов укладки деревянных бревен по принципу этнографического архитектурного стиля «Дарбази». В ходе многолетних исследований мы эмпирическим путем пришли к такому стилю, построили несколько макетов в натуральную величину. В начале 80-х годов две первые конструкции перекрытия созданные по принципу конического сруба не оправдали ожидания. Уже через два года конструкция стала проседать и требовать опорных столбов. Но в ботайских жилищах не было столбовых опор, поэтому третье жилище было построено по принципу «Дарбази». Оно простояло 15 лет без ремонта, контроля его технического состояния. Весенние талые воды, заходя в нежилое полужемляночное жилище, отмачивали стенки котлована, последние стали оседать в край котлована, а на них стала сползать стена жилища устроенная над краем котлована. В конечном итоге деревянное перекрытие с земляными пластами и обмазкой бревен также рухнуло в котлован. Через некоторое время бревна из котлована были вытащены, а оставшееся заполнение из глины, гумуса и костей-арматуры были снова раскопаны. Чертежи стратиграфии были подвергнуты сравнению с чертежами раскопанного древнего жилища над которым нами было построено ново дельное помещение. Стратиграфия совпала до тождества. Причинно-следственная архитектурная связь прямая причинная и обратно-следственная повторились в древнем и ново дельном жилищах.

Жилища ботайцев для проживания в холодное время года и для хозяйственной деятельности, имели конфигурацию стен в виде многогранника с переходом на конусообразное перекрытие без опорной конструкции (Рис. 8-10). (Зайберт, «Ботай» 2020 Алматы)

Рисунок 8 - Научный проект экспериментального жилища

Рисунок 9 - Внутренняя вязь перекрытия.

Рисунок 10 - Черепичный принцип укладки и закрепления покрытия.

В познавательном плане, дальнейшие исследования источниковедческой базы проблемы сходства контекстов ботайской культуры и её роль в Евразийском процессе, позволят приступить к решению сложнейших вопросов истории происхождения ботайской культуры и её трансформации как базовой матрицы степной цивилизации.

Список использованной литературы

1. Артур Акопян, Глхатун – национальный армянский дом. ИАПС Антитопор
<https://www.antitopor.com/articles/glhatun-armyanskij-nacionalnyj-dom.html>
2. Беридзе В.В. «Всеобщая история архитектуры. Том I. Архитектура Древнего мира». – Москва, Стройиздат, 1970.
3. Дэвид Лэнг. Грузины. Хранители святейн. – Москва. Центрполиграф.
4. Зайберт В.Ф. Ботай. – Алматы, Балауса, 2020 г. – 480 стр.
5. Памирский дом - памятник древних традиций.
<https://www.molbulak.ru/news/chaykhana/pamirskiy-dom-pamyatnik-drevnikh-traditsiy/>

6. Тиллоев С. С. Особенности символики памирского традиционного дома. // БЮЛЛЕТЕНЬ НАУКИ И ПРАКТИКИ научный журнал. №1 (январь) 2017 г.
7. Халпахчян, Оганес Хачатурович. Гражданское зодчество Армении : (Жилые и обществ. здания) / О. Х. Халпахчян. – Москва : Стройиздат, 1971. – 245 с

Автор туралы мәлімет:

В. Ф. Зайберт, профессор, тарих ғылымдарының докторы Әл-Фараби атындағы ҚазҰУ, E-mail: zaibert_ku@mail.ru

Ж. Қ. Баянова, магистр, Әл-Фараби атындағы ҚазҰУ, E-mail: monti.zhanar@gmail.com.

**КЕЙІНГІ ТАС ДӘУІРІНДЕГІ БОТАЙ ТҰРҒЫН ҮЙ ҚҰРЛЫСЫ СТИЛІ МЕН
ЕВРАЗИЯЛЫҚ АРХИТЕКТУРАЛЫҚ ТӘСІЛДЕРІНІҢ ҰҚСАСТЫҚ ФЕНОМЕНІ**

Аннотация. Бұл мақалада Ботай мәдениеті мен Еуразиядағы далалық экожүйелерді қоршап тұрған таулы аймақтарда таралған "Дарбази" стилі мен архитектуралық стильдерді салыстыру мақсаты қойылған.

Еуразия даласы осы экожүйенің шетінде тік аймақтың айқын лансафасында отырықшы мәдени қауымдастықтар мен тарихи ұзақ дәстүрлер құрған инновациялардың таралуын қарқынды қамтамасыз етті.

Біз Алтай, Памир, Кавказ, Тянь-Шань және оларға іргелес аумақтарда кең таралған, энеолит дәуірінен этнографиялық қазіргі заманға дейін сақталған "Дарбази" сияқты сәулет стилі туралы айтып отырмыз.

Түйінді сөздер: Дарбази, глхатун, карадам, сәулет, тұрғын үй.

Information about the author::

V. F. Zaibert, Professor, doctor of historical Sciences, KazNU named after al-Farabi,

E-mail: zaibert_ku@mail.ru

J. K. Bayanova, master, KazNU named after al-Farabi, E-mail: monti.zhanar@gmail.com

THE PHENOMENON OF THE SIMILARITY OF THE STYLE OF BOTAY'S HOUSE-BUILDING AND EURASIAN ARCHITECTURAL METHODS OF THE LATE STONE AGE

Summary. This article aims to compare the architectural styles between the Botay culture and the "Darbazi" style common in the mountainous regions surrounding the steppe ecosystems in Eurasia. The Eurasian steppes dynamically ensured the spread of innovations that created settled cultural communities and historically long traditions on the periphery of this ecosystem in pronounced vertical zoning landscapes. We are talking about the architectural style of the "Darbazi" type, which is widespread in the territories of the Altai, Pamir, Caucasus, Tien Shan and the areas adjacent to them, preserved from the Eneolithic era to the ethnographic modernity.

Key-words: Darbaza, photon, the karada, architecture, home.

ЖЕТІСУ ТҮРКІЛЕРІНІҢ РУЛЫҚ ТАҢБАЛАРЫ: ТАРИХИ САБАҚТАСТЫҚ

Ә.А. Нұсқабай

Астана халықаралық университетінің 1-курс докторанты, Нұр-Сұлтан қ.

Аннотация. Түрік қағанатындағы саяси-әлеуметтік өмір мен наным-сенім біртұтас болған. Тәңірлік дін Түркі қағанатының мемлекеттік діні болды. Қағанаттың халқы түркі жазуын тұтынып, түркі тілінде сөйледі. Сол тілдегі әйгілі тас қашау жазуларын қалдырды. Күні бүгінге дейін Шығыс Түркістаннан бастап Жерорта теңізіне дейінгі түркі тілдес отызға тарта ұлттардың бір-бірімен аудармашысыз түсінісе алуы сөзімізге нақты дәлел болып табылады. Батыс Түрік қағанатының орталығы Шу өңірінде орналасқан Жайсан және Мерке түркітік ғибадатханаларында жүргізілген кешенді зерттеу жұмыстарының нәтижесінде жинақталған археологиялық деректерді этнографиялық деректермен салыстыра зерттеу қазақ даласындағы этникалық мәдениеттің сабақтастығын көрсетеді.

Кілт сөздер: Орталық Азия, Түркі тайпалары, Батыс Түрік қағанаты, ғибадатхана.

Кіріспе. Орталық Азия түркілерінің көп санды, көп құрамды ғұрыптық және еске алу немесе ас беру кешендерінің орналасуы типтік ерекшеліктеріне қарай екі түрге бөлініп, биік таулы Мерке жайлауына және Кіндік тас жотасының солтүстік-батыс баурайындағы қорықты жерге орнатылғандығы ғылыми тұрғыда дәлелденді. Кешендерде мазмұны әртүрлі нысандар қорық аумағындағы киелі аралықтарда тығыз шоғырлана орналасқан. Түрк тайпаларының ғұрыптық, еске алу және жерлеу ескерткіштері құрамында рулық таңбалар, жартастағы суреттер және тас мүсіні бар ғұрыптық құрылыстар қамтылады. Мерке ғибадатханасындағы ғұрыптық құрылыстарда орнатылған тас мүсіндердің жалпы саны - 74, ал Жайсан ғибадатханасында 35 тас мүсін бар. Әрбір қорық территориясының құрамына кіретін жерлеу обаларының саны бірнеше жүздеп саналады. Киелі нысандар орын алған қорық аумағы Мерке жайлауында - 93 мың га, ал Жайсан даласында – 69 мың га. Киелі аймақта орналасқан ескерткіштердің барлық типтері, түрк тайпаларының мазмұны бір мәдени кешендерінің ажырамас бөлігі болып табылады. Сондай-ақ Евразия аумағындағы көптеген түрк халықтарының және қазақ халқының этникалық мәдениетінің қалыптасуына зор үлес қосады.

Түркі тайпаларының мәдениетінің генезисін зерттеудің өзектілігі, қазақ даласындағы түрк кешендерін зерттеп, ғылыми айналымға енгізілуін талап еткендей. Кешендерді зерттеудің нәтижесі қазақ даласын ежелден және ортағасырларда мекендеген түрк тайпаларының этникалық мәдениетінің автохтонды сипат алатындығын көрсетеді. Ақпараттық тарихи деректер қоры көптеген археологиялық ескерткіштерден, нумизматикалық материалдар,

руникалық жазба ескерткіштері, жерлеу дәстүріне байланысты мәліметтер, қыш ыдыстар коллекциясы, рулық таңбалар, жергілікті топонимдер сипаттамасы және ғұрыптық мүсіндеу өнері ескерткіштерінен құралады.

Жоғарыда аталған тарихи деректерді қазақ этнографиясы, қазақша жер-су атауының номенклатурасы, ескерткіштердің дала кеңістігінде таралуы, фольклорлық мәліметтер, таңба жасау тәжірибесіндегі дәстүрлі қолданбалы өнер материалдарымен салыстыра талдау қазақ және түрк тайпалары мәдениетінің даму үрдісіндегі өзара үйлесімділікті сипаттауға мүмкіндік береді. Сонымен қатар деректерді кешенді талдау Ортағасырларда Орталық Азия кеңістігін мекендеген түрк тайпаларының этномәдени жағдайын, мәдени дәстүрлердің өзара байланысы мен дифференциациясы негізінде оның мәнін бағалауға мүмкіндік туғызады. Мүсіндеу өнерінің туындылары, археологиялық және этнографиялық деректер түрк тайпаларының этникалық мәдениетінің кейінгі ортағасырлық кезеңдегі даму ерекшелігін анықтауға негіз болды.

Оңтүстік Қазақстан және Орталық Азия территориясындағы ортағасырлық қалалардың ғимараттарындағы залдарды безендіруде, фрескаларда және оймалы ағаштарда бейнеленген түрктердің әлеуметтік элиталарының үлгілері этнографиялық жағынан түрк мүсіндеріндегі және монеталарындағы бейнелермен ұқсас. Қаған және тағы да басқа билеушілер келбеті бедерленген мүсіндердің иконографиялық белгілерінің осы кезеңде қолданыста болған монеталарда бейнеленген портреттермен ұқсастығы ортағасырларда жасаған халықтың біртұтас этномәдени эталоны болғандығын анықтады. Жайсан ғибадатханасындағы жартастарда, тас мүсіндерде және стелаларда бейнеленген ру таңбаларын құжаттау және талдау олардың Батыс Түрік қағанатының қолданысында болған монеталардағы таңбалармен ұқсастығын көрсетті (1-сурет).

Талқылау. Түркі тайпаларының жекелеген рулық таңбалары бүгінгі күнге дейін өзгеріссіз сақталып, қазақ руларының таңбалары ретінде қолданылуда. Шеңбер тәрізді дөңгеленіп салынған таңба үйсіндердің рулық таңбасына өте ұқсас. Ұлы Жүз қазақтары өздерін үйсіндердің ұрпағымыз деп санайды және кейбір жазба деректерде үлкен орда «үйсіндер» деп аталады. Мекен еткен орталары да бір-біріне сәйкес келеді. Ұлы Жүз тайпаларының таңбаларын зерттеуде күн бейнесіне ұқсас шеңбер тәрізді дөңгелек таңба негізгі назарда болады. Шеңбер әртүрлі қалыпта мынадай рулардың таңбаларының негізі болды: Албан (Күн таңба), Қаңлы (Күн таңба), Суан (Күн таңба), Сары үйсін (Абақ, Шөміш); Дулат (Абақ, Дөңгелек), Сиқым (Күн таңба), Жаныс (Күн таңба) және Ботбай (Күн таңба). Кіші жүз руларының ішіндегі кердері және табын руларының таңбаларының да негізін дөңгелек пішінді таңба құрайды. Бұл рулардың генеологиясы ежелгі ромадан руынан бастау алады. Ғалымдардың пайымдауынша, уран (ромаданның

әскери лақап аты – «дулат») және рулық таңбалардың ұқсастығы жоғарыда аталған рулар Ұлы жүзден тараған [1, с. 84, 96, 97].

Жайсан ғибадатханасының материалында кездесетін келесі таңба пішіні доға тәріздес иіліп бейнеленген. Қырғызстан территориясындағы ортағасырлық кезеңге жататын жартас суреттері мен көне түрк жазбалары бедерленген жартастарда пішіні осы таңбаларға ұқсас бірнеше таңбалар белгіленген. Аудармасы бір-бірін қайталайтын он оқ будун/он оқ халқының руникалық жазбаларымен қатар бейнеленген таңбалар этномәдени тұрғыдан кімдерге тиесілі екендігін анықтауға мүмкіндік береді [2, с.293, табл. 3]. К.Ш. Табалдиевтің мәлімдеуінше Кочкор даласынан табылған мазмұндары ұқсас руникалық жазба ескерткіштері «Орталық Азия көшпелілерінің ортағасырлық түргештер билік құрған VIII ғасырларға тән жартасқа бейнелеу өнерінің туындысы» [3, с. 72].

«Талас жазбалары» деген атаумен белгілі Кочкор даласындағы жаңа ескерткіштерді салыстыра талдау нәтижесінде С.Г. Кляшторный алғашқысынан екіншісінің айырмашылығы қолданылу дәрежесінде

тұрғандығын, жаңа ашылған ескерткіштерде «көшпелілердің қарапайым құқығы көрсетілгендігін» айтады [4, с. 75]. Белгілі территорияны қолдану құқығы Кочкор жазбасында «**Ярыш**» деп аталып, қасына рулық таңба бейнеленген. Зерттеуші Тоныкөктің дайындық барысындағы Ярыш жазығына түргештердің ондық түмен басыларының жиналғандығы баяндалған барлаушының хабарламасын мысалға келтіреді [4, с. 75]. Түрк тайпаларының дәстүрінде қорықты жерлерді таңбалар, жартас суреттері және жазбалармен безендіруі жерге иелік етуді нормалаудың бір түрі болып қалыптасқан. Жайсан даласындағы жартастарда таңбалардың бейнеленуі де осының дәлелі болып табылады.

Сипатталған таңбалар пішіні өзгерген қалпында және қосымша өзгерістерімен Шаш оазисінде тараған нумизматикалық коллекцияларда бейнеленген және «каган», «тегин», «эльтебер» титулы деген жазбалар бедерленген қалпында кездеседі [5, с. 36, 45]. Г. Бабаяровтың пайымдауынша Шаш өңіріндегі монеталардың материалдарын, аңыздарды және таңбаларды талдау негізінде «Шаш оазисінде VII-VIII ғасырларда үстемдік құрған әулеттің титулы «тегин», ал шығу тегі Ашина руымен байланысты болған. Олар Түрік қағанатының негізін қалаған және батыс қағанатының тайпалық бірлестігі **он оқ** тайпасы болған» [5, с. 47].

Қазақтың этнографиялық дәстүрінде пішіні шеңберге ұқсас таңбаны қолданушылар қаракесек руының өкілдері болып табылады [1, с. 92].

Жайсан ғибадатханасының жартастарында пішіні крест тәріздес, бірақ қиылысқан сызбасы сопақша болып бейнеленген таңба сомдалған. Қырғыздардың этнографиялық дәстүрінде осыған ұқсас таңбалар адигене, барғы, мунгуш руларында кездеседі және жағалмай таңба деген атауға ие [6, с. 111]. Осы таңбаға қатысты этнограф С.М. Абрамзон «жағалмай» таңбасын (жағалмай – құстың аты) қара бағыш рулары, ол бөрі тайпасы (адигеннің бір тармағы) «бөрі таңбасын» жылқыға және басқа да заттарға белгі ретінде басқан деп көрсетеді [7, с. 43-45]. Құс бейнесіне ұқсас таңба түріктердің монеталарының аверсінде бейнеленген ел басшысы портретімен қатар кездеседі.

Пішіні сол жаққа тартылып тұрған, оқтаулы садаққа ұқсас таңба Жиделісай шатқалында орналасқан жартас суреттерінің екінші тобынан табылды. Таңба горизонталь тұрған сызықшаның сол жағынан доға жалғанып тұрған қалпында бейнеленген. Оңтүстік жақтағы экспозицияда, үшінші топқа жататын жартас суреттері арасында латынның L әрпіне ұқсас таңба контурын толықтай нүктелеу әдісімен бедерленген. Сипатталған таңба екі жағдайда анықталды. Горизонталь тұрған сызықшаға оң жағынан вертикальды доға жалғанып тұрған қалпында бейнеленген таңба төртінші топтан анықталды. Таңба оң жаққа тартылып тұрған садаққа ұқсас, орындалу әдісі бойынша таңба бірінші таңбаға жақын. Үшінші топтағы петроглифтер

арасында жоғарғы жағы домалақ, вертикальды сызықшаның төменгі жағында жоғарыға қараған қосымшасы бар таңба бейнеленген.

Пішіні тартылған садаққа ұқсас таңбалар (жаңа туған айдың символы) монеталарда бейнеленген және осыған ұқсас таңбалар қырғыздардың азық және буғу («бұқа») – жаа-тамга тайпаларында кездеседі [8, с. 22]. Пішіні тартылған садаққа ұқсас таңбалар Батыс Қазақстан территориясынан табылған құлпытастарда және стелаларда кездеседі. Пішіні жоғарыда сипатталған таңба адай руында сақталып қалған. В.В. Востров және М.С. Мұқановтың зерттеулері бойынша адай руы тарихи тамырын «Меотида маңайын мекендеген даилардан» алуы мүмкін. Осы атаумен олар Батыс Түрік қағанатының және оғыз тайпалық бірлестігі құрамына кіреді, ал IX-X ғасырларда Маңғышлақты мекендейді [10, с. 124].

Жайсан ғибадатханасындағы жартастарда пішіні ромб тәріздес болып бейнеленген үш таңба табылды. Біреуінің пішіні алқаға ілінген домалақ тәрізді жасалған, ал екіншісі ромб тәріздес. Алқаға жалғастырылып бейнеленген ромб тәрізді таңбалардың екі шетінен сызықша шығып тұрады. Таңбаның жоғарыда сипатталған түрінің пішіні сопақша болып келеді және бұл таңбалар түркілердің тас мүсіндерінде бейнеленген алқаларға ұқсас. VII-VIII ғасырларда түрк мемлекетінің монеталарының құндылығының өлшеуіші қызметін атқарған ромб тәрізді таңбалармен қатар түйенің бейнеленуі ерекше назар аудартады. Жоғарыда сипатталған таңба Батыс Түрік қағанатының территориясындағы нумизматикалық материалдардан да белгілі. Аверсінде екі өркешті түйе, ал реверсінде ромб тәрізді таңба бейнеленген және соғды тілінде «Берекелі киелі қаған» деген жазуы бар монеталар VII-VIII ғасырларға тән болғандығын нақты деректер көрсетеді [5, с. 20]. Р.З. Бурнашеваның пікірінше VIII ғасырдың 30 - ші жылдарының ортасында Отырар оазисінде түркештердің таңбасы басылған монеталар айналымда болған. Монетаның реверсіне басылған түркештер таңбасының пішіні алқалы ромб тәріздес болды [11, с. 121].

Жайсан және Мерке ғибадатханалары аумағындағы жартастардағы таңбаларды, петроглифтерді және тас мүсіндерде бейнеленген таңбаларды зерттеу нәтижесі, аталған мәдени кешендер Шу өңірін ерте ортағасырларда мекендеген түрк тайпаларының қолданысында болғандығын көрсетеді. Тас мүсінді ғұрыптық құрылыстар, жерлеу орындары, жартас суреттері мен ру таңбалары сияқты қасиетті нысандардың бір кеңістікте шоғырлана орналасуы түркілердің киелі қорықты территорияларына тән. Қасиетті жерлердегі киелі мүсіндер мен монеталарды ру таңбаларымен безендіру түркілердің дәстүрлі құқықтарының мемлекеттік деңгейде нормалауының дәстүрлі тәжірибесі болып табылады.

Қорытынды. Қорытындыны Ақселеу Сейдімбектің сөзімен айтсақ «Адамды адам ететін – жұмыр жерді мекен еткен сан толқын ұрпақтардың ақыл-ойы мен тірнектеп жинаған тәжірибесі. Ғасырдан-ғасырға, ұрпақтан-

ұрпаққа, әкеден балаға ауысатын тарихи-әлеуметтік, қоғамдық практикалық дәстүр сабақтастығы болмаса, адамзаттық прогресс те болмақ емес. Өмір-салттың тіршілік-болмыстың ғажайып сабақтастығы үзілген жерде адам баласы бәрін де тырбанып қайтадан бастауға мәжбүр болар еді. Әрбір адамның бойында адамзат баласы жүріп келе жатқан жолдағы баға жетпес тарихи тәжірибенің үлгісі бар. Сол тарихи-мәдени тәжірибені танып-білу арқылы адам баласы өзінің парасат-болмысын шыңдайды.... Қазақ халқының өмір-салты көшпелі болғанымен, рухани болмысы көшпелі болмаған. Кез келген көшпелі өзі туған жердің өзен-көлін, тау-тасын, орман-тоғайын ешбір отырықшы замандастарынан кем сүймеген. Сондықтан да кіндік қаны тамған жері үшін тайсалмастан жүрек қанын да төге білген» [12, 179]. Тарихи сабақтастықтың мән мазмұнына қатысты тұжырымды ойдың тобықтай түйінін нақты сөздермен жеткізе білген.

Резюме

В статье рассмотрена историческая преемственность родовых тамг эпохи раннего средневековья.

Қолданылған әдебиеттер

1. Востров В.В., Муканов М.С. Родоплеменной состав и расселение казахов. Алма-Ата: Наук, 1968.
2. Табалдиев К.Ш., Алимов Р. Байырқы турктердун Талас жергесинде табылган жаяы эстеликтери //Турк цивилизациясы жана мамлекеттик салты. - Бишкек. – 2004. – С. 277-294.
3. Табалдиев К.Ш., Солтобаев О.А. Рунические надписи Кочкорской долины //Известия НАН КР. №1-2. - Бишкек. – 2001. – С. 68-75.
4. Кляшторный С.Г. Новые открытия древнетюркских рунических надписей на Центральном Тянь-Шане //Известия НАН КР. №1-2. - Бишкек. – 2001. – С. 73-75.
5. Бабаяров Г. Древнетюркские монеты Чачского оазиса (VI-VIII вв. н.э.). Изд-во Национальной библиотеки им. Алишера Навои. - Ташкент. – 2007.
6. Каратаев О.К. Кыргыздардын этномаданий байланыштарынын тарыхынан. - Бишкек. – 2003. – 261 с.
7. Абрамзон С.М. Киргизы и их этногенетические и историко-культурные связи. Фрунзе: Кыргызстан. – 1990.
8. Зуев Ю.А. Ранние тюрки: очерки истории и идеологии. - Алматы. Дайк-Пресс. - 2002.
9. Тасмагамбетов И.Н. Кулпытас. - Астана. Берел. - 2001. - 392 с.
10. Досымбаева А.М. Вопросы генезиса культуры тюркского кочевого населения Казахстана //Отечественная история. Изд-во МН и ВО РК. №3. – 1998 - С. 54-64.
11. Бурнашева Р.З. Монеты как источник для характеристики социально-

экономических отношений в Южном Казахстане //Известия МН и ВО РК НАН РК. Серия общественных наук. №1. – 1999. – С. 120-128.

12. Сейдімбек А. Қазақ әлемі. – Алматы «Санат» 1997.

Сведения об авторе:

Нускабай Абдинур Аргынбаевич Докторант 1 курса Международного университета Астана, г. Нур-Султан

Аннотация. Политическая и социальная жизнь и убеждения в Тюркском каганате были едины. Тенгрир стал государственной религией Тюркского каганата. Народ каганата употреблял тюркскую письменность и говорил на тюркском языке. На том же языке он оставил знаменитые каменные долота. До сегодняшнего дня наглядным доказательством тому является то, что около тридцати тюркоязычных наций, начиная от Восточного Туркестана и заканчивая Средиземным морем, могут понимать друг друга без переводчика. Сопоставление археологических данных с этнографическими данными, собранных в результате комплексных исследований, проведенных в тюркских храмах Жайсан и Мерке, где центр Западно-Тюркского каганата расположен в Шуйском регионе, свидетельствует о преемственности этнической культуры в казахской степи.

Ключевые слова: Центральная Азия, тюркские племена, Западно-Тюркский каганат, храм

Abstract. Political and social life and beliefs in the Turkic Khaganate were united. Tengrir became the state religion of the Turkic Khaganate. The people of the khaganate used the Turkic script and spoke the Turkic language. In the same language, he left the famous stone chisels. To this day, a clear proof of this is that about thirty Turkic-speaking nations, ranging from East Turkestan to the Mediterranean Sea, can understand each other without an interpreter. The comparison of archaeological data with ethnographic data collected as a result of complex studies conducted in the Turkic temples of Zhaysan and Merke, where the center of the Western Turkic Khaganate is located in the Shui region, indicates the continuity of ethnic culture in the Kazakh steppe.

Key words: Central Asia, Turkic tribes, Western Turkic Khaganate, temple

ОСОБЕННОСТИ ХУДОЖЕСТВЕННЫХ РЕШЕНИЙ СРЕДНЕВЕКОВОЙ АРХИТЕКТУРЫ ЦЕНТРАЛЬНОЙ АЗИИ

А.Серикпаева¹, Л.Серикпаева²

¹Магистр тюркологии, студент Казахского национального университета искусств

²Центр перспективных исследований и разработок г. Нур-Султан
Казахский национальный университет искусств г. Нур-Султан

Аннотация. В данной статье рассмотрены некоторые аспекты развития художественных решений средневековой архитектуры Центральной Азии. Важнейшей частью для изучения данной темы является освещение города Туркестан, являющийся центром всего тюркского мира. В материале в хронологической последовательности представлены основные памятники архитектурно-художественного творчества в Средней Азии.

Ключевые слова: Туркестан, средневековая архитектура, Центральная Азия, культура, медресе, мечеть, минареты

Социальная трансформация, научно-технический и культурный прогресс, жизненный строй и образ жизни человека, культурно-исторические и природные условия - всё находит выражение в архитектуре, понимаемой в широком плане - от строения городов до отдельных зданий и их деталей, от мировоззрения человека до творческого мышления, его культуры и знаний.

Архитектурно - художественное творчество - сложно организованный вид человеческой деятельности, который порождает эстетически качественно новое произведение искусства, и обособляется своей оригинальностью и общественно - исторической уникальностью.

Таким образом, архитектурно - художественное творчество как особый вид деятельности направлен на ценностное понимание картины мира, находится в зависимости от культурных, религиозных, нравственных, технических и других факторов. Со временем накапливается уникальный опыт архитектурно-художественного творчества, увеличивается арсенал культурного наследия, традиций и видов созидания, преумножается инструментарий методов, профессиональных приемов, преобразуется мировоззрение, развивается творческое мышление.

Архитектура Центральной Азии относится к архитектурным стилям многочисленных обществ, живших в Средней Азии на протяжении всей истории. Эти стили включают архитектуру Тимуридов XV и XV веков, персидскую архитектуру с исламским влиянием и советский модернизм 20 века. Центральная Азия - это территория, которая охватывает сушу от китайской провинции Синьцзян на востоке до Каспийского моря на западе. В состав региона входят Казахстан, Узбекистан, Таджикистан, Кыргызстан и

Туркменистан . Влияние тимуридской архитектуры можно увидеть во многих местах в Казахстане и Узбекистане, в то время как влияние персидской архитектуры часто наблюдается в Узбекистане и в некоторых примерах в Туркменистане. Примеры советской архитектуры можно найти в Узбекистане, Казахстане, Таджикистане и Кыргызстане. Архитектура Средней Азии.

Архитектура и градостроительство Центральной Азии в XIV-XVII веках

В истории искусства всего мусульманского мира одну из ярчайших страниц вписало искусство Средней Азии. Архитектура в Узбекистане начала зарождаться во II тысячелетии до нашей эры, в эпоху бронзы. Расцвет градостроительства приходится, наконец, 14 - начало 15 вв. Дороги и центральные улицы выравнивались и совершенствовались, создавались самые разнообразные ансамбли площадей, улиц и древних захоронений. В период правления династии Тимуридов монументальная архитектура была в основном сосредоточена в Самарканде, Бухаре и Шахрисабзе. Сооружения этого периода отличаются своими величественными масштабами, дерзостью инженерных решений и пышностью украшений. Архитектура являлась сочетанием творческих сил мастеров из Средней Азии, а также Ирана, Азербайджана и Сирии. Разнообразие архитектурных стилей было заранее определено пересечениями караванных дорог, торговых путей, контактов между людьми в регионе и существованием Великого Шелкового пути - артерии международного общения.

Дошедшие до современного времени монументальные здания Самарканда, воздвигнутые при Тимуре и его преемниках, принадлежат к знаменитым памятникам мировой архитектуры эпохи средневековья. Среди них комплекс усыпальниц духовенства и знати Шах-и-Зинда XIV— первая половина XV в. Расположенные по крутому спуску холма, мавзолеи представляют собой небольшие портално-купольные сооружения, близкие по характеру, но не повторяющие целиком один другого. Ансамбль создает возвышенный поэтический образ. Архитектурный декор здесь доведен до совершенства. Бесчисленными переливами сверкают поливные изразцы голубых куполов и порталов, покрытых разнообразным узором. Сочетание простых архитектурных форм с изощренной декоративной фантазией придает ансамблю Шах-и-Зинда неповторимое очарование. С XV в. многоцветное декоративное убранство становится неотъемлемой частью зданий.

Гордостью Самарканда была соборная мечеть, предназначенная для тысячи молящихся и получившая в народе название Биби-Ханым. Ее строительство было начато в 1399 и закончено в 1404 г. В своем первоначальном облике она представляла сложный архитектурный ансамбль, включающий стройные минареты, портално-купольные здания,

грандиозные входные порталы. Главным зданием ансамбля, противостоящим входу, была мечеть с огромной аркой, поддерживаемой восьмигранными минаретами и увенчанная бирюзовым, как бы сливающимся с небом куполом. Особой величием, гармоническим чувством пропорций отличался интерьер. Мечеть Биби-Ханым свидетельствует о смелости замысла и мастерстве создавших ее зодчих, она имела обширный двор 78 на 64 метра, обведенный галереями с 389-ю куполами и арками на мраморных колоннах.

Мечеть Биби-Ханым 1399-1404 гг.

Торжественно монументальна усыпальница Тимуридов—Гур-Эмир в Самарканде была построена в 1403-1404 гг. по приказу Тимура. В этом здании господствуют простые архитектурные объемы: восьмигранник основание, цилиндрический барабан и огромный ребристый сине-голубой купол. Внутреннее убранство мавзолея чрезвычайно богато: стены облицованы мрамором, резным стуком, покрыты орнаментальными росписями, вокруг надгробий расположена ажурная мраморная ограда, резные деревянные двери отличаются тончайшей ювелирной работой. Строгой красотой выделяется надгробие Тимура из темно-зеленого нефрита.

В первой половине 15 в. застройка Самарканда, Бухары и других городов Средней Азии была продолжена внуком Тимура Улугбеком, который был выдающимся ученым-астрономом своего времени. На площади Регистан в Самарканде было воздвигнуто медресе Улугбека 1417—1420гг. Планировка медресе в значительной мере объяснялась замкнутым характером высшего мусульманского учебного заведения. Открытый прямоугольный двор окружен двухэтажными зданиями, где расположены кельи для учащихся. Они выходят во двор открытыми лоджиями. В середине каждой стены высятся четыре айвана, служившие местом для занятий. Медресе Улугбека отличается стройностью пропорции, единством архитектурных форм и изысканной красотой мозаик, сохранивших более чем за пять веков своего существования всю прелесть и свежесть чистых красок.

В Самарканде в XVII в. был создан знаменитый ансамбль площади Регистан. Величественный ансамбль господствует над низкой жилой застройкой окружающих улиц. Ансамбль состоит из трех медресе, расположенных симметрично на трех сторонах почти квадратной площади: с западной стороны находится медресе Улугбека, с востока и севера — медресе Шир-Дор и Тилля-Кари, сооруженные двумя столетиями позже. Каждое здание состоит из прямоугольного двора, по сторонам группируются в один-два этажа жилые помещения для учащихся и преподавателей. По основным осям размещаются айваны - открытые во двор зальные помещения.

Процесс урбанизации протекал на основе планомерного расселения людей, на основе их этнического, производственного, сословного

происхождения и статуса. В центре Регистана, вокруг величественных духовно-просветительных учреждений – медресе, мечетей и хонакох селились семьи ученых и духовенства. За ними начинались кварталы ремесленников, далее торговцев и т.д. Характерно, что культурно-этническое и сословно-статусное расселение были характерны и для других крупных городов Центральной Азии таких как Бухара, Хива, Ташкента, Насаф и Кеш. Особенностью градостроительства древнего Самарканда является то, что сооружения этого древнего города отличаются художественно-монументальной росписью, сделанной из специального строительного материала, включая металл, стекло, терракоту, кость, дерево, драгоценные и полудрагоценные камни и многое другое. Шахрисабз был второй столицей государства Тимура, о котором он постоянно заботился, благоустраивал и украшал. Великий Бабур – потомок Амира Тимура, основатель династии Бабуридов, писал: "...Так как Кеш был местом рождения Тимурбека, он приложил много старания и забот, чтобы превратить город в "подножье трона" (резиденцию государства)". Наглядное свидетельство этому огромный дворец Ак-Сарай, равному которому не было в то время. Ак-Сарай до сих пор остается непревзойденным шедевром орнаментальной мозаики. На вершине портала Ак-Сарая огромными буквами была выполнена надпись: "Если ты сомневаешься в силе нашего чудодейния – взгляни на наши постройки!" Одним из чудес дворца был устроенный на крыше хауз, с которого стекал живописный каскад струй. Вода в хауз поступала по свинцовому желобу с горного перевала Тахтакарача. Арка входного портала Ак-Сарая, рухнувшая лет 200 назад, была крупнейшей в Средней Азии. Пролет портала составлял 22,5 м. От этого величественного сооружения сохранились два разобщенных пилона. Высота этих пилонов даже в нынешнем разрушенном состоянии достигает 38 м. Мозаика филигранной работы, собранная в сложную цветовую гамму, поражает ярким затейливым орнаментом и росписями. Сохранившаяся до наших дней часть пилонов и монументальной арки, поражает размерами - высотой с 12 -этажный дом и шириной около 20 метров.

Значительно лучше сохранились памятники тимуридского времени в юго-западной части города. Преимущественно это остатки некогда грандиозного погребального комплекса. Мавзолей Дорус-Сиадот ("Дом потомков пророка"), где был похоронен любимый сын Амира Тимура Джахангир. Комплекс стал семейной усыпальницей тимуридов. Вековые чинары зеленеют здесь и поныне, являясь священным символом Шахрисабза. Другой погребальный комплекс – Дараут-Тиловат ("Дом созерцания"). Два мавзолея – Хазрети шейх (Шамседина Куляля) и Гумбези Сейидан, а также Соборная мечеть Кок-Гумбаз (" Голубой купол "). Была построена на фундаментах более раннего здания домонгольского времени с аналогичной планировкой. Расположенная на единой оси с мавзолеем Куляля она стала

соборной мечетью города. К мечети когда-то примыкали летние галереи, от которых сохранились основания квадратных пилонов, поддерживающих арки. Надпись на портале свидетельствует о том, что мечеть возведена Улугбеком от имени своего отца Шахруха.

От величественного святилища сохранилось центральное купольное сооружение. Диаметр купола - 46 метров, это больше, чем диаметр купола в Биби-ханум. Квадратный зал увенчан сфероконическим куполом, опирающимся на шестнадцатигранник. В углах массивных стен встроены четыре винтовые лестницы. На части наружного купола прочитываются остатки коранических текстов, выложенных кирпичной мозаикой в майоликовом обрамлении.

С XVI века политическим и торговым центром Средней Азии стала Бухара. Обширное городское строительство сопровождалось созданием архитектурных ансамблей. В это время оформляется центр города: его ансамбль образуют медресе Мири-Араб и мечеть Калян с минаретом — башней, откуда глашатай призывал мусульман на молитву. Минарет Калян построен в виде круглоствольной кирпичной башни, сужающейся кверху; диаметр ее у основания - 9 метров, вверху - 6 метров, высота 46 метров. Внутри вокруг столба вьется кирпичная винтовая лестница, ведущая на площадку шестнадцатиярусной ротонды-фонаря, опирающегося на выступающие ряды кладки, оформленные в виде пышного сталактитового карниза - шарафа. Купольное помещение внутри фонаря окружено обходной галереей, в арках которой возглашали призыв на молитвы. Отсюда совершались и казни: последнюю жертву сбросили с минарета в 1884 году.

Тимуридская архитектура. Империя Тимуридов была основана Тимуром в 1370 году и включала территории современного Узбекистана и Казахстана. Архитектура Тимуридов использовала некоторые сельджукские традиции и представляла собой грандиозные здания, построенные из обожженных кирпичей. Внешний вид зданий был украшен высокодетализированным синим и бирюзовым линейным и геометрическим узором глазурованной плитки, вдохновленным иранской техникой баннаи. В соответствии с исламской архитектурой, архитектура Тимуридов также часто имеет купола и минареты, последние из которых вызывают призыв к молитве. Мавзолей Ходжи Ахмеда Ясави, Туркестан, Казахстан. На юге современного Казахстана влияние Империи Тимуридов также можно найти в Туркестане. Примером этой архитектуры является мавзолей Ходжи Ахмеда Ясави, который был построен в 1389 году Тимуром для замены меньшего мавзолея XII века для Ходжи Ахмеда Ясави. Частично недостроенный мавзолей является примером исламского стиля архитектуры Тимуридов. Он построен из обожженного кирпича и украшен геометрическим орнаментом из глазурованной плитки. Мавзолей также украшен изразцовыми узорами внутри здания. В Узбекистане многочисленные образцы тимуридской

архитектуры можно найти в Самарканде, который был столицей империи Тимуридов с момента ее основания в 1370 году до переезда в Герат в начале 15 века. Поскольку это был царский город, Тимур часто возвращал ремесленников из побежденных городов для строительства в Самарканде. Примером тимуридской архитектуры в Самарканде является мечеть Биби-Ханым. Мечеть была построена между 1399 и 1404 для того, чтобы почтить память жены Тимура, и была завершена до смерти Тимура в 1405 году. На время строительства, это был один из самых больших мечетей в мире, и по-прежнему является крупнейшим в Самарканде. Как и в случае с другой архитектурой Тимуридов, мечеть имеет глазурованный керамический узор, бирюзовый купол и геометрический рисунок стен. Другим ярким примером архитектуры Тимуридов найден в Самарканде является Гур-Эмир (или Гур-Эмир) Мавзолей. Построенный в 1403 и 1404 годах, мавзолей представляет собой могилу Тимура и его сыновей Шахрукха и Миран Шаха, а также других членов семьи. Мавзолей украшен синей и белой плиткой, а также большой мозаикой. Это особенности архитектуры Тимуридов, а также иранское влияние. В здании также есть большой купол в исламском стиле и минареты, которые были отремонтированы в 1950-х годах. Тимур родился в Шахрисабзе, узбекском городе, расположенном примерно в 50 милях к югу от Самарканда. В городе Тимур также построил Ак Сарай (Белый дворец) в 1380 году после победного сражения с Ургенчем. Несмотря на то, что от первоначального здания осталась только часть, Ак Сарай также демонстрирует, что он украшен глазурованной плиткой с геометрическим рисунком, характерной для всей архитектуры Тимуридов.

Туркестан — это духовное созвучие, соединяющее прошлое и настоящее тюркского народа. Более двух тысяч лет насчитывает история региона на юге Казахстана, на многие века ставшего главным политическим и культурно-историческим центром страны. Именно здесь зарождалась казахская государственность, именно здесь тысячи лет назад появлялись и развивались древние центры международной торговли, именно отсюда началось распространение ислама по казахской земле. Сотни лет Туркестан олицетворял собой огромный регион, который сейчас принято называть Центральной Азией, и включал в себя огромные территории от Сибири до Афганистана и от Каспия до Монголии.

Древние городища и поселения, памятники архитектуры и священные для мусульман места делают Туркестан уникальным местом для туристов. Главным объектом на туристической карте региона был и остается мавзолей Ходжи Ахмеда Ясави, расположенный на территории историко-культурного музея-заповедника «Хазрет Султан». Суфийский поэт Ходжа Ахмед Ясави был очень почитаем и оказал огромное влияние на распространение ислама в Центральной Азии. Множество легенд рассказывают о жизни этого человека,

о его деяниях и учениях. Значимость этого проповедника оценил и Тамерлан, начавший строительство мавзолея.

Туркестан — это колыбель тюркского мира. В заключении, приведу выдержки из слов первого Президента Казахстана, Н.Назарбаева о Туркестане и тюркском мире. Туркестан — это духовное сердце казахского народа, священный город, в котором на вечно покоятся выдающиеся сыны казахской земли. Из 164 человек, похороненных здесь, 21 человек был правителями, и более 30 это герои предводители эпохи войн и бии. История Туркестана — история всего казахского народа.

Гордость за священный Туркестан глубоко укоренилась в сердце каждого казаха. Туркестан является священным и сакральным местом для всех тюркских народов. В народе есть поговорка «Мадина — Мухаммед, Туркестан — Ясави». Такие разнообразные факторы превратили Туркестан в духовный центр всей туранской степи и тюркских народов.

Всем известно, что Туркестан является центром всего тюркского мира. Братские страны — Узбекистан, Кыргызстан и Туркменистан, — рады видеть рост его статуса. Это священное место тюркских народов, которое будут посещать много людей.

Список использованной литературы

1. [<https://www.dissercat.com/content/sovremennye-tendentsii-arkhitekturno-khudozhestvennogo-tvorchestva-i-aktualnye-vektory-arkhi>]
2. [https://ru.qaz.wiki/wiki/Architecture_of_Central_Asia]
3. [https://inbusiness.kz/ru/stop_cadre/turkestan-ot-drevnej-stolicy-kazahskogo-hanstva-do-duhovnogo-centra-tyurkskih-narodov inbusiness.kz]
4. «Популярная художественная энциклопедия». Издательство «Советская энциклопедия», Москва 1986 год.
5. www. Wikipedia.ru

Автор туралы мәлімет:

Серікпаева А., Түркітану магистрі, Қазақ ұлттық өнер университетінің студенті
Серікпаева Л., Перспективалық зерттеулер мен әзірлемелер орталығы, Нұр-Сұлтан қ., Қазақ ұлттық өнер университеті, Нұр-сұлтан қ.

ОРТАЛЫҚ АЗИЯНЫҢ ОРТАҒАСЫРЛЫҚ СӘУЛЕТІНІҢ КӨРКЕМДІК ШЕШІМДЕРІНІҢ ЕРЕКШЕЛІКТЕРІ

Андатпа: Бұл мақалада Орта Азияның ортағасырлық сәулет өнерінің көркемдік шешімдерінің дамуының кейбір аспектілері қарастырылған. Бұл тақырыпты зерделеудің маңызды бөлігі бүкіл түркі әлемінің орталығы болып табылатын Түркістан қаласын жария ету болып табылады. Материалда хронологиялық реттілікпен Орта Азиядағы сәулет-көркем шығармашылықтың негізгі ескерткіштері ұсынылған.

Түйінді сөздер: Түркістан, ортағасырлық сәулет, Орталық Азия, мәдениет, медресе, мешіт, мұнара.

FEATURES OF ARTISTIC SOLUTIONS OF MEDIEVAL ARCHITECTURE IN CENTRAL ASIA

Abstract: This article discusses some aspects of the development of artistic solutions of medieval architecture in Central Asia. The most important part for studying this topic is the coverage of the city of Turkestan, which is the center of the entire Turkic world. The material presents the main monuments of architectural and artistic creativity in chronological order in Central Asia.

Keywords: Turkestan, medieval architecture, Central Asia, culture, madrasah, mosque, minarets.

ДИНАСТИЯ МЕРОВИНГОВ И СОЗДАНИЕ ФРАНКСКОГО ГОСУДАРСТВА

М.Е. Шайхутдинов

доктор исторических наук, профессор,
научный руководитель Международного научного комплекса Астана (МНКА)
г. Нур-Султан

Аннотация. В статье на основе средневековых исторических источников и широкого круга научно-исследовательской литературы рассматривается процесс возникновения и развития Франкского государства, а также роль династии Меровингов в этом процессе. Вскрыты политические и религиозные факторы резкого усиления и возвышения франкских племен при короле Хлодвиге. Показан процесс расширения Франкского государства при преемниках Хлодвига, в том числе за счет подчинения различных германских племен. Охарактеризован период правления майордомов, которые отняли власть у безвольных меровингских королей. Отмечена особая роль Карла Мартелла и Пипина II в подготовке политических условий для создания новой династии – династии Каролингов.

Ключевые слова: Западная Римская империя, Франкское государство, династия Меровингов, Мероверы, Хлодвиг, Пипин II, Карл Мартелл

Введение. Падение Западной Римской империи положило начало новому этапу европейской истории. Возник целый ряд т.н. «варварских» государств, попытавшихся соединить собственные обычаи и традиции с элементами римской государственности и римского права. Одним из примеров подобного синтеза стало Франкское государство, созданное в конце V в. королем Хлодвигом из династии Меровингов. Формирование Франкского государства было длительным и противоречивым процессом, в рамках которого наблюдались междоусобицы, но при этом процесс расширения государства не прекращался. Важную роль в усилении Франкского государства сыграла католическая церковь. Остановимся более детально на основных этапах становления и развития Франкского государства.

Первые франкские короли. В 476 году пала Западная Римская империя. Одним из геополитических последствий этого судьбоносного события стало усиление и возвышение франкских племен. Влиятельный и хорошо осведомленный епископ Григорий Турский сообщает: «франки пришли из Паннонии и прежде всего, заселили берега Рейна. Затем они перешли Рейн, прошли Торингию и там по округам и областям избрали себе длинноволосых королей из своих первых, так сказать, более знатных родов» [1]. Разумеется, епископ обратил внимание и на религию франков: «Видимо, этот народ [франки] всегда был привержен язычеству; они совершенно не признавали бога, но делали изображения лесов и вод, птиц и животных, и других стихий природы и поклонялись им как богу и приносили жертву» [2].

Григорий Турский признает, что о правителях франков известно немного: «Хотя о них много рассказывается в истории Сульпиция Александра, однако он вовсе не называет первого их короля, но говорит, что у них были вожди» [3]. По его словам, франкские вожди Генобавд, Маркомер и Суннон «устремились в Германию и, перейдя границу, перебили многих жителей, опустошили плодороднейшие области, а также навели страх на жителей Кельна» [4]. Епископ также сообщает, что когда западноримский полководец Аэций защищал Галлию от гуннов, в его войсках сражались франки [5]. Согласно легендам, салических франков возглавлял *Меровей*, родившийся в семье короля Хлодиона. С тех пор все франкские короли стали зваться Меровингами [6]. После смерти Меровея государство франков возглавил его сын *Хильдерик*. Григорий Турский сообщает: «Когда Хильдерик был королем над франками, он, отличаясь чрезмерной распущенностью, начал развращать их дочерей. Это вызвало ярость франков, и они лишили его королевской власти» [7].

Согласно «Хроникам Фредегара», франк Виомад посоветовал Хильдерiku бежать в Тюрингию, где правил король Бизин и его супруга Базина. Франки избрали своим королем Эгидия, носившего звание «магистра милитум в Галлии» (*magister militum per Gallias*) [8]. Эгидий назначил Виомада своим наместником. Тот посоветовал Эгидию проводить в отношении «диких» и «необузданных» франков жесткую налоговую политику [9]. Хронист уточняет: «Затем Виомад под вымышленным предлогом послал к Эгидию сто избранных им франков, а Эгидий, по совету Виомада, приказал их убить. Виомад украдкой обратился к франкам: «Вам недостаточно податей, которые вы платите? Доколе вы будете терпеть, что равных вам избивают, как скот?». Франки в один голос ответили ему: «Если бы мы могли где-нибудь отыскать Хильдерика, мы вернули бы ему королевскую власть» [10].

В итоге Хильдерик вновь стал королем франков. Узнав об этом, тюрингская королева Базина оставила короля Бизина, тотчас же прибыла к Хильдерiku и заявила ему: «Я знаю твои доблести, знаю, что ты очень храбр, поэтому я и пришла к тебе, чтобы остаться с тобой. Если бы я узнала, что есть в заморских краях человек, достойнее тебя, я сделала бы все, чтобы с ним соединить свою жизнь» [11]. Вскоре Базина родила Хильдерiku сына, которого называли Хлодвигом.

Известно, что в 463 и 469 годах Хильдерик вместе с Эгидием сражался против вестготов. Григорий Турский сообщает: «И вот Хильдерик вел войну под Орлеаном, а Одоакр выступил против Анжера. Тогда сильная эпидемия чумы покосила народ. Умер также и Эгидий, оставивший сына по имени Сиагрий. После смерти Эгидия Одоакр получил заложников из Анжера и других мест. Бретоны, изгнанные готами из Буржа, многих своих оставили убитыми около деревни Деоль. Но Павел, римский начальник, с помощью римлян и франков выступил против готов и унес с поля боя богатую добычу. Когда же Одоакр пришел в Анжер, то туда на следующий день подошел король Хильдерик и, после того как был убит Павел,

захватил город» [12]. «После этих событий, – продолжает историк, – между саксами и римлянами началась война. Но саксы обратились в бегство, и когда их преследовали римляне, то они многих своих оставили на поле боя, сраженных мечом. Франки захватили и разорили острова саксов, при этом убили много народа. ...Одоакр заключил союз с Хильдериком, и они покорили алеманнов, захвативших часть Италии» [13].

Хильдерик умер в 481 году и был похоронен со своим боевым конём и оружием. Унаследовавший власть король *Хлодвиг (481-511 гг.)* шаг за шагом он начал группировать вокруг себя франкские племена. В это же время обострилась ситуация в Галлии. Э. Лависс отмечает: «В Италии не было уже императора, но Запад считался номинально под властью императора Византии. Заполняемая со всех сторон варварами, Галлия ещё считала себя римской провинцией. Сын Эгидия, Сиагрий, собрал остатки верных Империи отрядов. Его официальное положение неясно. Современники называют его то «королем римлян», то патрицием, то дуксом» [14]. Рано или поздно между Сиагрием и Хлодвигом должен был вспыхнуть конфликт.

Хлодвиг: завоевание или взятие власти? В 486 году Хлодвиг объявил войну Сиагрию. В битве при Суассоне Сиагрий был разбит и бежал к королю готов Алариху в Тулузу, однако Аларих выдал Сиагрия и тот был заколот мечом по приказу Хлодвигу. Затем Хлодвиг взял Париж и утвердился на Западе, опираясь на Арморикку, заинтересованную в сближении с франками «ввиду общей борьбы с саксонскими пиратами» [15]. Современные немецкие историки считают победу Хлодвигу не «завоеванием», а «взятием власти». По их мнению, правление Хлодвигу не было «чужеземным владычеством», поскольку оно базировалось на «общности интересов франков и галло-римлян на севере» [16].

Хлодвиг женился на племяннице Гундобальда Бургундского Хродехильде (*Клотильде*) [17]. Католичка Хродехильда убеждала мужа принять крещение, но он опасался своих богов и своих воинов. Хродехильда уговорила мужа крестить их сына Ингомера, который вскоре умер. Затем она крестила второго сына, Хлодомера, который тоже заболел. Хлодвиг заявил: «С ним случится то же, что и с его братом» [18]. Тем не менее Хлодомер выжил. Затем Хлодвиг отправился на войну с алеманнами. В долине Рейна состоялась решающая битва. Когда Хлодвиг понял, что может потерпеть поражение, он призвал на помощь Христа и выиграл сражение.

В 498 году епископ Ремигий крестил Хлодвигу в Реймсе. Вместе с Хлодвигом крещение приняли 3000 его воинов. Этот шаг повлиял и на историю франков, и на историю всей Европы. Г. Мансуэлли констатирует: «Отныне франки были интегрированы в западное сообщество, которое своим духовным центром признавало резиденцию папы римского» [19]. Современный немецкий историк У. Дирльмайер подчеркивает, что крещение Хлодвигу способствовало слиянию галло-римских и франкских высших слоев. Оно стало стабилизирующим фактором, которого не было в других германских государствах, и важной предпосылкой для

сближения имперской власти и церкви [20]. Действительно, крещение Хлодвига было очень важно для церкви, так как Теодорих, Гундобальд Бургундский и король готов Аларих II были арианами, поэтому Хлодвиг, принявший никейское христианство, воспринимал их как врагов церкви и как собственных врагов.

В 500 году Хлодвиг напал на Бургундию и разбил Гундобальда, родной брат которого Годагизил перешел на сторону франков. Однако Гундобальд взял реванш. Годагизил был убит. Гундобальд стал католиком, а также принял законы, которые существенно улучшили положение галло-римлян в Бургундском государстве [21].

Более успешной была война против короля готов Алариха, который предложил Хлодвигу встретиться и обсудить их отношения. Григорий Турский сообщает: «Поговорив между собой, они вместе пообедали, выпили вина и расстались с миром, пообещав друг другу дружбу. Многие жители Галлии очень хотели тогда быть под властью франков» [22]. Однако между готами начались споры и Хлодвиг объявил им священную войну, заявив своим воинам: «Я очень обеспокоен тем, что эти ариане владеют частью Галлии. Пойдемте с божьей помощью на них и, победив их, подчиним нашей власти страну» [23]. Летом 507 года в битве у Вуйе, недалеко от Пуатье, Хлодвиг одержал победу над готами и убил Алариха II [24]. Сын Алариха II Амаларих бежал в Испанию, а сын Хлодвига Теодорих захватил города Альби, Родез и Клермон – от владений готов до границы бургундов [25]. По словам Григория Турского, Хлодвиг «провел зиму в городе Бордо и, захватив все сокровища Алариха в Тулузе, прибыл в город Ангулем» [26]. После взятия Ангулема Хлодвиг вошел в город Тур, где получил от византийского императора Анастасия диплом консула. Затем Хлодвиг прибыл в Париж, сделав его своей резиденцией.

В войне против готов Хлодвигу помогал Хлодерих – сын кельнского короля Сигиберта. Хлодвиг сказал Хлодериху: «Вот твой отец состарился, у него большая нога, и он хромот. Если бы он умер, то тебе по праву досталось бы вместе с нашей дружбой и его королевство» [27]. Когда Хлодерих убил отца, его самого убили послы Хлодвига. В итоге кельнские франки подняли Хлодвига на круглый щит и провозгласили его своим королем [28]. Затем Хлодвиг наказал короля Харариха за то, что тот не поддержал его в войне против Сиагрия. Он «хитростью захватил его вместе с сыном, связал их и приказал постричь и рукоположить Харариха в сан пресвитера, а его сына – в сан диакона» [29]. Опасаясь, что пленники отрастят волосы и вернут власть, Хлодвиг обезглавил их.

Потом Хлодвиг вспомнил о правившем в Камбрэ короле Рахнагаре и его братьях Рихаре и Ригномере. Он пообещал приближенным Рахнагара золотые браслеты и те привели к нему связанного Рахнагара. Хлодвиг сказал Рахнагару: «Зачем ты унижил наш род тем, что позволил себя связать? Лучше тебе было бы умереть». И, подняв секиру, рассек ему голову» [30]. Хлодвиг убил также Рихара, сказав ему: «Если бы ты помог своему брату, его бы не связали» [31]. Был убит и Ригномер [32]. Григорий Турский пишет: «Так ежедневно бог предавал врагов его

в руки его и увеличивал его владения, ибо он [Хлодвиг] ходил с сердцем правым перед господом и делал то, что было приятно его очам» [33]. В то же время епископ пишет о Хлодвиге: «говорят, собрав однажды людей, он сказал о своих родственниках, которых он сам же умертвил, следующее: «Горе мне, что я остался чужим среди иностранцев и нет у меня никого из родных, которые могли бы мне чем-либо помочь в минуту опасности». Но это он говорил не из жалости к убитым, а из хитрости: не сможет ли он случайно обнаружить еще кого-либо [из родни], чтобы и того убить» [34].

Хлодвиг умер в 511 году в Париже в возрасте 45 лет. Он был похоронен в построенной им самим церкви святых Апостолов. Его супруга поселилась в Туре и, по словам Григория Турского, редко посещала Париж [35].

Историки традиционно неблагоприятно относятся к Хлодвигу. Так, немецкий историк И. Шерр обличает в грехах не только короля Хлодвига, но и всю династию Меровингов: «Самая безнравственная фантазия напрасно старалась бы придумать такие пороки и ужасы, какие были совершенно обыкновенны в доме Меровингов. Самое грубое суеверие, самая дикая чувственность, клятвопреступление, предательство, кровосмешение, отравления, убийства родственников, самая утонченная злость и жестокость – вот главные черты той картины, которую описал клирикальный летописец того времени Григорий Турский» [36].

В отличие от И. Шерра, швейцарский историк Я. Буркхардт отвергает морализаторство: «Этапы своего восхождения к власти Хлодвиг выдержал с полной последовательностью: 486 – 496 – 506 годы. Будучи правителем большей части Галлии, он впоследствии, очевидно, при полном одобрении соответствующих народностей, разделался с другими соправителями франков. Основа всей его власти зиждется на преступлениях; только не всякому замарашке пристало находиться в убеждении, что, совершая преступление, он основывает государство» [37].

Расширение Франкского государства. Сыновья Хлодвига поделили между собой королевство как вотчину. Старший сын Хлодвига Теодорих (511-533/534 гг.), родившийся от принцессы из рипуарских франков, получил восток с Реймсом в качестве столицы и города Кельн, Трир, Цюльпих, Мец, Верден и Шалон на Марне, а на юге Луары – Пуи, Лимож, Кагор и Овернь. Хлодомир (511-524 гг.) получил Орлеан, Оксер, Санс, Шартр, Анжер, Тур, Бурж и Пуатье. Хильдеберт (511-558 гг.) получил Париж и страну до Соммы и Ла-Манша с Бретанью. Хлотарь (511-561 гг.) получил Суассон в качестве столицы, Лан, Нуайон, Камбрэ и германские области вокруг нижнего Мааса и Маастрихта. Тем не менее, королевство считалось единым *regnum francorum* [38]. В этой связи Э. Лависс отмечает: «Братья, хотя и вечно враждовавшие, сохраняли сознание общности задач: завершить покорение Галлии, отбить вражеские нашествия и начать наступление на соседние страны. Их столицы находились на краю их уделов и почти соприкасались» [39]. Но, уточняет историк, в момент смерти Хлодвига Галлия не была покорена целиком: «Бургундия сохраняла независимость под управлением Гундобальда, вестготы владели

Септиманией, Теодорих Остготский захватил Прованс. Несмотря на свои раздоры, сыновья Хлодвига dokonчили дело отца, покорив эти страны» [40].

После смерти Гундобальда (*отца Хродегильды*) Бургундию возглавил его старший сын *Сигизмунд*, который сблизился с Византией, что вызвало недовольство его подданных-ариан и Теодориха Остготского, претендовавшего на гегемонию над варварскими королевствами. К тому же, по наговорам своей второй жены Сигизмунд велел задушить своего сына Сигириха от брака с дочерью Теодориха Остготского. Глубоко раскаявшись в содеянном, Сигизмунд навсегда удалился в монастырь [41].

Братья решили, что это удобный момент для нападения на Бургундию. Во время *первого* похода Хлодомер убил Сигизмунда с женой и сыновьями, бросив их в колодец [42]. Тогда же Теодор Остготский захватил ряд городов к югу от Дюрансы. *Второй* поход был вызван тем, что брат Сигизмунда Годомар вернулся в Бургундию. Хлодомер отправился в поход вместе с Теодорихом Остготским, но в 524 году попал в западню и был убит. *Третий* поход состоялся после смерти Теодориха Остготского. Братья разбили Годомара и разделили Бургундию. Юных сыновей Хлодомера (*Теодовальда, Гунтара и Хлодовальда*) забрала к себе их бабушка Хродехильда. Хлотарь убил Теодовальда и Гунтара, а Хлодовальд бежал и принял монашество. Хильдеберт взял себе Шартр и Орлеан, Хлотарь – Тур и Пуатье, а Теодориху дали Санс и Оксерр, связавшие Овернь с его восточными владениями.

После Бургундии настал черед Тюрингии, где правили братья Бадерих, Герменфред и Бертахар. В 525 г. Герменфред убил Бертахара. Супруга Герменфреда Амалаберга решила поссорить братьев. Григорий Турский сообщает: «...когда однажды её муж пришел к обеду, он увидел, что стол накрыт только наполовину. Он спросил, что это значит, и она ему ответила: «Кто в королевстве владеет лишь половиной, тому и стол следует накрывать наполовину» [43]. Тогда Герменфред предложил сыну Хлодвига Теодриху вместе напасть на Бадериха и разделить его королевство, но после победы над Бадерихом забыл о своем обещании.

В 531 году Теодорих предложил своему брату Хлотарю вместе отомстить Герменфреду, пообещав ему за помощь часть добычи [44]. Захватив Тюрингию, Теодорих и Хлотарь захватили Радегунду – дочь короля Бадериха. Радегунда досталась Хлотарю, однако предпочла уйти в монастырь. Когда братья ещё были в Тюрингии, Теодорих решил убить Хлотаря, но тот разгадал его намерение и спас свою жизнь [45]. Вернувшись домой, Теодорих пригласил к себе Герменфреда, пообещав ему безопасность, но когда они беседовали на крепостной стене города, кто-то толкнул Герменфреда вниз, тот упал и разбился [46].

Сыновья Хлодвига пробивались к Средиземному морю. Им удалось овладеть Марселем. Готы уступили франкам власть над алеманнами на севере Реции, но на другом берегу, в Септимании, господствовали вестготы. Хильдеберт и Хлотарь

имели предлог для агрессии – их сестра Клотильда, жена вестготского короля Амалариха, терпела притеснения от мужа-арианина. Амаларих был убит [47], но его преемник Тевдис I сумел отстоять Септиманию.

В 534 году умер Теодорих. Хильдеберт и Хлотарь хотели устранить его сына Теодоберта [48], но тот сохранил власть. В 539 году Теодобарт отправился в Италию и вернулся оттуда с большой добычей [49]. Он разбил также воинственные племена *данов*, которые жили на Ютландском полуострове и нередко нападали на франков на своих легких ладьях. Откликом на эти события стала знаменитая «Поэма о Беовульфе» [50]. Энергичный и смелый Теодоберт умер в 548 году. Его неудачливый сын *Теодобальд* правил недолго, его наследие захватил Хлотарь.

В 555 году вновь напомнили о себе *саксы*, которые в 531 году были союзниками франков в войне против тюрингов. Саксы подняли мятеж против франков и подключили к нему тюрингов. Хлотарь опустошил Тюрингию и разбил саксов, которые обязались уплачивать франкам ежегодную дань в виде 500 коров [51].

В 558 году последний живой сын Хлодвига *Хлотарь* воссоединил королевство франков [52]. В 561 году владения Хлотаря перешли к его сыновьям Хариберту, Гунтрамну, Сигиберту и их сводному брату Хильперiku. По словам Д. Бартелеми, братья враждовали между собой, особенно король Австразии *Сигиберт* и король Нейстрии *Хильперик*, и, соответственно, их супруги, Брунгильда и Фредегонда.

После смерти Сигиберта (575 г.) бездетный король Бургундии Гунтрамн заключил союз с его сыном Хильдебертом II против короля Хильперика, который умер в 584 году. Гунтрамн сразу же взял под опеку сына Хильперика Хлотаря II и его супругу Фредегону, что не помешало ему возобновить союз с Хильдебертом II.

28 ноября 587 году по инициативе Брунгильды Гунтрамн и Хильдеберт II подписали Анделотский договор. Они поклялись друг другу в вечной дружбе и договорились, что если один из них умрет бездетным, другой будет его наследником. Возмущенная Фредегонда безуспешно пыталась убить Хильдеберта II и его детей.

В 593 году Гунтрамн умер и Хильдеберт II получил наследство, но фактически государством правила его мать Брунгильда. Хильдеберт II умер в 596 году, оставив двух сыновей 11-ти и 9-ти лет. Теперь Брунгильда правила уже от имени своих внуков, но магнаты Австразии не хотели терпеть её власть. Она была схвачена и приведена к Фредегонде, подвергнута истязаниям и брошена на поругание армии.

Теперь владыкой франкской монархии стал 30-летний сын Хильперика и Фредегонды, король Нейстрии *Хлотарь II* (613-629 гг.), который стал орудием в руках аристократии. 10 октября 614 года в Париже собрался собор 79 епископов. 18 ноября собором был утверждён эдикт, отменивший «неправильные пошлины». Король обязался взимать лишь пошлины, установленные во времена Гунтрамна,

Хильперика и Сигиберта. Отныне никто не мог быть осуждён, не будучи выслушан. Графы должны избираться из той страны, где они назначены управлять и т.д. [53].

Постепенно исчезло политическое единство Франкского государства. Бургундия, Австразия и Нейстрия потребовали каждая для себя особого майордома – главу чиновников и магнатов. В итоге появились три королевства при одном короле. Вскоре Австразия потребовала для себя собственного короля, и Хлотарь II отправил им своего сына Дагоберта [54]. Хлотарь II умер 18 октября 629 года.

26-летний наследник Хлотаря II *Дагоберт I (629-639 гг.)* попытался восстановить единство Франкского государства. Он оттеснил от трона своего родного брата Хариберта и направил его управлять Аквитанией, которая отличалась политической нестабильностью. До самой своей смерти в 632 году Хариберт успешно защищал Аквитанию от басков. Затем Дагоберт I вновь вернул Аквитанию под свое непосредственное управление [55]. Дагоберт I укрепил престиж королевской власти, обуздал магнатов и увеличил доходы казны. Он покорил алеманнов, вмешался в интриги вестготов Испании и лангобардов Италии, а также договорился с Византией о совместной борьбе со славянами. В то же время Австразия и Нейстрия требовали назначить себе собственных королей. В 634 году Дагоберт I дал в короли Австразии своего сына *Сигиберта III*. Нейстрия взяла себе в короли второго сына Дагоберта I – *Хлодвига II*, которого Дагоберт I заранее назначил королем соединённых Нейстрии и Бургундии [56]. Дагоберт I скончался в 639 году и был погребен в монастыре Сен-Дени, оставив о себе хорошую память. Э.Лависс пишет о Дагоберте I: «Его эпоха представляется блестящей, если сравнить ее с той эпохой войн и общественных бедствий, какие последовали за ней» [57].

Правление майордомов. Непрерывные разделы вели к смутам среди Меровингов. По словам М.Ц. Арзаканян, сложились три комплекса земель, образующих Королевство франков: Австразия (*на северо-востоке королевства, включая исконные земли франков по берегам Рейна и Мааса*); Нейстрия (*на северо-западе Галлии с центром в Париже*) и Бургундия (*на востоке, на территории бывшего королевства бургундов*). Аквитания считалась общей территорией всех трех франкских королей [58]. В середине VII в. власть захватили *майордомы*. Эйнхард отмечает: «и богатство, и могущество короля держались в руках дворцовых управляющих, которых называли майордомами, им принадлежала вся высшая власть. Ничего не оставалось королю, как, довольствуясь царским именем, сидеть на троне с длинными волосами, ниспадающей бородой и, приняв вид правящего, выслушивать приходящих отовсюду послов...» [59]. Он также напоминает о довольно ограниченных ресурсах меровингских королей: «Ведь кроме бесполезного царского имени и содержания, выдаваемого ему из милости на проживание, очевидно, дворцовым управляющим, король не имел из

собственности ничего, за исключением единственного поместья и крошечного дохода от него...» [60].

В 687 г. майордом Австразии *Пипин II Геристальский* (679-714 гг.) стал майордомом всех частей Франкского государства и добился для своей семьи права наследования должности майордома, что позволило возвысить Каролингов за счет Меровингов [61]. Как отмечает Л. Альфан, внебрачный сын Пипина II *Карл Мартелл* (717-741 гг.) в короткие сроки победил всех своих врагов: «нейстрийцев под Амблемом (южнее Льежа) в 716 г., под Венси (близ Камбре) в 717 г. и под Суассоном в 719 г., саксов и фризов – с 719 по 738 г., аквитанцев в 720 г., аламанов в 730 г., сарацин под Пуатье в 732 г. и потом на Бере близ Нарбонна в 737 г., а через два года в Провансе. Бавария видела его войска в 725 г. и в 728 г.» [62].

Важное значение для франков и всей Европы имели победы Карла Мартелла над арабами. Р. Мюссо-Гулар отмечает, что авторитет, принесенный Пипинидам победами над арабами, «был столь велик, что церковь, которую Карл Мартелл лишил части угодий, передав их во владение своим отличившимся воинам, не решилась протестовать» [63]. Вместе с тем, Карл Мартелл поддержал христианских миссионеров в Германии. В 722 году он утвердил *Виллиброрда*, «архиепископа народа фризов», во власти над Утрехтской Церковью [64]. «В Аламании, – пишет Э. Лависс, – Карл поддерживает *Пирмина*, который основал монастырь Рейхенау» [65]. Главным апостолом Германии стал сын благородного сакса из Уэссекса *Винфрид (Бонифаций)*, которого папа Григорий II направил 15 мая 719 года «к самым диким народам Германии» [66]. Пройдя Баварию и Тюрингию, Винфрид пришёл к Виллиброрду, чтобы лучше подготовиться к своей миссии.

Напомним также, что первым в Европе Карл Мартелл прибег к постоянной практике бенефициев – передаче земли в условное владение военным людям на время несения службы. Так у франков появилось рыцарское сословие, сыгравшее исключительно важную роль во всей последующей европейской и мировой истории.

По мнению Я. Буркхардта, личность Карла Мартелла недооценена историками: «Есть очень крупные индивидуумы, которым особенно не повезло. Карл Мартелл, чьи деяния имели высшее всемирно-историческое значение, несомненно наделенный яркой индивидуальностью, не преобразился в легенду и не удостоился ни единой строки, в которой был описан его индивидуальный образ; а то, что о нем осталось в устной традиции, возможно, сливается с образом его внука» [67].

После Мартелла соправителями стали его сыновья – Карломан и Пипин Короткий. В 742 году они подавили мятежи в Аламании, Баварии и Тюрингии, а также вновь заставили саксов платить дань скотом. Как отмечает Б. Бонвеч, в 743 г. герцог Баварии Одилон и аламанийский герцог Теудебалд при поддержке саксов и славян подняли новый мятеж, но были разбиты. В 746 году был подавлен

последний мятеж в Аламании. В итоге герцогство Аламания было упразднено [68].

Отметим также, что в 743 году братья возвели на трон *Хильдерика III Меровинга*, а также поддержали церковь, прекратив политику секуляризации. Одновременно ужесточалась религиозная дисциплина: священникам запретили носить светскую одежду, воевать и охотиться. Сопrotивление этому курсу привело к отречению Карломана от власти и его уходу в монастырь в 747 году. В итоге Пипин III Короткий остался единовластным майордомом [69].

Заключение. Падение Западной Римской империи привело к появлению целого ряда т.н. «варварских» государств, среди которых своей мощью особо выделялось Франкское государство. Король Хлодвиг сумел объединить и салических, и рипуарских франков. Принятие никейского христианства королем Хлодвигом и его войском противопоставило франков другим племенам, которые приняли арианство. Таким образом, Франкское государство стало союзником католической церкви, а церковь – надежной опорой династии Меровингов.

Главной заслугой Меровингов стало создание государства, которое стало синтезом франкских и римских традиций, о чем свидетельствует «Салическая правда». Меровинги проводили активную завоевательную политику, стремясь взять под контроль земли бывшей Римской Галлии, итальянские и германские земли, а также земли славянского мира. Даже кровопролитные междоусобные войны между многочисленными потомками Хлодвига не могли остановить территориальную экспансию Франкского государства на всех направлениях.

По мнению Эрнста Эриха Метцнера, при первых Меровингах «закладывается геополитическая основа для рождения восточного франкского королевства, которое лишь позднее, начиная с IX в. и уже под властью не одних лишь только франков, получит имя Германии» [70]. Действительно, франкские короли стремились покорить тюрингов, саксов, данов и другие германские племена. В то же время франкские короли испытывали значительные трудности в сфере внутренней политики. Они сталкивались как со своеволием аристократической знати, так и с амбициями католической церкви. Постепенно меровингские короли были оттеснены от власти более жесткими и прагматичными майордомами. По словам Г.-Ф.-В. Гегеля, «майордомы энергично стремились к власти и находились в таких близких отношениях к вассалам, что им наконец стало легко взойти на престол» [71]. Решающую роль в этом процессе сыграл майордом Австразии Пипин II Геристальский и его сын Карл Мартелл, которые создали все необходимые политические и экономические предпосылки для создания новой династии. Дело, начатое Карлом Мартеллом, завершил его сын Пипин III Короткий.

Список использованной литературы

1. Григорий Турский. История франков / Пер. с лат., сост., примеч. В.Д. Савуковой. – М.: Наука, 1987. – с.39.
2. Там же, с.39.
3. Там же, с.36.
4. Там же, с.36.
5. Там же, с.35.
6. Хроники Фредегара. Пер. с лат., комментарии, вступ. статья Г.А. Шмидта. – СПб.: ЕВРАЗИЯ; М.: ИД Клио, 2015. – с.150.
7. Григорий Турский. История франков / Пер. с лат., сост., примеч. В.Д. Савуковой. – М.: Наука, 1987. – с.41.
8. Альфан Луи. Варвары. От Великого переселения народов до тюркских завоеваний XI века / Пер. с франц. Некрасова М.Ю. – СПб.: Евразия, 2017. – с.38.
9. Хроники Фредегара. Пер. с лат., комментарии, вступ. статья Г.А. Шмидта. – СПб.: ЕВРАЗИЯ; М.: ИД Клио, 2015. – с.151.
10. Там же, с.151.
11. Григорий Турский. История франков / Пер. с лат., сост., примеч. В.Д. Савуковой. – М.: Наука, 1987. – с.41.
12. Там же, с.43.
13. Там же, с.43.
14. Лависс Э. История Франции в раннее Средневековье. Блок Г. Начала. Галлия независимая и римская Галлия; Шарль Байе, Кретъен Пфистер, Артюр Кленклоз. Христианство, варвары Меровинги и Каролинги. Перевод с франц. О.А. Добиаш-Рожественской под редакцией И.М. Гревса. – СПб.: «Евразия», 2018. – с.337.
15. Там же, с.337-338.
16. Краткая история Германии / Ульф Дирльмайер, Андреас Гестрих, Ульрих Херманн и др.; пер. с нем. К.В. Тимофеевой. – СПб.: Евразия, 2008. – с.22.
17. Григорий Турский. История франков / Пер. с лат., сост., примеч. В.Д. Савуковой. – М.: Наука, 1987. – с.48.
18. Там же, с.49.
19. Мансуэлли Г. Цивилизации древней Европы / Гвидо Мансуэлли в соавторстве с Раймоном Блоком; пер. с фр. Е. Абрамовой. – Екатеринбург: У-Фактория, 2007. – с.335.
20. Краткая история Германии / Ульф Дирльмайер, Андреас Гестрих, Ульрих Херманн и др.; пер. с нем. К.В. Тимофеевой. – СПб.: Евразия, 2008. – с.22.
21. Григорий Турский. История франков / Пер. с лат., сост., примеч. В.Д. Савуковой. – М.: Наука, 1987. – с.53.
22. Там же, с.54.
23. Там же, с.55.
24. Там же, с.56.
25. Там же, с.56.
26. Там же, с.56.
27. Там же, с.57.
28. Там же, с.58.
29. Там же, с.58.

-
30. Там же, с.58-59.
 31. Там же, с.58.
 32. Там же, с.59.
 33. Там же, с.58.
 34. Там же, с.59.
 35. Там же, с.59.
 36. Шерр И. Германия. История цивилизации за 2000 лет: В 2-х т. Т.1. – Мн.: МФЦП, 2005. – с.78-79.
 37. Буркхардт Я. Размышления о всемирной истории / Пер. с нем. 2-е изд. – М.; СПб.: «Центр гуманитарных инициатив», 2013. – с.289.
 38. Лависс Э. История Франции в раннее Средневековье. Блок Г. Начала. Галлия независимая и римская Галлия; Шарль Байе, Кретьен Пфистер, Артюр Кленклоз. Христианство, варвары Меровинги и Каролинги. Перевод с франц. О.А. Добиаш-Рожественской под редакцией И.М. Гревса. – СПб.: «Евразия», 2018. – с.348.
 39. Там же, с.348.
 40. Там же, с.349.
 41. Григорий Турский. История франков / Пер. с лат., сост., примеч. В.Д. Савуковой. – М.: Наука, 1987. – с.63.
 42. Там же, с.64.
 43. Там же, с.63.
 44. Там же, с.64.
 45. Там же, с.65.
 46. Там же, с.66.
 47. Там же, с.76.
 48. Там же, с.75.
 49. Там же, с.77.
 50. Лависс Э. История Франции в раннее Средневековье. Блок Г. Начала. Галлия независимая и римская Галлия; Шарль Байе, Кретьен Пфистер, Артюр Кленклоз. Христианство, варвары Меровинги и Каролинги. Перевод с франц. О.А. Добиаш-Рожественской под редакцией И.М. Гревса. – СПб.: «Евразия», 2018. – с.353.
 51. Там же, с.352-353.
 52. Бартелеми Д. Рыцарство: От древней Германии до Франции XII в. / Пер. с франц. М.Ю. Некрасова. – СПб.: ЕВРАЗИЯ, 2017. – с.60-61.
 53. Лависс Э. История Франции в раннее Средневековье. Блок Г. Начала. Галлия независимая и римская Галлия; Шарль Байе, Кретьен Пфистер, Артюр Кленклоз. Христианство, варвары Меровинги и Каролинги. Перевод с франц. О.А. Добиаш-Рожественской под редакцией И.М. Гревса. – СПб.: «Евразия», 2018. – с.364.
 54. Там же, с.364.
 55. Там же, с.365-366.
 56. Там же, с.367.
 57. Там же, с.367.
 58. Арзаканян М.Ц. История Франции: учебник для вузов / М.Ц. Арзаканян, А.В. Ревякин, П.Ю. Уваров. – М.: Дрофа, 2005. – с.19.
 59. Эйнхард. Жизнь Карла Великого. Вступительная статья, перевод, примечания, указатели М.С. Петровой. – М.: Институт философии, теологии и истории св. Фомы, 2005. – с.55.
-

60. Там же, с.55.
61. Краткая история Германии / Ульф Дирльмайер, Андреас Гестрих, Ульрих Херманн и др.; пер. с нем. К.В. Тимофеевой. – СПб.: Евразия, 2008. – с.23.
62. Альфан Л. Варвары. От Великого переселения народов до тюркских завоеваний XI века / Пер. с франц. Некрасова М.Ю. – СПб.: Евразия, 2017. – с.155-156.
63. Мюссо-Гулар Р. Карл Великий / Пер. с франц. – М.: Издательство «Весь Мир», 2003. – с.24-25.
64. Лависс Э. История Франции в раннее Средневековье. Блок Г. Начала. Галлия независимая и римская Галлия; Шарль Байе, Кретьен Пфистер, Артюр Кленклоз. Христианство, варвары Меровинги и Каролинги. Перевод с франц. О.А. Добиаш-Рожественской под редакцией И.М. Гревса. – СПб.: «Евразия», 2018. – с.425.
65. Там же, с.425.
66. Там же, с.425-426.
67. Буркхардт Я. Размышления о всемирной истории / Пер. с нем. 2-е изд. – М.; СПб.: «Центр гуманитарных инициатив», 2013. – с.201.
68. История Германии: учебное пособие: в 3 тт. / Под общ. ред. Б. Бонвеча, Ю.В. Галактионова. – Т.1. С древнейших времен до создания Германской империи / Л.П. Белковец, С.А. Васютин, Е.П. Глушанин и др.; отв. ред. С.А. Васютин и Е.П. Глушанин; сост. науч.-справ. аппарата А.А. Мить. – М.: КДУ, 2008. – с.82.
69. Хлевов А.А. Краткая история Средних веков: Эпоха, государства, сражения, люди / Александр Хлевов. – СПб.: ООО «Издательство «Пальмира»; М.: ООО «Книга по Требованию», 2018. – с.70.
70. История Средневековья: энциклопедия под редакцией Умберто Эко / [пер. с итал. Т. Никитинской и др.]. – М.: Абрис, 2018. – с.68.
71. Гегель. Сочинения. Том VIII. – М.: Государственное социально-экономическое издательство, 1935. – с.340.

Аннотация. Мақалада ортағасырлық тарихи деректер мен ғылыми-зерттеу әдебиеттерінің кең ауқымы негізінде Франк мемлекетінің пайда болуы мен даму процесі, сондай-ақ осы процестегі Меровинг әулетінің рөлі қарастырылады. Хлодвиг патшасы кезінде франк тайпаларының күрт өсуі мен көтерілуінің саяси және діни факторлары ашылды. Хлодвигтің мұрагерлері кезінде, оның ішінде әртүрлі неміс тайпаларының бағынуы есебінен франк мемлекетін кеңейту процесі көрсетілген. Іс жүзінде меровинг патшаларынан билікті алып тастаған майордомдардың билік ету кезеңі сипатталған. Карл Мартелл мен Пипин II – нің жаңа әулет – Каролингтер әулетін құру үшін саяси жағдайларды дайындаудағы рөлі атап өтілді.

Кілтті сөздер: Батыс Рим империясы, Франк мемлекеті, Меровинг династиясы, Мервей, Хлодвиг, Пипин II, Карл Мартелл.

Annotation. The article examines the process of the emergence and development of the Frankish state, as well as the role of the Merovingian dynasty in this process, based on medieval historical sources and a wide range of research literature. The political and religious factors of the sharp strengthening and rise of the Frankish tribes under King Clovis are revealed. The process of expansion of the Frankish state under the successors of Clovis, including the subordination of various Germanic tribes, is shown. The period of the rule of the mayorids, who

actually took power from the weak-willed Merovingian kings, is described. The role of Charles Martell and Pepin II in preparing the political conditions for the creation of a new dynasty – the Carolingian dynasty-is noted.

Keywords: Western Roman Empire, Frankish state, Merovingian dynasty, Merovey, Clovis, Pepin II, Charles Martell

ИСТОРИЯ ЗОЛОТОЙ ОРДЫ В МИРОВОЙ ОРИЕНТАЛИСТИКЕ: КРАТКИЙ ОЧЕРК

М.Т.Лаумулин

д.п.н., проф.

Высшей школы социально-гуманитарных наук Международного университета Астана

Аннотация. В статье рассматриваются проблемы становления и развития востоковедных школ в контексте изучения Золотой Орды, Центральной Азии и Внутренней Евразии. Изучаются основные направления в исследовании истории этого монгольского образования. К ним относятся такие направления, как концепции номунизма и культурологии кочевничества, тюркология, алтаистика и языкознание, кипчаковедение о ранней и средневековой истории Орды. Особое внимание уделяется изучению истории и этнографии казахов, преимущественно в западном востоковедении. Статья показывает помимо прочего преемственность и взаимосвязь востоковедения и политологии в контексте изучения Золотой Орды и Центральной Азии.

Ключевые слова: Золотая Орда, Казахи, Казахстан, Центральная Азия, востоковедение, тюркология, политология, куманология, кипчаковедение, монголистика, монголоведение.

750 лет Золотой Орде – юбилей, вокруг которого развернулись бурные дискуссии. Сторонники нового взгляда на Золотую Орду сегодня активно выступают в СМИ и научных изданиях. По мнению одних исследователей, Золотая Орда была самой развитой цивилизацией в ту эпоху. Что касается русских княжеств, то они просто уничтожали друг друга, а Золотая Орда помогла им прекратить эти междоусобицы и наконец, объединиться. По мнению других, как ни парадоксально, но результатом существования Золотой Орды в истории Средневековья стала первая в масштабах Евразии глобализация. Существует неожиданная аналогия: Монгольская империя, осколком которой была Золотая Орда, в некотором роде напоминала современные США, прежде всего размерами и военной мощью.

Понятие «Золотая Орда» появилось через сто лет после ее исчезновения. Современники называли это государственное образование Улус Джучи – т.е. удел старшего сына Чингисхана. В 1269 году в Таласской долине собрался курултай, зафиксировавший распад Монгольской империи.

Более 200 лет Золотая Орда была политической доминантой, с которой считался весь Евразийский континент. Историки отмечают: она была многоукладным государством, и эти уклады сильно различались. С одной стороны, значительная часть ее населения занималась традиционным кочевым скотоводством. С другой – на территории Орды были проложены торговые пути, возникали города. А на территориях, которые ранее не знали государственного устройства, Орда установила государственную власть. Ряд

ученых отмечает: она была несокрушима в военном, а потому и в экономическом смысле, и покорность ей считалась чем-то естественным. В Золотой Орде воинами были все без исключения. По сути, монгольская кочевая цивилизация могла в один вечер сняться с места и мигрировать на новые территории на расстояния иногда в тысячи километров.

До сих пор ведутся дискуссии, какова была численность татаро-монголов в западном походе хана Батыея. Называется от 30-40 тысяч до 150 тысяч. В войске Батыея было 15 «принцев крови», а каждый из них мог командовать не менее чем туменом, то есть возглавлял 10 тысяч воинов. Но даже если в набеге участвовало всего 30 тысяч – это все равно больше, чем могли противопоставить пришельцам разрозненные феодалы в Европе, даже если бы сумели объединиться. Необходимо к этому прибавить гениальную тактику боевых действий и самую лучшую в то время разведку.

Ученые говорят, что политическая система Московской Руси, а также её транспортная система были заимствованы у Орды. Ханам были нужны русские воины, а русские князья пугали Запад ордынской угрозой. Орда изменила ход российской истории, в конечном счете проложила путь к будущей империи, хотя на тот момент, когда пришли завоеватели, политические и экономические предпосылки для этого отсутствовали.

В домонгольской Руси была выстроена эффективная модель взаимодействия гражданского общества и власти – маленькие и демократичные государства, где княжеская власть в той или иной степени контролировалась традиционными институтами самоуправления восточных славян (вече, выборность должностных лиц, в том числе высших, вроде посадников или тысяцких). Однако в процессе борьбы с татаро-монгольским иггом возникла и окрепла иная идея: России необходима сильная централизованная власть. Только сильное государство в условиях натуральной экономики, отброшенной на столетия назад, было способно объединить разрозненные территории, чтобы противостоять внешнему врагу. Отрицать это невозможно: не будь татаро-монгольского ига, возможно, не было бы и единой России.

Источниковедческая база. Будет очевидным утверждать, что история Золотой Орды, по крайней мере в начальном периоде своей истории, самым тесным образом связана с Монгольской империей. Это касается как источниковедческой базы предмета исследования, так и всего историографического комплекса. Что касается исторической традиции, династийной преемственности, то монгольское влияние ощущалось в истории Золотой Орды и ее государств-эпигонов еще несколько столетий, а в преломлении Казахского ханства – вплоть до середины XIX века.

Монгольский период в истории кочевых цивилизаций является наиболее изученным в мировой историографии, и одновременно это наиболее блестящая эпоха в истории номадов Евразии, которые

коллективными усилиями создали невиданную до них по размерам, могуществу и влиянию империю в истории человечества. До сих пор не ослабевает интерес к изучению феномена Монгольской империи, которая стала географическим прообразом других колоссальных по территории образований Евразии (Российской империи и СССР, причем последний с учетом своих вассалов и союзников по социалистическому лагерю буквально повторял географическую конфигурацию Монгольской державы в период расцвета). История Казахстана тесным образом связана с этим периодом.

Имя францисканца Иоанна де Плано Карпини хорошо известно в истории и историографии. Его знаменитое описание дипломатического путешествия по просторам империи Чингисхана сегодня переведено почти на двадцать языков мира. Донесение брата Иоанна остается одним из самых ярких документов эпохи монгольского триумфа в Евразии.

Предыстория данного источника такова [1]. 5 марта 1245 году в Лионе папа Иннокентий IV подписал буллу к «царю и народу тартарскому». Доставить послание папы по адресу было поручено францисканцу Плано Карпини, который в связи с возложенной на него миссией получил полномочия папского легата. Брату Иоанну шел 64-й год. Скорее всего, что путешествие в Центральную Азию не планировалось. Папа не передал с послами ни одного подарка. Посланник должен был доехать до ближайшего монгольского войска и для этого был выбран путь через Восточную Европу. Участники миссии покинули Лион 16 апреля и направились в Богемию. По пути в Польшу к ним присоединился брат Бенедикт Поляк.

Брат Бенедикт проявил живой интерес к различным аспектам жизнедеятельности Монгольской империи, а его фиксация полученных сведений отличается меньшим количеством оплошностей и ошибок. В 1965 году американский историк Г.Д. Пейнтер опубликовал по латинской рукописи XV века текст «Истории Тартар» брата Ц. де Бридиа, которая является не чем иным, как сокращенным донесением брата Бенедикта.

Иоанн де Плано Карпини назвал свое донесение *Liber Tartarorum* («Книга о Тартарах»). Один из ученых переписчиков XIV в. уточнил это название и получилось следующее: «История Монгалов, именуемых нами Тартарами» (*Historia Mongalorum quos nos Tartaros appellamus*). В 1247 году брат Ц. де Бридиа, переписавший с сокращениями донесение брата Бенедикта Поляка, дал своему труду название «История Тартар» (*Historia Tartarorum*). Энциклопедист Винцент из Бове (ум. 1264) почти целиком использовал донесение брата Иоанна, когда работал над составлением своей энциклопедии *Speculum historiale* («Историческое зеркало»).

Дипломаты согласились с требованием Бату-хана отправиться в Центральную Азию, чтобы участвовать в курултае, связанном с выборами нового великого хана. Полномочий на такую поездку у францисканцев не было, как, впрочем, не было и запрета. Римская курия не могла предугадать такое

развитие событий. Выбор в пользу поездки был сделан лично братом Иоанном и братом Бенедиктом, что, возможно, свидетельствует об осознании ими значимости такой поездки для реализации контактов на высшем уровне и сбора материалов. Отчеты францисканцев содержат богатейшие материалы о племенах, вошедших в состав Монгольской империи.

Сведения францисканской миссии 1245 г. разительно отличаются от европейских апокалиптических описаний азиатских кочевников, собранных в «Великой хронике» бенедиктинского монаха Матфея Парижского, имевшего доступ к архиву английского короля Генриха III. Заключительный аккорд этой темы особенно ярко прозвучит в книге Марко Поло. Один из парадоксов миссии 1245 года заключается в том, что францисканцам были известны обе картины: и «европейская», и «монгольская». Культурная задача миссии была связана со сменой ирреальной картины новой картиной, основанной на наблюдениях и сведениях, полученных на территории империи. Францисканцы справились с этой задачей. Отдельной проблемой является выяснение исходной этногеографической номенклатуры (монгольской, тюркской, персидской, древнерусской и латинской), отразившейся в Списке. В известном смысле Список является производной от замысла Чингисхана покорить все доступные и недоступные миры.

Таким образом, донесения францисканской миссии 1245 года являются литературными сочинениями, призванными ответить на ряд ключевых для Запада вопросов, где доминирующее положение занимает тема божественной санкции на существование ранее неизвестных Западу народов. Материалом для них послужили самые разнообразные сведения, полученные на территории империи от весьма осведомленных лиц, и лишь отчасти – собственные наблюдения францисканцев. Вновь открытая культура носила ярко выраженный имперский характер, где управление было построено по военно-административной вертикали.

Отметим также небольшую, но весьма ценную работу блестящего французского сиолога и монголиста Поля Пелльо «Монголы и папство» (*Les Mongols et la Papauté*), первая глава которой посвящена письму Гуюкхана, привезенному Плано Карпини лапе Иннокентию IV. Письмо считалось утраченным, и о нем было известно лишь из отдельных упоминаний и латинского перевода, сохранившегося у средневекового автора XIII в. Адама Салимбене в его «Хронике». Но в 1920 г. подлинник письма на персидском языке был обнаружен в архивах замка св. Ангела в Ватикане. Изучению этого письма и посвящена работа Пелльо. Да и в других сочинениях Пелльо имеется немало ценных замечаний о путешествии Плано Карпини.

Этим же маршрутом в 1254 году проехал армянский царь Летум, направляясь в ставку великого хана в Каракорум. Из столицы Киликийской Армении, города Сиса, царь проехал на Волгу в ставку Батыея. Французский король Людовик IX отправил в Монголию особую дипломатическую

миссию, во главе которой был поставлен хорошо ему известный монах-минорит, участник шестого крестового похода, энергичный, умный и широко образованный Гильом Рубрук. Описание путешествия в Монголию в 1253-1255 гг., составленное им, очень значительное сочинение, важное не только для истории монголов, но и для истории географических знаний. Путешествие Рубрука дало много новых сведений, а его наблюдательность позволила ему заметить множество ценных и важных подробностей из жизни монголов XIII в. Сочинение Рубрука по справедливости считается одним из серьезных источников по истории Востока, имеющих в западноевропейской литературе позднего средневековья.

Более образованный, чем Плано Карпини, Рубрук был лучше подготовлен к своему путешествию, хотя бы уж потому, что оно не было первым, а результаты предыдущих путешествий, вероятно, были ему известны. Высадившись в Солдае, крупном торговом городе Южного Крыма, Рубрук со спутниками двинулся на север уже по суше. Пройдя через Перекоп, южнорусские степи, он двинулся на Восток в лагерь Сартака, а затем и на Волгу в лагерь хана Бату, откуда был отправлен в Каракорум к Мункэ-хану. Бату не позволил Рубруку проповедовать христианство среди монголов, как того добивался Людовик IX, и отправил его для разрешения этого вопроса к Мункэ-хану. В конце 1253 г. Рубрук был уже в Монголии. Он стал единственным европейцем, описавшим подробно Каракорум, хотя там побывало немало жителей различных государств Европы.

Сочинение Рубрука издавалось неоднократно. Современных ему рукописных списков до нас дошло немного. Один из них лег в основу наиболее ранней публикации описания путешествий Рубрука, осуществленной в 1600 г. Хэклеитом. Через четверть века появилась другая публикация, основанная на более полной рукописи, обнаруженной в Кембридже, – путешествие Рубрука вошло в знаменитое собрание путешествий Перкиса, называвшегося «His Pilgrims». Французский перевод путешествия был опубликован Бержероном в XVII в. С тех пор труд Рубрука издавался неоднократно на многих европейских языках [2].

«Книга о разнообразии мира» Марко Поло рассказывает о путешествии, которое, по определению крупнейшего мирового авторитета в области истории географических открытий немецкого ученого Рихарда Хеннинга, «среди всех средневековых путешествий, несомненно, по праву считается самым замечательным» и «поистине выдающимся событием».

Определяющим фактором успеха труда Марко Поло является характер содержащихся в нем сведений, их объем и разнообразие. Марко Поло описывает не одно, а два путешествия в Китай, первое из которых совершили его отец и дядя – Никколо и Маффео Поло в 1254-1269 гг., во втором (1271 – 1295 гг.) участвовали все трое [3]. От Средней Волги, где были расположены посещенные ими приволжские пункты – временные ставки

золотоордынского хана Берке и Увек (Укек), братья Поло двинулись на юго-восток через земли Золотой Орды, пересекли закаспийские степи, а затем через пустынное плато Устюрт прошли к Ургенчу.

Первые издания «Книги» появились после смерти Марко Поло. Первый русский перевод «Книги» Марко Поло, сделанный Шемякиным, печатался в 1861-1862 гг. в «Чтениях в Обществе истории и древностей российских при Московском университете» и вышел через год отдельным изданием. Первый научный перевод «Книги» на русский язык был сделан в 1880-х годах профессором И.П. Минаевым. Академик В.В. Бартольд, был редактором и комментатором лучшего перевода сочинения Марко Поло на русский язык, выполненного И.П. Минаевым и изданного в 1902 году Русским географическим обществом под названием «Путешествие Марко Поло».

Чингис-хан выделил в удел старшему сыну Джучи западные земли до тех мест, куда ступит копыто монгольского коня. Но решение о походе на запад, за пределы Центральной Азии было принято после смерти Чингис-хана в 1227 г. Судя по тексту «Юань ши», это случилось в правление Угедая на двух курултаях – в 1234 и 1235 гг. Во второй половине XIII века геополитика на пространствах Евразии стала определяться новым фактором – распадом монгольской державы и соперничеством между ее компонентами. В первую очередь между Золотой Ордой и Ираном, где правили иль-ханы.

После того, как в 1277 году султан египетских мамлюков Бейбарс остановил армию монгольского иль-хана Абага, стало ясно, что монголы уже не могут вести борьбу по всем азимутам. При наследнике Берке Мунгке-Тимуре (1267-1280) Золотая Орда вступила в открытое противостояние с Ираном и оказала поддержку египетским мамлюкам. Синор считает, что тюркское население Золотой Орды оказало решающее влияние на антимонгольскую и антииранскую ориентацию этого государства, которое все более становилось центром тюркского мира Евразии. Тюркские кочевники сыграли немаловажную роль в истории Китая, Ирана, Средней Азии и Руси. Как свидетельствуют разноязычные источники, в первую очередь персо-арабоязычные [4] и китайские [5], огромные территории современного Казахстана накануне монгольского нашествия в начале XIII в. занимали племена кыпчаков, канглы, карлуков и найманов. Причем район их расселения охватывал и другие территории кыпчаки занимали южно-русские степи и степи Северного Кавказа, немало их вместе с канглы было в Хорезме.

Одним из основных источников по истории Золотой Орды является энциклопедический труд ал-Калкашанди [6]. Средневековый египетский ученый, автор последней большой энциклопедии мамлюкской эпохи Шихаб ад-Дин Абу-л-Аббас Ахмад ибн Али ал-Калкашанди (1355-1418) был широко известен в мусульманском мире на протяжении столетий. Европейские ученые достаточно близко познакомились с основным литературным трудом его жизни в XIX в. В 1879 г. содержание его энциклопедии было суммарно

изложено немецким арабистом Г.Ф. Вюстенфельдом. В 1884 году извлечения из энциклопедии ал-Калкашанди, относящиеся к Золотой Орде, были напечатаны по-арабски и в переводе на русский язык востоковедом В.Г. Тизенгаузенем [7].

Только в 1913-1919 гг. стараниями египетского ученого Ахмеда Зеки в Каире была опубликована 14-томная энциклопедия ал-Калкашанди под названием «Субх ал-аша фи синаат ал-инша» («Заря для подслеповатого в искусстве писания»). Следствием этого издания явилась монография (1928 г.) шведского арабиста В. Бьёркмана о труде ал-Калкашанди. Она и по сей день сохраняет свое значение надежного ключа к всестороннему анализу произведения ал-Калкашанди. Труд ал-Калкашанди делится на восемь неравных по величине сводов. За вступительным словом следует «Свод первый, повествующий о границах и протяженности этого государства». Он вдвое превышает по своему объему вступление и содержит данные из трудов ал-Умари, Ибн Хаукала и ал-Мухаллаби о крайних пределах Золотой Орды.

«Свод второй, повествующий о включенных в него известных округах», по объему превосходит все остальные своды, вместе взятые. Объясняется это прежде всего тем, что он состоит из отдельных рассказов о десяти известных составителю летописи округах (иклим). Как правило, отмеченные ал-Калкашанди округа полностью соответствуют военно-административным единицам Золотой Орды, которые управлялись темниками (командирами 10-тысячных отрядов) и назывались ордынцами тюменами, а русскими – тьмами. Название третьего округа – «страна Хазар», или Хазария, воссоздано ал-Калкашанди по позднейшим обработкам трудов ас-Самани и Птолемея. «Округ четвертый – Крым» – типичный ордынский тюмен, о котором средневековые арабские авторы были прекрасно осведомлены, ибо мамлюкский Египет со времени создания Золотой Орды поддерживал разного рода контакты прежде всего с Крымом.

«Округ пятый – край Азова» составляет в описании ал-Калкашанди лишь четвертую часть от рассказа об округе четвертом. Составитель ссылается только на сведения Абу-л-Фида. По существу, здесь дается характеристика двух городов округа – Азова и Керчи. «Округ шестой – страна Черкес», или Черкесия, занимает в описании ал-Калкашанди вдвое меньше места, чем рассказ об округе пятом. Письменным источником для составителя послужила «Летопись» Абу-л-Фида. При описании округа не отмечено ни границ, ни населенных пунктов, лишь несколько слов сказано о его населении – черкесах. «Округ седьмой – страна Булгар», или Булгария, по занимаемому в описании ал-Калкашанди месту может сравниться со вторым и четвертым округами. Составитель ссылается на свидетельства у ал-Умари (в двух трудах его), Абу-л-Фида, ал-Масуди и Птолемея. После прочтения рассказа становится очевидным, что ал-Калкашанди посвятил описанию ордынского тюмена Булгар, т.е. Волжской Булгарии, не более

трети заявленного места. «Округ восьмой – страна Улак», или Валахия, описывается ал-Калкашанди на основании свидетельств Абу-л-Фида и Птолемея. «Округ девятый – страна Ас», или Алания, – представлял собой ордынский тюмен на западе Крымского полуострова. Составитель руководствовался при его описании только свидетельствами Абу-л-Фида.

«Округ десятый – страна Рус», естественно, привлечет внимание отечественных историков. Составитель использовал здесь свидетельства ал-Умари и обоих трудов Абу-л-Фида, из которых явствует, что известные им арабские купцы, торговавшие с мусульманскими округами Золотой Орды, о пределах страны Рус и ее обитателях имели самое общее представление. На территории страны не назван ни один город.

«Свод четвертый – о путях, ведущих в это государство» — вчетверо меньше по объему, чем третий. Его источниками для составителя являются труды ал-Умари и Абу-л-Фида. «Свод шестой – относительно денежного обращения и цен», составленный на основании материалов названного труда ал-Умари, по объему вдвое больше свода пятого, а по содержанию полностью соответствует своему названию. Составитель начинает с указания на то, что серебряные монеты Золотой Орды имеют одинаковое хождение и на территории хулагуидского Ирана. «Свод седьмой – относительно известий о владыках этого государства» – в 3,5 раза превышает по объему свод шестой. Вначале ал-Калкашанди дает исторический очерк округа Хорезм до монгольского нашествия. В очерке перечислены верховные владыки и их непосредственные представители на территории Хорезма - наместники.

Имена ордынских ханов в энциклопедии ал-Калкашанди зачастую искажены. Правильное написание монгольских и тюркских имен этих ханов восстановить не так-то просто. Общепринятого их написания в науке до сих пор не существует. Итоговый список имен ордынских ханов, названных ал-Калкашанди: Бату (1227-1255), Сартак (1255-1256), Берке (1258-1266), Менгу-Тимур (1267-1280), Тодан-Менгу (1280-1287), Толебуга (1287-1291), Токта (1291-1312), Узбек (1313-1341), Джани-бек (1342-1357), Бердибек (1357-1359), Абдаллах (1361-1370), Эль-бек (1374-1374), Урус (1374-1375), Каганбек (1375-1377), Токтамыш (1378-1395).

Заключительный «Свод восьмой – относительно размеров воинства этого государства, устройства его управления, размеров жалованья, назначаемого [его воинам], и [формы] их одежды» уже в пространный заголовок полностью раскрывает свое содержание. Передается это содержание в соответствующих четырех подразделах. В качестве единственного источника своих сведений ал-Калкашанди называет энциклопедию ал-Умари. Составитель дает понять, что число воинов ордынской армии настолько велико, что не поддается никакому учету. Причем ордынские всадники были прекрасно обеспечены заводными лошадьми, людской обслугой и продовольствием. Завершается свод кратким

рассказом об ордынском воинском облачении. На этом заканчивается компактное описание Золотой Орды в энциклопедии ал-Калкашанди. По своему содержанию оно выходит далеко за рамки только географического. В нем немало сведений исторических, этнографических и многих других.

Отдельным направлением в тюркологии является изучение языка ханских ярлыков Золотой Орды, литературных памятников той эпохи и др. В XIV в. на территории Египта и Золотой Орды создается не только литература богословного и дидактического содержания, но и художественная, делаются переводы с арабского и персидского, развивались региональные литературные языки. Письменными памятниками этого периода исследователи называют «Юсуф и Зулейха», «Мухабат-наме», «Нахдх-альфарадас», «Таашшук-наме», Гулистан бит-турки», «Хусрау и Ширин» и др.

Изучение периода Золотой Орды проливает свет на выяснение многих вопросов истории, культуры и языка тюркских народов. К этому же времени относятся ханские ярлыки, написанные в XIV в. Поскольку по назначению это были деловые бумаги, то их немного и по количеству, и по объему. Но язык ярлыков с филологической точки зрения, представляет большую ценность благодаря своеобразной структуре, древним грамматическим показателям и моделям. Отдельные лексические элементы этого языка вышли из употребления или утратили свое первостепенное значение, приобретя другое, и сохранились лишь в виде корневых морфем.

Язык ханских ярлыков относится к т.н. «средневековому письменному тюркскому языку», он не был общенародным, доступным и понятным для всех. Это был письменный язык, которым пользовались лишь образованные люди, общий для группы тюркских языков, куда входили карлукский, огузский, кипчакский. Развитие его относят к периоду между XI и XV-XVII вв., т.е. до создания общенародных языков. Исследователи делят ханские ярлыки, написанные в XIV в., по времени и месту возникновения на четыре группы. К первым они относят ярлыки Токтамыса и Темир-Кутлуга периода Золотой Орды, ко второй группе – написанные в Казанском ханстве ярлыки Ибрагима и Сахиб-Герее, к третьей – ярлыки Хажии-Герее, Менли-Герее и др. из Крымского ханства и, наконец, ярлыки, письма и деловые бумага казахского ханства [8].

Основной массив информации о древних и средневековых монголах содержится в китайских летописях. «Юань-ши» – единственный источник, свидетельствующий об истории заимствования монголами уйгурской письменности, к которому восходят остальные китайские работы. «Синь Юань-шия» (257 глав) делится так же, как и «Юань-ши», на четыре большие части: – «Бэньцзи» (главы 1-26), «Бяо» (главы 27-53), «Чжи» (главы 34-103) и «Лечжуань» (главы 104-257). Структура этих 4-х частей несколько изменена по сравнению с «Юань-ши». В разделе «Бяо» заново составлены

генеалогические таблицы ханов трех монгольских государств – дома Чагатая, ханов Золотой Орды и ильханов Ирана.

Необходимо указать, что монгольское нашествие приостановило политический рост кыпчаков в рамках их собственного государственного развития и прервало этнический процесс, ведущий к образованию народности феодальной эпохи. Мамлюкская эпоха выдвинула большое число летописцев, биографов, историков, филологов, в сочинениях которых так или иначе отражались различные факты и явления этнического, социального и культурного плана. Установление дипломатических, торговых и военно-политических отношений с Золотой Ордой еще больше усилило взаимовлияние между мамлюками и Дашт-и Кыпчаком, откуда в Египет регулярно поступали рабы из покоренных монголами стран.

Находясь на высоком придворном посту и имея доступ ко всем необходимым материалам и документам, Абд аз-Захир (ум. в 1293) в своем биографическом сочинении «Видный сад в жизнеописании ал-Малик аз-Захира» (Ар-Рауд аз-Захир фи сират ал-Малик аз-Захир) приводит сведения о взаимоотношениях мамлюков с Золотой Ордой. В нем дается краткий дорожник от Крыма до Итиля, содержатся этнографические сведения о племенном составе населения Крыма, где в то время проживало довольно много выходцев из Дашт-и Кыпчака, сообщается о религиозной и идеологической ситуации в Золотой Орде [9]. Значительный фактический материал о связях султанов Мамлюкского государства с ханами Золотой Орды, о кочевниках Дешт-и Кыпчака в свете их этнической, политической и духовной культуры можно почерпнуть в трудах Ибн ал-Фу-рата (1334-1405), ал-Калкашанди (1355-1418), ал-Макризиди (1364-1442), Ибн Тагриберди (1411-1465), Ибн Ияса (1448-1524) и др.

Одним из важных источников по истории кыпчаков следует считать путевые заметки знаменитого путешественника магрибинца Ибн Баттуты (1304-1377), объехавшего почти весь обитаемый мусульманский мир, – «Подарок созерцающим о диковинках городов и чудесах путешествий» (Тухфат ан-нуззар фи гарайб ал-амсар ва аджаиб ал-асфар). Особенно ценны картины повседневного быта в Золотой Орде, сведения о социальном устройстве, хозяйстве кыпчаков, их этнические характеристики, описания степных поселений и городов и многое другое, касающееся истории тюркских народов [10].

Еще одним автором тюркского происхождения, писавшим о событиях в кыпчакских степях после монгольского нашествия, был историк Кадыр Али Джалаири (1530-1605). Приводимые им локализации племен кыпчаков дают представление об этнической карте Центрального и Западного Казахстана в период между нашествием Чингис-хана и распадом Золотой Орды. Codex Sumanicus (CS) – свод законов команского языка. В своем анализе он опирается на издание Г. Кууна, опубликовавшего в 1981 году полный текст

СС с большим введением, примечаниями, приложением и исправлениями. Отмечается, что публикация Кууна вызвала в научном мире много споров, что повлекло за собой появление новых научных исследований. Однако, несмотря на обилие работ, касающихся СС, ряд проблем остается нерешенным [11]. В исследовании дается описание торговых путей, связей итальянских колоний с Золотой Ордой, которая была главным торговым партнером генуэзцев и венецианцев. Различные торговые соглашения, описанные в СС, свидетельствуют о том, что итальянцы использовали команский язык не только для коммерческих целей, но и для дипломатических контактов.

В середине XVII в. Абдулла Челеби Ризван Паша-заде написал «Таварих-и Дешт-и Кипчак» (Летописи Дешт-и Кипчака), представляющие собой краткую хронику правления крымских ханов до 1637 года. Для истории Ногайской Орды интересны упоминания о войне Мухаммед-Гирея I с нею 1523 г., о ногаях на Северном Кавказе в 1630-х годах. «Таварих-и Дешт-и Кипчак» изучались А. Зайончковским и были изданы им в Варшаве с французским переводом (1966). Приблизительно в середине XVIII в. крымский историк Саид-Мухаммед Риза создал «Ас-саб ас-сийар фи ахбар-и мулук-и татар» (Семь планет в известиях о татарских царях) – описание царствования семи ханов с 1445 по 1745 г. Здесь также рассказывается о проблемах, которые волновали знать полуострова в связи с ногаями.

Большую ценность имеют источники, оставленные калмыками – подразделением западных монголов-ойратов, переселившимся в Поволжье в первой половине XVII в. Хроники, сочиненные в ставках ханов и нойонов, описывали, в частности, занятие калмыками степей Волго-Яицкого междуречья, вытеснение оттуда и частичное подчинение ногаев – прежних властителей этой территории. Исходным моментом пребывания калмыков на их новой родине историки считали выход на Волгу и разгром на ее берегах ногаев в 1628 г. Европейские наблюдатели не посвятили ногаям ни одного специального сочинения. Этот народ и его кочевая империя оставались на периферии внимания западных современников. Они вспоминали и писали о ногаях главным образом в связи с Россией или же по ходу описания маршрута путешествия, если случалось проезжать через степи.

В 1394 году в турецкий плен попал баварский солдат Иоганн Шильтбергер (1380 – не ранее 1438). В течение последующих 33 лет он побывал во многих странах, в том числе в Золотой Орде, а в 1427 году бежал на родину, где описал свои странствия. О карьере и могуществе Эдиге слышал и другой европеец – Руи Гонсалес де Клавихо (ум. в 1412 г.), посол кастильского короля Генриха III к Тимуру в 1403-1406 гг. [12].

Следующим достойным упоминания западным эмиссаром был Мартин Броневский (ум. в начале XVII в.), направленный в 1578г. польским королем Стефаном Баторием в Крым к хану Мухаммед-Гирею II. Броневский прожил

в Крымском юрте более 9 месяцев и по возвращении описал свои впечатления о тамошних делах («Tartariae Descriptio», Описание Татарию). В частности, он показал роль ногаев в крымских династических распрях XVI в. и характер отношений Бахчисарая с Ногайской Ордой.

Монах-доминиканец Жан де Люк (Джованни Лукка) в середине 1620-х годов объехал крымское Причерноморье, Северный Кавказ и Закавказье. В повествовании о своем путешествии (оригинальное название неизвестно, подлинник утерян) он показал расселение, занятия и образ жизни ногаев, подчинявшихся Гиреям, а также буджакцев (Люк 1879). Коллега де Люка по ордену Эмиддио Дортелли д'Асколи в тот же период наблюдал жизнь Крыма изнутри, так как более чем на десятилетие осел там. По возвращении в Италию, на основании личных наблюдений и расспросов, в 1634 году он составил «Descriptione del Mar Negro e della Tartaria» (Описание Черного моря и Татарию), где поделился сведениями о мятеже мангытского лидера Хантимура против бахчисарайских монархов и вообще о политической роли ногаев в ханстве, отобразил их этнографические особенности.

Приблизительно в то время, когда д'Асколи покинул Причерноморье, туда явился французский инженер Гильом де Боплан (ок. 1600-1673), нанятый польским правительством для возведения крепостей на Южной Украине. Он занимался делами фортификации восемнадцать лет (1630-1648) по поручению своего патрона, короля Сигизмунда III, вернулся во Францию и приступил к «Description d'Ukraine» (Описание Украины). Во время жизни в степях Боплан сталкивался в основном с ногаями Буджака и отвел им немало страниц в своем труде.

В середине XVI в. начались активные дипломатические и торговые контакты Московской Руси с Англией. После первого британского визитера – капитана Ричарда Ченслера (середина 1550-х гг.) – в течение нескольких десятилетий Московию посетила целая плеяда смелых, любознательных и целеустремленных англичан, разведывавших возможности русского рынка и маршруты в Персию и Индию. Выделим среди них Энтони Дженкинсона (ум, ок. 1611 г.), который четырежды приезжал в Россию, а в 1558-1559 и 1562-1564 гг., проделал путь от Москвы до Мавераннахра и Персии, отразив его в своем «Voyage» (Путешествие). Следуя по Волге мимо ногайских кочевий, он живо интересовался состоянием тамошнего населения.

Статус ногаев по отношению к России, их политическая независимость во второй половине XVI в. ярко предстают в труде шведского дипломата и историка Петра Петрея де Ерлезунды (1570-1622). Он неоднократно посещал Москву, начиная с 1601 г. Для цельности своего рассказа о Московии он попытался описать народы, с нею соседствующие.

Последние годы существования Большой Ногайской Орды застал немецкий ученый и путешественник Адам Олеарий (Эльшлегер, 1603-1671), посетивший Россию в составе шлезвиг-гольштейнского посольства в Москву

в 1633-1634 гг. и в Персию в 1635-1639 гг. Его «*Vermehrte Moscovitische und Persianische Reisebeschreibung* (Описание путешествия в Московию и Персию) в целом основывается на собственных наблюдениях. Те иноземцы, что находились на царской службе, были, конечно, более осведомлены о степных делах. Однако в их сочинениях основной упор делался на внутрироссийские проблемы, и данных о ногайях по сравнению с отчетами и воспоминаниями заезжих послов и купцов там очень немного.

Раннесредневековая история региона затронута в хронике «Джаханнаме» османского автора XVII в. Хаджи Халифы. Он пишет, что у устья реки Яик (Джанку) есть город Свандж (или Сваих), который ранее был столицей куманов, а затем был отстроен и заселен ногайями, чьи «ханы» ныне живут там [13]. Д. Девиз полагает, что Сарайчук являлся доисламским культурным центром Дешт-и Кипчака. Исследователи, изучавшие историю кипчаков IX-XII вв., приходили к выводу о том, что поселение на Яике служило центром правого крыла Дешта (центром левого был Сыгнак на Сырдарье). В то же время есть некоторые данные о принадлежности края к зоне расселения древнебашкирских племен. Эта зона достигала бассейнов рек Большого и Малого Узеней, Чагана, Чижинских разливов.

Материальные памятники Золотой Орды известны по находкам в древних татарских городах, таких, как Сарай-Бату, Сарай-Берке, и в ряде крымских поселений. Своим богатством они были обязаны торговле, дани и труду пленников. Более всего по средневековым описаниям и современным раскопкам известен Сарай-Берке. Предполагается, что некогда его население превышало 100 000 жителей. Кое-какие сведения историки получают во время раскопок поселений в Крыму, на месте Старого и Нового Сараев (столиц Золотой Орды на Волге), а также Каракорума в Монголии.

Классическая историография Золотой Орды. Как неоднократно отмечалось, проблему «империй степей» в мировой науке первым на высоком академическом уровне поставил выдающийся французский исследователь Рене Груссе. Ученый исходил из того постулата, что «великое варварство внезапно вторглось в область развитых исторических цивилизаций и в течение нескольких месяцев превратило римский, иранский или китайский мир в груды руин» [14].

Внутренняя история степей состоит из того, заключал Груссе, что орды тюрко-монголов сталкивались одна с другой из-за лучших пастбищ, и из бесконечных миграций от пастбища к пастбищу, происходящих в основном из-за нужд стада. Первостепенным фактором в человеческой истории является давление, оказанное этими номадами на цивилизованные империи юга, давление, постоянно повторяющееся до того момента, когда был осуществлен захват этих империй. Происхождение номадов диктовалось условиями, превалявшими в их родных степях. Таким образом, Груссе во главу угла при разгадке феномена кочевых империй ставил природно-

климатический фактор. Однако, при более внимательном прочтении его работ выясняется, что это был бы слишком упрощенный подход [15].

Первоначальные завоевания монголов за пределами Коренного Юрта, собственно Монголии, насильственное присоединение тюркских народов Южной и Западной Сибири, Казахстана, Восточного Туркестана носили завуалированный характер, сопровождались использованием лозунга объединения «народов, живущих за войлочными стенами», т.е. пропагандой мнимого единства всех кочевников Центральной Азии. Весомой была роль тюрок в Золотой Орде и Чагатайском улусе, где монголов было мало, да и та область в которой они выбирали себе кочевья, была ограничена. Монголы на западных окраинах огромной империи Чингисхана, вошедших в состав Золотой Орды и Чагатайского улуса, смешались с местным тюркским кочевым населением – в основном кыпчаками, восприняв их обычаи и язык. Здесь монголы не образовали компактного массива населения, где бы сохранились их традиции, язык, обычаи и нравы. Рассредоточенные на обширных просторах Восточной Европы, Казахстана и Средней Азии члены правящих домов Чингизидов и их окружение из числа монгольской аристократии быстро теряли свои этнические черты, о чем свидетельствует арабский автор XIV в. ал-Омари. Хотя самая высокая аристократия, ханский дом, члены царствующей фамилии, крупные кочевые феодалы помнили и гордились своим монгольским происхождением, даже будучи в значительной степени тюркизированы. Они составляли небольшой процент населения Золотой Орды и Чагатайского улуса.

Концептуальную разработку истории монгольских завоеваний представил английский ученый Ю. Филлипс в своих книгах «Царственные орды: кочевые народы степей» и особенно в монографии «Монголь». Историю монгольской империи Филлипс видит состоящей из четырех периодов, каждому из которых посвящен раздел его книги. В первом разделе автор рассматривает монголов и монгольское общество в начале XII века как носителей кочевой традиции степи. Вторая часть книги посвящена истории завоеваний при Чингис-хане, его карьере и создании единого монгольского государства. В третьей части Филлипс рассматривает ситуацию в монгольском государстве при ближайших преемниках Чингис-хана – Угедее, Гуюке и Мунке. И наконец, последняя часть посвящена развитию государств-наследников Монгольской империи – Китая при Юанях, Ирана при ильханах, Средней Азии при чагатаидах и Золотой Орды.

При Абу Саиде (1316-1335) государство иль-ханов столкнулось с внутренними междоусобицами. Этим воспользовался Джанибек (1342-1357), который распространил власть Золотой Орды к югу от Кавказа. В 1357 году он захватил Тебриз, где умер, вероятно от чумы, которая распространялась в это время по Среднему и Ближнему Востоку на своем пути в Европу. Официальной датой прекращения существования Монгольской империи

Б. Брентъес и Л. Альбаум предлагают считать 1368 год, когда власть монголов в Китае была свергнута, и им на смену пришла династия Мин [16].

Во второй половине XIV в. Золотая Орда теряет доминирующие позиции в Восточной Европе. Чтобы противостоять усилению Москвы Золотая Орда была вынуждена пойти на союз с Литвой, однако Дмитрий Донской успел разгромить силы Мамаю на Куликовском поле 8 сентября 1380 года до их соединения с Ягаило. На некоторое время Золотой Орде удалось восстановить свое могущество при Тохтамыше, но тем более ужасным был последующий разгром [17]. Этот автор считает, что Тохтамыш был способен стать величайшим властителем Золотой Орды; его политический горизонт простирался от Балтийского моря до Египта и Ирана. Он установил дружественные отношения с Польшей и Литвой, стремился создать союз с египетскими мамлюками и устранить стратегическую угрозу Орде со стороны Туркестана (Самарканда) и Ирана, которые попали под власть Тимура. Первым шагом в этом направлении было подчинение Белой Орды в низовьях Сыр-Дарьи. В 1382 году Тохтамыш восстановил власть над Москвой. Однако его стратегической ошибкой была поддержка Тамерлана, или Тимура, с которым он пришел в столкновение из-за Кавказа. В 1395 году он был разгромлен последним и потерял контроль над Ордой, а власть перешла к нечингизиду Эдиге. Смерть этого фактического правителя западного улуса бывшей монгольской державы в 1419 году стала началом конца Золотой Орды. На обломках созданного Бату-ханом государства возникли Крымское, Казанское и Астраханское ханства. При Менги Гирее Крым избавился от влияния генуэзцев и присоединил бывшую столицу Золотой Орды Сарай в 1502 году. Этот момент считается официальным завершением истории Золотой Орды, от которой еще ранее отпало Казанское Ханство, а в 1438 году появилось т.н. Великая Орда. Крымские властители рассматривали себя в качестве законных преемников Золотой Орды и тем самым ее правопреемниками в отношении Руси. Оценивая историческую роль Крымского Ханства, Синор делает вывод, что в течение более чем двух столетий оно играло выдающуюся роль в международных отношениях в Восточной Европе. Крымская конница широко и эффективно использовалась Турцией и Польшей против России, Швеции, германских государств и Венгрии. Но крымские ханы были не только правителями солдат, но и покровителя наук и искусств. Казанское Ханство возникло в результате междоусобиц внутри Золотой Орды в середине XV века. Официальной датой институализации Казани можно считать 1445 год. Синор считает, что эти государства, наследники Золотой Орды имели мало шансов на выживание. Последний властитель Астрахани Дервиш Али был лишь номинальным владыкой, «марионеткой в руках русского царя».

Монгольская эпоха стала фундаментом для создания т.н. евразийской теории Г.В. Вернадским, профессором Йельского университета. Эта

концепция была изложена им в третьем томе его «Истории России» (1953), который посвящен татаро-монгольскому периоду (XIII-XV). В этом фундаментальном исследовании, основанном на превосходном знании источников и русской дореволюционной, советской и западной литературы, оригинально трактуется влияние монгольского, или монголо-тюркского правления на формирование российского государства. Суть концепции Вернадского лежит в признании за монголами приоритета в создании евразийской исторической общности. Автор сформулировал основные аспекты воздействия монголов на государственность, экономику, социальные отношения и культуру завоеванных русских княжеств.

Г.В. Вернадский исходит из того, что во время монгольского нашествия были уничтожены городские демократические институты Восточной Руси, которые процветали в Киевский период. Сотрудничество между монголами и князьями против политического института вече в городах привело, согласно Вернадскому, к формированию на Руси нового, более авторитарного и деспотического типа правления, которое было адекватно ордынской форме государственности. Однако Орда, отмечает Вернадский, упорно сопротивлялась укреплению какого-либо княжества, и только чрезвычайные обстоятельства заставили Тохтамыша, а затем его преемников согласиться на территориальное увеличение Московского княжества.

Другим важным для укрепления российской государственности шагом, делает вывод автор, было признание монголами династийных прав русских князей (Рюриковичей, Гедиминовичей и др.) согласно принципу одного правящего дома. Оно подкреплялось ханским пожалованием (ярлыком) и облегчило признание русскими монгольского сюзеренитета. Кроме того, ханы обладали верховной судебной властью над русскими княжествами; русская православная церковь была защищена ханским ярлыком от любых посягательств на ее права и привилегии. Все эти элементы политической жизни Орды и Руси постепенно как кирпичики сложились в фундамент того, что Вернадский называет «евразийской общностью». После ослабления Орды естественной стала большая автономизация русских земель, однако русские князья посчитали удобной для себя монгольскую систему управления и оставили ее без изменений. На основе монгольских принципов была создана в конце XIV-начале XV вв. великокняжеская система налогообложения и организация армии [18].

Ю. Филипс в своей книге посвящает специальную главу Золотой Орде. Сменив своего отца, Джучи, в качестве кипчакского хана Бату унаследовал обширные владения, простиравшиеся от Арала до Восточной Европы. К моменту его смерти в результате всех военных походов западная граница проходила от устья Дуная на север через Карпаты до Холма (совр. Хелм в Польше) и Люблина, а затем на северо-восток до Финского залива и

Ладожского озера. Неопределенная северная граница пролегла вдоль лесов, пока он не присоединил верховья Оби. Восточная граница шла на юг от Оби через Иртыш до низовий Амударьи и Сырдарьи. Южная граница шла от Амударьи на запад до берега Каспийского моря залива Кара-Богаз-Гол, а от западного берега Каспия от Терека на юг и затем на север до Черного моря. Не все эти территории подчинялись непосредственно хану.

Классическим считается книга двух выдающихся советских историков – академиков Б.Д. Грекова (1882-1953) и А.Ю. Якубовского (1886-1953) «Золотая орда и ее падение» (1950). Несмотря на то, что впервые книга увидела свет в 1950 г. и не избежала идеологических установок того времени, многие положения этого труда остаются актуальны и по сей день [19]. Исследователи заключили, что в результате монгольских походов на огромной территории Дешт-и-Кыпчак и ряда смежных с ним областей образовалось большое государство, именуемое в восточных источниках Улусом Джучи, или Синей Ордой. В русских летописях государство это называется Золотой Ордой, хотя до сих пор не выяснено, как и почему возникло это последнее название.

В мусульманских источниках (арабских, персидских, тюркских) имеются три термина – «Улус Джучи», «Кок-Орда» и «Ак-Орда», – каждый из которых или совпадает с Золотой Ордой, или является ее частью, или перекрывает ее. Трудно установить точные границы Улуса Джучи, особенно по линии обширных степей, составлявших основную часть джучиева юрта. На северо-востоке в состав Золотой Орды входил Булгар с его областью, на севере граница проходила по русским княжествам, на юге Золотая Орда владела с одной стороны Крымом с его приморскими городами, с другой – Кавказом до Дербента, а иногда и до Баку, также северным Хорезмом с городом Ургенчем, на западе – степями от Днестра и дальше, а на востоке – до Западной Сибири и до низовьев Сырдарьи.

Золотоордынские ханы, начиная с Бату, фактического основателя нового монгольского государства, прекрасно сознавали, что представляет собой в экономическом отношении тот юго-восток Европы, куда они пришли в качестве завоевателей и организаторов нового государства. Бату принимал участие во всех главных военных предприятиях монголов (татар), отправляя свои отряды на помощь основному войску и рассчитывая, конечно, получить свою долю добычи. Бату-хан много сделал, чтобы вернуть всем завоеванным областям былую торговую жизнь, которая так резко оборвалась в связи с опустошением в результате монгольского завоевания. И во всем этом Бату много проявил жестокого умения и дальновидности. При Бату сношения Золотой Орды с центром монгольской империи были вполне налажены.

По примеру организации войска Чингис-хана и у золотоордынских ханов была, по-видимому, гвардия, главным образом из феодально-аристократической верхушки (преимущественно молодежь), называвшаяся

кэшик. Держа в своих руках командные места в войске, которое состояло из феодально зависимого же кочевого и полукочевого населения Дешт-и-Кыпчак, феодалы Улуса Джучи могли чувствовать себя фактически хозяевами государства и в случае расхождения с политикой своего хана противопоставлять ему свою твердую волю. При такой своей военной силе они не могли не придать всему государству Золотой Орды военно-феодалного характера. И это тем более верно, что Орда беспрерывно вела военные действия то против своих соседей, а то и просто против некоторых нойонов или эмиров: например, длительная борьба во второй половине XIII в. золотоордынских ханов против знаменитого темника Ногая.

В Золотой Орде ханской властью раздавалось огромное количество земель с сидевшими на них крестьянами, причем в ряде случаев дарственные ярлыки сопровождалась ярлыками тарханскими, т.е. грамотами, освобождавшими население данной земли от всех или большинства повинностей в пользу государства и, тем самым, предоставлявшими большую часть прибавочного продукта непосредственного производителя в пользу феодального владельца. Высшей точкой военного могущества Золотой Орды было время Узбек-хана (1312-1342). Его власть была одинаково авторитетна на всех землях его обширных владений. Первые признаки упадка появились уже при Джанибек-хане (1342-1357). Ак-Орда, т.е. Белая Орда, являвшаяся с военной точки зрения левым крылом войска Улуса Джучи, в русских источниках именуется Синей Ордой. Трудно точно установить границы Ак-Орды. В Дешт-и-Кыпчак, в том числе и в степях Ак-Орды, основную массу кочевого населения составляли кыпчакские племена. Монголы не внесли коренных изменений в этнический состав кыпчаков, напротив того – монголы сами подверглись отторжению; на примере двух больших монгольских племен – кунгратов и мангытов, которые стали впоследствии называться ногаями. Падение Золотой Орды ученые связывают с походами Тимура.

1-й том «Кембриджской истории Ислама» был создан усилиями интернационального коллектива, среди которых были Б. Шпулер, А.Н. Курат, А. Беннигсен, Ш. Лемерсье-Келькежей, К. Лэмбтон, Б. Льюис и другие. Общий фон к частям, относящимся к истории Средней Азии, задал немецкий востоковед Б. Шпулер, который предложил рассматривать исламские цивилизации Золотой Орды и Средней Азии как самоценные явления, а роль кочевников в истории региона как дестабилизирующий элемент. Эта концепция о цивилизирующей роли ислама в тюркском мире была охотно поддержана его коллегами [20]. Б. Шпулер, известный как «остфоршер» (т.е. участник исследовательской программы по изучению СССР и соцстран), остается все же одной из крупнейших фигур германской ориенталистики XX века. В 1939 году он вошел в монголоведение с монографией «Монголы в Иране», в которой нашла отражение

полуторавековая история ильханов в Иране. Но для нас представляет прежде всего другой выдающийся труд Б. Шпулера – «Золотая Орда: монголы в России в 1223-1502 гг.» [21].

По сути дела, Б. Шпулер создал подлинно научную концепцию изучения того, что было мифологизировано под названием т.н. «татаро-монгольского ига». Б. Шпулер считал историю Руси XIII-XV вв. неотъемлемой частью истории Золотой Орды на основе политического, экономического, культурного и генетического синтеза кочевников и их протагонистов – оседлых жителей Восточной Европы. В дальнейшем эти идеи Б. Шпулера о симбиозе кочевого и оседлого обществ получили развитие в его многочисленных трудах, посвященных как монгольской эпохе, так и истории Центральной Азии в средние века. Одним из непреходящих достоинств первого и последующих изданий «Золотой Орды» – подробная генеалогия золотоордынских ханов. Среди других важных работ Б. Шпулера по монголистике следует назвать книги «Монголы в истории» (1961), «История монголов в восточных и европейских свидетельствах 13-14 веков» (1968) и его доклад на XIV международном конгрессе историков в 1975 г. «Монгольский номуадизм в оседлом обществе: Золотая Орда».

Книга английского медиевиста Чарльза И. Гальперина «Русь и Золотая Орда: вклад монголов в средневековую русскую историю» (1987) вызвала в свое время разноречивый отклик как среди специалистов по средневековой истории, так и в кругах, увлекающихся чтением литературы о прошлом. Интерес, прежде всего, подогревался неординарным подходом к проблеме, обусловленным коренной ломкой старых представлений о почти трехсотлетнем доминировании монгольской модели государственного правления на пространстве Евразии. Автор отказался от ортодоксального осмысления одного из самых долговременных периодов передела мира по параметрам истоков и причин имперских захватов, а также их последствий с точки зрения дальнейшего развития. Как независимый исследователь, свободный от «пытки патриотической критикой», Гальперин в сопоставительном ряду анализирует как первоисточники древнерусской литературы, так и обширный массив трудов востоковедов золотоордынского периода с позиции корреляции между укреплением державы монголов и социально-политической эволюцией ее провинций, напроць отвергая расистский концепт в отношении «варваров-кочевников». Используя метод компаративного сопоставления, а также лингвистического анализа, Гальперин дает исчерпывающую картину функциональным возможностям «идеологии умолчания», используемой еще средневековыми летописцами.

Вот как излагает Гальперин «русскую теорию» монгольского правления. Он пишет, что монгольское завоевание и последовавшие за ним годы угнетения породили весьма щекотливую проблему для христианских авторов и интеллектуалов России. Нестандартность межгосударственных и

зачастую деловых сношений Руси с ненавистными религиозными врагами и до этого создавали, конечно, определенные трудности для восточных славян, в течение многих веков торговавших, заключавших браки и союзы со степными визави. Русские летописцы долгое время учились обходить стороной рискованные по своим последствиям умозаключения по поводу сложившейся ситуации с помощью идеологии умолчания, как это делали в подобных обстоятельствах христианские и мусульманские ученые мужи по всему периметру средневековых этнорелигиозных границ.

С осуществлением же монгольского завоевания русские столкнулись с новой и гораздо большей угрозой религиозным и интеллектуальным основам их культуры: они, опора и представители непобедимого бога, скоротечно и без проблем были покорены языческими ордами, мощь которых на обозримое будущее, казалась, непреодолимой. Решение этой второй интеллектуальной проблемы со стороны русских исходит из тех же подходов, что и при решении первой задачи [22].

Неоднозначный статус Руси в составе Золотой Орды, отсутствие режима постоянного пребывания монгольских войск, а также наследие контактов со степными кочевниками еще с киевского периода, все это в сумме дало русским возможность избежать как глубокого переосмысления, так и предания широкой огласке характера взаимоотношений между Русью и монголами. Два момента способствовали этому: правление Русью вне ее пределов, а также господствовавшая киевская идеологическая традиция [23]. Английский ученый Дж. Э. Бойл (Кембридж) исследовал титулатуру основателя Золотой Орды Бату-хана [24]. Он пришел к выводу, что распространенный титул Бату «Саин-хан» эпитет означает не «добрый» или «умный», а просто «покойный».

К числу государств-наследников Золотой Орды следует отнести и Астраханское ханство. Первым обратился к специальному изучению истории государства в Астрахани Х. Ховорс (Хоуорт). «Среди осколков Золотой Орды Астраханское ханство имело все основания, чтобы считаться законным наследником ее древнего могущества. В действительности это и была Золотая Орда со значительно уменьшившейся территорией, ограниченная современными (Ховорсу) Астраханским и Кавказским губернаторствами, но она была под властью князей того же рода и, очевидно, контролировала каспийскую торговлю. Вполне возможно, что после смерти Кучук Мухаммеда два его сына – Махмуд-хан и Ахмед-хан как-то разделили Орду между собой, и частью Махмуд-хана оказалась нижняя Волга». Почти вся последующая научная (и ненаучная) литература, касающаяся Астраханского ханства, являлась, по сути, развитием (или повторением) этих положений британского востоковеда.

Одной из наследниц Золотой Орды – наряду с Казанским, Астраханским и Крымским ханствами – была Ногайская Орда. Как пишет

советский/российский исследователь В. Трепавлов [25], в истории некоторых народов Евразии существовал так называемый ногайский период. У тюркских народов Евразии (ногайцев, татар, башкир, казахов, каракалпаков и др.) сложился общий пласт героического эпоса, так называемый ногайский цикл, повествующий об Эдиге и его потомках. Сама фигура родоначальника мангытских биев Эдиге была сакрализована казахами и каракалпаками, которые почитали его как покровителя лошадей.

Долгое время европейские и американские исследователи кочевых народов обделяли вниманием Ногайскую Орду. Связанные с ней сюжеты появлялись обычно в компилятивных работах, где пересказывались книги, статьи и публикации источников в переводах на западные языки.

Крупнейшей из таких компиляций была четырехтомная «История монголов» Х. Ховорса, впервые изданная в 1876-1927 гг. [26]. Не зная восточных языков, автор скомпоновал в соответствующем разделе все доступные ему сведения из Н.М. Карамзина, Й. Хаммер-Пургшталя, других историков, европейских переводов и пересказов мусульманских сочинений и изложил историю ногаев, которую представлял себе весьма смутно. Однако еще долго книга Х. Ховорса являлась для европейских читателей одним из основных пособий по истории Дешт-и Кипчака.

В то же время на Западе шла работа над переводами и публикациями восточных источников, имеющих отношение к нашей теме. Отметим работы польских историков по крымским письменным памятникам [27]. Большое значение для изучения тюркских Юртов XV-XVI вв. имели многолетние разыскания в турецких архивах, предпринятые А. Беннигсенем, его учениками и коллегами. Серия их публикаций помогла тем исследователям, которые не имеют доступа к документам султанской канцелярии или не читают на турецком языке.

Что касается турецкой историографии, то она привлекает рядом разработок, связанных с османской политикой на юге Восточной Европы, в Северном Причерноморье. Благодаря усилиям нескольких поколений ученых скопился обширный материал для анализа и исследований по истории Ногайской Орды. При этом лишь в единичных монографических трудах ногаи выступали как центральный объект изучения. У большинства авторов они являлись лишь фоном для основной темы — истории России, Казанского или Крымского ханства, Турции.

История Золотой Орды в современном монголоведении. Данная статья вызвана к жизни взрывным ростом интереса к средневековой истории Центральной Евразии, в частности – возникновению, экспансии и закату Монгольской державы и ее наследниц. Для современной монголистики характерно переиздание классических трудов, существенно переработанных, расширенных и обновленных с учетом новых источников, методологий исследования и расширения научного инструментария. Важный вклад в

развитии монголистики и тюркологии внесли российские ученые, до недавнего времени принадлежавшие вместе с нами к единой советской научной школе. Нельзя не обратить внимание на наблюдающийся в последнее время всплеск интереса в мировом востоковедении к монгольской эпохе как историческому и географическому феномену. Основы современного монголоведения, разумеется, были заложены еще в XX веке; современная наука не оставляет попыток изучить данный феномен с различных ракурсов. Все это вполне объяснимо, принимая во внимание какое влияние оказали монгольские завоевания, Монгольская империя и ее преемники в лице Золотой Орды, ильханидского Ирана, империи Тимура, юаньского Китая и других эпигонских образований оказали на историю Евразийского континента и населяющих его народов на протяжении нескольких веков.

Монгольский период в истории кочевых цивилизаций является наиболее изученным в мировой историографии, и одновременно это наиболее блестящая эпоха в истории кочевников Евразии, которые коллективными усилиями создали невиданную до них по размерам, могуществу и влиянию империю в истории человечества. До сих пор не ослабевает интерес к изучению феномена Монгольской империи, которая стала географическим прообразом других колоссальных по территории образований Евразии. История Казахстана и Центральной Азии естественным образом связана с этим периодом.

Основой для любого исторического исследования является источниковедение. Для понимания монгольской эпохи таким источником основного значения остается «Сокровенная история монголов» – хорошо изученное апокрифическое сказание не совсем ясного происхождения. В 2005 году на Западе оно было издано с исследовательскими комментариями монгольского ученого О. Ургунге. На русском языке переиздание сказания имело место в 2018 г. Издание базировалось на современном переводе текста (В. Минорского и Г. Вернадского), дополненном фрагментами законов (из Ясы) и высказываний (биликов) самого Чингисхана. В приложении представлены извлечения из тюркских (Абул-Гази), персидских (Рашид ад-Дин), китайских и европейских источников (Дж. Карпини и Г. де Рубрук). В настоящий момент это наиболее полное и фундаментально подготовленное издание знаменитого источника на русском языке, которое рекомендуется всем, кто интересуется монгольской тематикой [28].

По истечении почти трех десятилетий после распада СССР и, соответственно – единой советской науки и ее идеологии, пути исторических школ в разных постсоветских республиках неизбежным образом расходятся. Национализм как часть идеологии естественным способом занимает место марксизма, работая в пользу формирования национальных государств на их

месте. Не являются исключением в данном случае российская и казахстанская историографии.

В этом плане представляет интерес судьба евразийской идеи. Если в современной России она служит фундаментом для выстраивания концепции о единстве Евразии в лице Российской империи (которая якобы была в своей непростой истории образцом этнической и религиозной толерантности) и СССР, в котором интернационализм, пусть даже фиктивный и нарочитый, все же являлся основой идеологии, то в Казахстане евразийство апеллирует к концепции Великой Степи, единства тюркского (тюрко-монгольского) мира и вкладу кочевой евразийской цивилизации в мировую историю.

Естественно, что подобными веяниями не могла быть не затронута и область монгольских исследований (включая историю ее составных частей и государств-эпигонов). Однако еще в России, Казахстане и ряде других республик бывшего СССР остается группа ученых-ветеранов, продолжающих работать в парадигме, заданной в советскую эпоху и обусловленную сформированными тогда их мировоззрением, предпочтениями и опытом.

К числу таких историков, без всякого сомнения, должен быть отнесен Вадим Винцерович Трепавлов – автор многих монографий по истории половцев, монголов, тюркских и других кочевых народов, а также по истории великих степных империй Евразии. В 2018 году была переиздана его комплексная монография «Степные империи Евразии: монголы и татары». Интересна история создания самой монографии: она включает три работы, изданные в разные годы. Это исследование о государственном строе Монгольской империи, истории (неизданной) Русского княжества в татаро-монгольскую эпоху и Куликовской битвы и часть «История Татар» (в т.ч. работы по Золотой Орде и Большой Орде) [29].

В своей новой работе В.В. Трепавлов дополняет и пересматривает ряд устоявшихся представлений на историю кочевой Евразии. Так, частности, он обращается к вопросу о т.н. Вечном Эле (смена династий, но не населения), ставит под вопрос о тотальном доминировании тюрков в домонгольскую эпоху и поднимает вопрос о роли персоязычных племен (алан-асов, племени Ширин) в Монгольской империи, приводит в пример феномен найманов (синтез монгольского и тюркского). Во главу угла ученый ставит тезис о постоянной тенденции к объединению кочевого мира в политическом смысле и параллельно существовавшего института атомизированных мелких кочевых хозяйственных коллективов. В.В. Трепавлов пришел к выводу, что в организации традиционного для кочевников улуса, пребывавшего в своего рода летаргии в периоды между возникновением и исчезновением степных держав, всегда содержался потенциал для превращения его в кочевую империю при наступлении благоприятных условий.

В.В. Трепавлов уверен, что Монгольская империя, завершив историю великих кочевых держав, довела до совершенства механизм объединения номадов, который до того периодически запускался в действие на протяжении полутора тысячелетий. Он полагает, что при создании Монгольской империи проявилось явление «империофилии», которое обычно сопровождало формирование молодых империй, т.е. наличие твердого государственного порядка и возможность военной защиты от традиционных противников, а также доступ к огромным ресурсам завоеванных территорий. По его убеждению, феномен «монголофилии» ярко проявился во время первых завоевательных походов добровольным вхождением тюркских народов Южной Сибири и Восточного Туркестана.

Тенденция к объединению Степи после Монгольской империи угасла вместе с уходом кочевничества с мировой исторической арены как политической и военной силы. В своей книге автор подвергает критике подход казахстанских историков к цветообозначению и взаимному расположению Ак-Орды и Кок-Орды – самостоятельных провинций-крыльев Улуса Джучи, которые утвердились во мнении, что это деление относилось только к Восточной части Улуса (т.е. левому крылу). По его мнению, деление на крылья в ходе развития улуса превратилось в абстракцию, или традицию – простое обозначение ранга племен и их предводителей.

Вторая часть монографии В.В. Трепавлова посвящена Золотой Орде, которую он характеризует как исторический феномен. По его мнению, уникальность этого государственного образования заключалась в первую очередь в сосуществовании под одной государственной крышей двух цивилизаций – кочевой, тюрко-монгольской и впоследствии – мусульманской, и оседлой – русско-славянской и православной. Завершает книгу третья часть, освещающая историческое место т.н. Большой Орды (Тахт Эли) – последнего элемента Золотой Орды на юге Восточной Европы (в основном междуречье между Волгой и Днепром), оставшегося после ее распада на различные ханства, орды и юрты. В.В. Трепавлов изучает государственность, экономику, территорию, этнический состав, политическую историю и международное положение этого локально-временного исторического явления.

К числу около научно-популярных изданий по данной тематике следует отнести работу М. Бургана «Империя монголов» (2009). Концептуальная схема, выбранная автором, чрезвычайно проста: Чингисхан создал колоссальное образование от Кореи до Восточной Европы в истории Евразии и всего человечества, контролируемое всего одним семейством. Основным содержанием истории монгольской державы была борьба между номадизмом и оседлыми цивилизациями. Объединенная монголами евразийская держава обеспечила стабильный режим международной торговли, создала новые формы коммуникаций и продемонстрировала

религиозную толерантность. В плане преемственности военной тактики и стратегии, а также структуры власти автор проводит линию от Чингисхана и Хубилая к Тамерлану и до русских царей [30].

Не являются исключением и исследования Питера Джексона. Еще в 2005 году была опубликована его книга «Монголы и Запад: 1221-1410» (т.е. от появления монгольской армии на подступах к Европе до битвы при Танненберге). Основной идеей работы является мысль о том, что монголы для христианского мира были одновременно и союзниками (спасшими от уничтожения франкские принципаты на Святой земле, христианские посольства и паломников от уничтожения арабами и мамлюками).

Монография П. Джексона «Монголы и исламский мир: от завоевания до конверсии» (2017) продолжает данную тему. Под конверсией он понимает ассимиляцию завоевателей более развитыми цивилизациями, в данном случае – исламской. Но больше внимания П. Джексон уделяет урону, которые принесли монголы различным частям исламского мира, включая Иран, Ирак (т.е. Халифат), Турцию, Афганистан, Среднюю Азию (Хорезм) и часть Восточной Европы. Если монголам удалось установить политическое господство, то в культурном плане произошло обратное: принятие ислама и цивилизационно-лингвистическая конвертация [31].

Ранее (2003) данную тему затрагивал Дж. Лэйн в своей работе «Монгольское правление в Иране в XIII веке и персидское возрождение». Автор исходит из того, что т.н. иранское возрождение было длительным процессом, начало которому было положено задолго до монголов в период активизации культурных, политических и языковых контактов персидского ареала с тюркским миром. Монгольскую тематику Дж. Лэйн продолжил в монографии «Повседневная жизнь Монгольской империи» (2006). Ученый описывает обычный быт кочевников в юрте на основе анализа традиционного фольклора, их пищевой (в основе мясной) рацион, роль алкоголя, каждодневную одежду и религиозные верования. Следует отметить, что столь отдаленные с историко-хронологической точки зрения сюжеты на стыке с этнографией, базирующиеся на скудных источниках при отсутствии у монголов собственной развитой письменности и исторической культуры, являются крайне редкими в исторической науке [32].

Коллективный труд «Монгольский Средний Восток» под редакцией Бруно де Никола и Чарльза Мельвиля (Кембридж, Великобритания) продолжает тему трансформации монгольских завоевателей в покоренном Иране, который в свою очередь также претерпел при монгольских ильханах политико-экономическую трансформацию. Исторический сборник охватывает период 1258-1335 гг. Книга состоит из четырех частей, охватывающих соответственно установление правления ильханов, внутреннюю и внешнюю политику, и наконец – завершение этой главы в истории Ирана. Но отдельные главы посвящены в целом роли монгольского

фактора на Среднем и Ближнем Востоке, и шире – для всей средневековой Евразии и отношениям с Китаем [33].

Исследование Александра Широкограда «Русь и Орда» представляет собой пример синтеза истории и актуальной политологии. Автор, будучи военным историком, почти все 26 глав своей книги посвящает военным кампаниям далекого и недавнего прошлого. Подробно в работе описан ход завоевания Руси татаро-монголами, анализируется роль князя А. Невского и отношения завоеванных русских земель с Золотой Ордой. Но постепенно фокус исследования перемещается к крымской проблематике [34].

К числу переизданных классических трудов следует отнести в первую очередь книгу князя Н.С. Трубецкого «Наследие Чингисхана», одного из основателей евразийской теории (на основе статьи: Наследие Чингисхана. Взгляд на русскую историю не с Запада, а с Востока). – Берлин, 1925. - 60 с.). Автор исходил из того, что для него Чингисхан был не столько завоевателем, а прежде всего великим организатором. Основная мысль евразийского философа сводится к тому, что «Потрясатель Вселенной» выполнил грандиозную историческую задачу по государственному объединению значительной части континента. Сделал он это через объединение Степи, а затем на этой территориально-государственной и военно-материальной основе – всей Внутренней Евразии [35].

Другим переизданием является книга небезызвестного Мурада Аджи (Мурад Эскендерович Аджиев – г.ж. 1944-2018 гг.) «Сага о великой степи», в основу которой была положена нашумевшая публикация автора «Без Вечного Синего неба» [36]. В отличие от других своих предшественников-евразийцев, М. Аджи ставит во главу угла вклад в историю и культуру Евразии не монголов, а тюрков. Данная идея проходит красной нитью через его известные труды – «Полынь Половецкого поля», «Европа. Тюрки. Великая Степь», «Кипчаки. Древняя история тюрков и Великой Степи», «Кипчаки. Огузы», «Тюрки и мир: сокровенная история» и др. В книгах изложена авторская гипотеза о становлении тюрков как народа на Алтае и о их расселении по Евразии, о жизни и быте народа, о его духовной культуре, о предполагаемых автором следах Великого переселения в Индии и Персии, на Кавказе и Урале, в Византии и Риме, в Европе.

Автор пытался показать, как в итоге переселения и освоения новых территорий формировалась страна Дешт-и-Кипчак, территория которой в 1-м тысячелетии предположительно простиралась от Байкала до Атлантики и включала в себя значительную часть территории современной России. Результаты своих изысканий Аджи изложил в 1994 году в книге «Полынь Половецкого поля. Многие из европейских и азиатских народов, таких как болгары, венгры, корейцы, сербы, русские, казаки, украинцы, англичане, французы и другие, по Аджи, являются потомками тюрков-степняков, растворившихся среди других народов и забывших свои корни. Государство

степняков Дешт-и-Кипчак просуществовало до XVIII века и погибло после походов Петра I, покорившего свободные казацкие земли.

В серии ЖЗЛ была вновь издана дополненная историческая биография А. Карпова «Батый» (2011), носящая явный антимонгольский характер. По мнению автора, личность Батыя занимает особое место даже в ряду других кровавых завоевателей, ибо с его именем связано страшное монгольское нашествие, обрушившееся на Русь в конце 30-х годов XIII века. По силе разрушительного воздействия на ход русской истории оно не имеет себе равных. Это нашествие унесло жизни огромного числа людей, стёрло с лица земли сотни, если не тысячи городов и селений, до основания разрушило экономику страны, свело на нет целые отрасли ремёсел, безвозвратно сгубило бесценные памятники культуры, на два столетия поставив Русь на колени и едва не уничтожив саму русскую государственность [37].

Еще одним переизданием является книга Р. Рахманалиева «Империя тюрков. История великой цивилизации» (2009). Книга рассказывает об истории крупных государственных образований, к которым в той или иной степени можно применить термин «империя». История тюркского мира изложена автором в следующей последовательности: Тюркские народы с X в. до н.э. по V в. н.э.; Империя Атиллы; Великий тюркский каганат. Уйгурский каганат; Тюрки в мусульманском мире; Империя Чингисхана; Империя Амира Темура; Османская империя [38].

В серии Библиотеки военной и исторической литературы изданы материалы, относящиеся к эпохе Чингисхана, в том числе включенными текстами «Ясы» и «Билика» (изречений Чингисхана). Приведены также свидетельства современников завоевателя из числа китайских послов-разведчиков и европейских миссионеров. В сборнике можно найти много сведений о военном искусстве монголов, их тактике и стратегии и организационной структуре монгольской армии, целях военной доктрины «единого самодержавия» [39].

Исследование Майкла Попа (университет Йонси) «Политика и традиции в Монгольской империи и Иране при Ильханах» представляет собой интерпретацию процесса, который привел к эволюции улуса ранней монгольской державы в успешное мусульманское государство всего Среднего Востока после 1258 года, известного как улус ильханов. Автор проводит детальное изучение происхождения и суть различий между двумя основными носителями политической культуры чингизидов. По его мнению, к отколу державы ильханов от монгольского домена привели также и противоречия идеологического характера, логично вытекавшие из политических. Идеологический раскол усилился в дальнейшем и вступлением монгольских правителей Ирана в ислам, причем в его шиитской форме, что отразилось на противостоянии с другими улусами, принявшим ислам в суннитской форме, в первую очередь с Золотой Ордой [40].

В 2018 г. Франческа Фьячетти (Еврейский университет в Иерусалиме) предприняла переиздание классического труда Пола Бьюэла (независимый исследователь, Сиэтл) «Исторический словарь Монгольской мировой державы» (2003). Данный словарь охватывал терминологию по истории монголов доимперского периода, собственно Монгольской империи и эпохи наследников Чингис-хана уже после потери единства державы. Второе издание существенно расширило исторические материалы, выходя далеко за рамки просто терминологического толкователя. Сборник включает в себя хронологическую часть, различные таблицы по криптологии, глоссарий, биографические справки, эссе по экономике, политике, религии, внешней политике и культуре Монгольской империи (всего 900). Таким образом, расширенное переиздание работы П. Бьюэла не только обогатило мировую монголистику, но и стало первоклассным источником для всех исследователей, кто занимается монгольской эпохой [41].

Рассматриваемый выпуск Трудов Института востоковедения РАН содержит сборник статей, подготовленный международным коллективом авторов, и посвященный актуальным проблемам кочевниковедения. В книге рассмотрен вклад номадов древности и средневековья в культуру оседлых цивилизаций, проанализированы контакты тюркских кочевников с соседними народами, освещен ряд вопросов их этногенеза, археологии, антропологии, идеологии, военного дела. Материалы сборника охватывают период с эпохи хунну до современности и включают данные по Восточной Европе, Передней, Средней и Центральной Азии [42].

Монография известных российских востоковедов Д.М.Тимохина и В.В.Тишина (Институт Востоковедения РАН) посвящена рассмотрению вопросов взаимодействия государства Хорезмшахов-Ануштегинидов с племенами Восточного Дешт-и Кыпчака в период XI – начала XIII вв. и предполагает первое специальное исследование, посвященное данной проблематике. Тематика работы связана с отсутствием (за редким исключением) полноценного монографического исследования истории взаимоотношений государства Хорезмшахов-Ануштегинидов со степным миром [43].

Монография сотрудника ИВ РАН Ю.И. Дробышева посвящена роли климатического фактора в жизни и политической истории кочевых народов Центральной Азии, тесно связанного с понятием сакрального характера верховной власти, что ставит данную работу особняком от других многочисленных исследований подобного рода. Центральная идея книги изложена во взаимосвязи климата и военного дела. В книге показано, как погода решала судьбу военных столкновений [44].

Исследование Дорис Беренс-Абусеиф «Практическая дипломатия в Мамлюкском Султанате» интересно тем, что привлекает внимание к данному периоду средневековой истории мусульманского мира не только самим

фактом, что у власти в султанате стояли мамлюки – в основном выходцы из великих евразийских степей, преимущественно тюрки-кипчаки. На основе детального изучения номенклатуры дипломатических даров мамлюкскому двору автор убеждается, что данный регион (Египет, Левант, Палестина, Сирия) были неотъемлемой частью Шелкового пути, культурно и цивилизационно связанными с Центральной Азией [45].

Книга Эрики Монахан «Сибирские купцы» рассматривает попытку возродить прежнее значение древних торговых путей Шелкового пути, но на этот раз в обратном направлении – с Запада (от России) на Восток. В данном случае толчком послужило завоевание колоссальных сибирских пространств Московским, затем Российским государством, начиная с конца XV века. Исследование построено, что вполне объяснимо, в основном на материалах российских архивов. Предмет исследования затрагивает напрямую историю тюркского мира в постмонгольскую эпоху в лице фрагментов Золотой Орды, Сибирского и Казахского ханств, Синьцзяна и Средней Азии [46].

Претендующее на фундаментальность исследование Питера Франкопана (д-р Центра исследования Византии Оксфордского университета) «Шелковый путь» призвано осветить колоссальный период в истории Евразии, Средиземноморья и Африки и всего человечества, охватывающий порядка 2000 лет. Однако фокус книги направлен на историческую роль Внутренней Евразии и ее роль в становление торгово-экономических путей древности и средневековья, и даже шире – великих религий и цивилизаций континента [47].

Для нас наибольший интерес представляет исследование Дж. Ли «Казаклык, или амбициозный разбой, и формирование казахов: государство и идентичность в постмонгольской Евразии». Термин «казаклык» (казакование) автор использует как синоним разбойного бродяжничества, столь характерного для Евразии в послемонгольскую эпоху. Исследователь связывает этот феномен, распространенный вплоть до причерноморских степей среди смешанного славяно-тюркского населения, с политическим аспектом. В результате «политического бродяжничества», говоря словами автора, сложилась казахская нация как особый феномен, а не отколовшаяся часть узбекского улуса. Появление казахов, считает автор, (как и многих других народов и государств Евразии) было бы невозможно без распада жестко централизованной и иерархизированной системы монгольского правления, в т.ч. в качестве политического наследия Золотой Орды [48].

Заключение. Таким образом, монгольское завоевание Центральной Азии и Казахстана так же, как и других стран, сопровождалось массовой гибелью кочевого населения – найманов, киреитов, кыпчаков и канглы, оказавших упорное сопротивление захватчикам. Карлуки, онгуты, уйгуры и та часть кыпчаков, канглы, найманов и киреитов, которые подчинились монголам без сопротивления, но под угрозой завоевания, также понесли

серьезные потери в результате тотальной мобилизации их людских и экономических ресурсов. Что касается Золотой Орды и Чагатайского улуса, то монгольское правящее меньшинство постепенно тюркизировалось в массе близкого по хозяйственному укладу тюркского кочевого населения.

Таким образом, монгольские завоеватели повсюду создавали полиэтничный аппарат управления. В Золотой Орде монголы были ассимилированы тюркским местным населением, а держава Батыя послужила источником для образования после распада Золотой Орды таких тюркских государств, как Ногайская Орда, Казанское, Астраханское, Казахское и Крымское ханства. Тем не менее, как свидетельствует история, тюрки сыграли заметную роль в политической и культурной жизни Китая, Средней Азии и Восточной Европы в эпоху монгольского владычества. Таким образом, история Золотой Орды – далекое прошлое, но она до сих пор вызывает споры. Тем самым задача исследователей, независимо от этнической (тюркской или славянской) принадлежности, работать на взаимопонимание народов, а не на их разобщение.

Список использованной литературы:

1. См.: Христианский мир и «Великая Монгольская империя». Материалы францисканской миссии 1245 года. – СПб: Евразия, 2002. – 478 с.
2. Шастина Н. Вступительная статья // Путешествия в восточные страны Плано Карпини и Рубрука. М.: Государственное издательство географической литературы, 1957. – С. 3-20.
3. См.: Книга Марко Поло. Серия: Путешествия. Открытия. Приключения. – Алма-Ата: Наука, 1990. – 352 с.
4. Тизенгаузен В.Г. Сборник материалов, относящихся к истории Золотой Орды. СПб., 1884. Т.1. Извлечения из сочинений арабских; М.; Л., 1941. Т.2. Извлечения из персидских сочинений, собранные В.Г. Тизенгаузенем и обработанные А.А. Ромаскевичем и С.А. Волиным.
5. Шаоминь Кэ. Синь Юань-ши (Новая история династии Юань) // Цуншу-цэичен, эрши-уши. Шанхай, 1938. Т.8.; Юань-ши (История монгольской династии Юань) // Соинь-бонабэнь, эрши-сыши. Пекин-Шанхай, 1958.
6. См.: Григорьев А.П., Фролова О.Б. Географическое описание Золотой Орды в энциклопедии ал-Калкашанди // Тюркологический сборник. – М.: Наука, 1986. – С. 261-280.
7. Сборник материалов относящихся к истории Золотой Орды. Т. I-II. Извлечения из сочинений арабских собранные В.Г. Тизенгаузенем. - СПб., 1884; Т. II. Извлечения из персидских сочинений собранные В.Г. Тизенгаузенем и обработанные А.А. Ромаскевичем и С.Л. Волиным. - М.; Л., 1941.

8. См.: Ибатов А. XIV ғасырдағы хандар жарлықтарының тілі. (Язык ханских ярлыков XIV в). - Алматы: Ғылым, 1990. - 151 б.
9. Тизенгаузен В.Г. Сб. материалов. Т1. С.46-64.
10. Voyages d'Ibn Batoutah. Texte arabe. - Paris, 1853-1858. Т.I-IV; Тизенгаузен В.Г. Сб.материалов. Т.I. С.278. The Travels of Ibn Battuta A.D.1325-1354. - Cambridge, 1958, 1961 (HS, 2d series. CX). V.I-II.
11. Ligeti L. Prolegomena to the Codex Cumanicus. – Acta Orientalia Hungaricae. Budapest. 1981. Т. 35, Fasc. I, p. 1-54.
12. Руи Гонсалес де Клавихо. Дневник путешествия в Самарканд ко двору Тимура (1403-1406). Пер. со староиспанск., пред, и коммент. И. С. Мироковой. – М., 1990.
13. DeWeese D. Islamization and Native Religion in the Golden Horde: Baba Tiikles and Conversion to Islam in Historical and Epic Tradition. - University Park, Pennsylvania, 1994. - 656 p.
14. Цит. по: Груссе Р. Империя степей. История Центральной Азии (с древности до тринадцатого века). Учебное пособие. – Алматы: Санат, 2003. – С. 7-10.
15. Grousset R. Conqueror of the World. – New York: The Orion Press, 1966. Grousset R. Die Steppenvölker. – München, 1970.
16. Brentjes B., Albaum L.I. Herren der Steppe. Zur Geschichte und Kultur mittelasiatischer Völker in islamischer Zeit. – Berlin: Deutscher Verlag der Wissenschaft, 1986. – 192 S.
17. Sinor D. Inner Asia: History, Civilization, Languages. A Syllabus. – Bloomington: Indiana University Press, 1969 (third reprinting - 1987).- XXII + 261 pp. (Uralic and Altaic Series - 96).
18. Vernadsky G. The Mongols and Russia. - Yale. Yale University Press, 1953. - 473 p.
19. Греков Б.Д., Якубовский А.Ю. Золотая Орда и ее падение. – М.: Богородский печатник, 1998. - 368 с.
20. Wolseley H. (Sir) The Cambridge History of India. Vol.III: Turks and Afghans. – Cambridge, 1928.
21. Spuler B. Die Goldene Horde: die Mongolen in Russland. 1223-1502. – Leipzig, 1943. Spuler B. The Muslim World. A Historical Survey. Trans by F.R.C. Bagley. – Leiden: Brill, 1960. Pt.I – 138 p.; Pt.II – 125 p. Spuler B. Geschichte Mittelasiens // Geschichte Asiens. Hrsg. von E.Waldschmidt. – München, 1950. Spuler B. Mittelasien seit dem Auftreten der Türken // Handbuch der Orientalistik. 1966. Vol.5. Pt.5, S.123-310. Spuler B. Gemeinsamkeiten der (west-) innerasiatischen Entwicklung seit 1600 // Ural-Altäische Jahrbücher. 1996. Bd.33, S.180-186.
22. Halperin Ch.J. Russia and the Golden Horde: The Mongol Impact on Medieval Russian History. – London, 1987.

-
23. См. также: Тюркологический сборник-2001: Золотая Орда и ее наследие. Т. 98. Редкол.: С.Г. Кляшторный (пред.) и др. — М.: Вост. лит., 2002. — 302 с.
24. Boyle J. A. The Posthumous Title of Batu Khan // Proceedings of the IXth Meeting of the Permanent International Altaistic Conference. - Naples, 1970, pp. 67-70.
25. См.: Трепавлов В.В. История Ногайской Орды. – М.: Восточная литература, 2001. – 752 с.
26. Howorth H.H. History of the Mongols: From the 9th to the 19-th Century. Pt 1. - N. Y., 1965. - 771 p.; Pt 2. - N. Y., 1965. - 1121 p.
27. Zajqczkowsky A. La chronique des steppes kiptchak. Ed. crit avec la trad. fransaise du XVIIIe siecle. – Warszawa, 1966 – 180 s.
28. Onon Urgunge. The Secret History of the Mongols. The Life and Times of Chingghis Khan. - London & New York: Routledge Curzon Press, 2005. — VI+300 pp. Чингисхан. Сокровенное сказание. – М.: Издательство «Э», 2018. – 480 с.
29. Трепавлов В.В. Степные империи Евразии: монголы и татары. 2-е изд. – М.: Квадрига, 2018. – 368 с.
30. Burgan M. Empire of the Mongols. – Chelsea: Chelsea House Publications, 2009. - 160 p.
31. Jackson P. The Mongols and the West, 1221–1410. – London, New York: Routledge, 2005. – XXXIV+414 pp. Jackson P. The Mongols and the Islamic World: From Conquest to Conversion. – Ceredigion (Wales, UK) – Llandysul: Gomer Press, 2017. – XX+614 pp.
32. Lane G.E. Early Mongol Rule in Thirteenth-Century Iran: A Persian Renaissance. – Leiden: Brill, 2003. – XXIV+330 pp. Lane G. Daily Life in the Mongol Empire. – Greenwood: Greenwood Publishing Group, 2006. – 240 p.
33. Nicola B., Melville Ch. (eds.) The Mongols' Middle East: Continuity and Transformation in Ilkhanid Iran. – Leiden: Brill, 2016. – 346 p.
34. Широкопад А.Б. Русь и Орда. – М.: Вече, 2018. – 480 с.
35. Трубецкой Н.С. Наследие Чингисхана. – М.: Издательство «Э», 2017. – 576 с.
36. Аджид М. Сага о великой степи. – М.: АСТ, 2016. – 601 с.
37. Карпов А.Ю. Батый. 2-е изд., испр. и доп. – М.: Молодая гвардия, 2017. – 348 с.
38. Рахманалиев Р. Империя тюрков. История великой цивилизации. – М.: РИПОЛ, 2018. – 704 с.
39. Мелехин А.В. (автор сост.). Чингисхан. Пер. с монг. А.В.Мелехина и Г.Б.Ярославцева. – М.: АСТ, 2018. – 320 с.
40. Hope M. Power, Politics and Tradition in the Mongol Empire and the Ilkhanate of Iran. – Oxford: Oxford University Press, 2016. – X+238 pp.
-

41. Buell P., Fiaschetti F. Historical Dictionary of the Mongol World Empire. 2nd Ed. – Lexington (KY): Rowman and Littlefield, 2018. – 420 p. Buell P.D. Historical Dictionary of the Mongol World Empire. - Lanham, Maryland, and Oxford: The Scarecrow Press, 2003. – XLIV+335 pp.

42. Тюркские кочевники в Азии и Европе: цивилизационные аспекты истории и культуры. Отв. ред.: Васильев Д.Д. Составители: Васильев Д.Д., Дробышев Ю.И., Зимоньи И. Труды Института востоковедения РАН, Выпуск 7. – Москва: ИВ РАН, 2018. – 268 с.

43. Тимохин Д.М., Тишин В.В. Очерки истории Хорезма и Восточного Дешт-и Кыпчака в XI – начале XIII вв. – Москва: ИВ РАН, 2018. – 380 с.

44. Дробышев Ю.И. Климат и ханы: Роль климатического фактора в политической истории Центральной Азии. – Москва: Институт востоковедения РАН, 2018. – 264 с.

45. Behrens-Abouseif Doris. Practising Diplomacy in the Mamluk Sultanate: Gifts and Material Culture in the Medieval Islamic World. - London; New York: I.B. Tauris, 2016. - XXII + 242 pp.

46. Monahan Erika. The Merchants of Siberia: Trade in Early Modern Eurasia. – Ithaca and London: Cornell University Press, 2016. – XIV + 410 pp.

47. Франкопан П. Шелковый путь. – М.: Эксмо, 2018. – 688 с. (Frankopan P. The Silk Roads: a New History of the World. – Bloomsbury: Knopf Doubleday, 2015.

48. Lee J. Qazaqlik, or ambitious Brigandage, and the Formation of the Qazaqs: State and Identity in Post-Mongol Eurasia. – Boston: Brill, 2016. – XIV+238 pp.

Автор туралы мәлімет:

Лаумулин М. Т., с. ф. д., проф., Астана халықаралық университеті, әлеуметтік-гуманитарлық ғылымдар жоғары мектебінің профессоры

**АЛТЫН ОРДАНЫҢ ӘЛЕМДІК ОРИЕНТАЛИСТИКАДАҒЫ ТАРИХЫ:
ҚЫСҚАША ОЧЕРК**

Аннотация: Мақалада Алтын Орда, Орталық Азия және ішкі Еуразияны зерттеу контекстінде Шығыстану мектептерінің қалыптасуы мен даму мәселелері қарастырылған. Осы моңғол білімінің тарихын зерттеудегі негізгі бағыттар зерттелуде. Оларға көшпенділіктің номадизм және мәдениеттану тұжырымдамалары, түркітану, алтаистика және тіл білімі, Орданың ерте және ортағасырлық тарихы туралы Қыпшақтану сияқты бағыттар жатады. Қазақтардың тарихы мен этнографиясын, негізінен Батыс шығыстануында зерттеуге ерекше көңіл бөлінеді. Мақалада шығыстану мен саясаттану салаларының Алтын Орда мен Орталық Азияны зерттеу контекстіндегі сабақтастығы мен өзара байланысы көрсетілген.

Кілтті сөздер: Алтын Орда, қазақтар, Қазақстан, Орталық Азия, Шығыстану, түркітану, саясаттану, куманология, Қыпшақтану, моңғолистика, моңғолтану.

Information about the authors:

Laumulin M.T., d.p.s, Prof., Higher School of Social and Humanitarian Sciences of the Astana International University

THE HISTORY OF THE GOLDEN HORDE IN WORLD ORIENTALISM: A BRIEF
ESSAY

Abstract: The article considers ancient and medieval sources on the Golden Horde and Central Asian history, including information of the ancient authors on peoples of Central Asia, medieval sources, autochthonous sources, Muslim historiography. The article is dedicated also to the observation of history and ethnography of Kazakhs (mostly in Western oriental studies). A separate section reviews the phenomenon of nomadism in the context of such scientific problems as geographic factor and natural environment, social structure, political system and nomadic culture including the Kazakhs. In this context, the book presents western opinions regarding the following issues: impact of the Golden Horde onto Eurasia, a role of the Kipchaks within this area, Islamic and Turkic studies.

Key words: Golden Horde, Mongol studies, Kazakhs, Kazakhstan, Central Asia, Oriental Studies, Turcology, Political Studies.

УРУС-ХАН И ЕГО РОЛЬ В ИСТОРИИ КАЗАХСТАНА КРАХ ИМПЕРИИ И ЛЕВОЕ КРЫЛО УЛУСА ДЖУЧИ

Р.Темиргалиев

Историк, главный эксперт ИМЭП при Фонде Первого Президента РК, г. Нур-Султан

Аннотация. В настоящей статье обрисовываются основные этапы деятельности Мухаммад-Урус-хана, а также роль и место этой политической фигуры в истории казахской государственности. В годы его правления Ак Орда достигла наибольшего могущества. Политическая и военная деятельность Урус-хана получила сравнительно удовлетворительное освещение в средневековых источниках.

Ключевые слова: Улус Джучи, Чингисхан, Золотой Орда, Орус хан, Тохтамыш.

В середине XIV века Улус Джучи являлся одной из самых могущественных империй мира. Но скрытые внутренние проблемы постепенно подтачивали ее изнутри. Одним из самых острых вопросов являлось «перепроизводство» высшей аристократии. Неограниченная полигамия способствовала увеличению численности потомков Чингисхана в геометрической прогрессии. Представитель правящей династии, имеющий 20-30 жен, мог иметь десятки сыновей и сотни внуков. Поскольку строгого закона о престолонаследии не существовало, каждый из них теоретически имел право взойти на престол.

В эпоху становления державы, сопровождавшейся постоянными войнами и завоеваниями, эта проблема была не столь заметна, множество чингизидов, стремясь покрыть свое имя славой, погибало на поле брани. «Великая тишина»¹ наступившая с приходом к власти Узбек-хана оказалась для государства гораздо опаснее нежели любые внешние враги. Число чингизидов стало быстро увеличиваться. Многие из них воспитанные на примерах деяний своих предков, амбициозные и честолюбивые, направили свою энергию во внутренние политические интриги.

В 1357 г. сын и наследник Узбек-хана, знаменитый герой степных сказаний хан Золотой Орды Джанибек был убит своим сыном Бердибеком. Ранее братья часто убивали братьев в борьбе за власть, особенно если они были рождены разными матерями. Такие случаи не одобрялись, но тем не менее принимались обществом, поскольку позволяли избежать затяжной и разрушительной для государства борьбы за власть. Отцеубийство не могло быть оправдано никакими причинами, тем более что Джанибек-хан был

¹ Так именовался данный период в русских летописях.

действительно любим своим народом, даже в вассальных русских землях его называли «добрым царем».

Бердибек-хан очень хорошо осознавал, как воспринимается в обществе. Заговор был неизбежен, и он решил, не теряя времени, сразу же после воцарения взять инициативу в свои руки. Ханские нукеры начали беспощадное истребление чингизидов из числа, в первую очередь, потомков Бату-хана. Пощады не было никому. По преданию, Бердибек-хан самолично убил, с размаху ударив о землю, родного брата – восьмимесячного младенца [История Казахстана в персидских... 2006: 255].

Молва о злодеяниях нового хана стремительно разнеслась по всем уголкам Улуса Джучи, всюду порождая недовольство и возмущение. После Поволжья, где располагалась столица Сарай, вторым по политическому статусу регионом являлся Туркестан – область городов и поселений на Сырдарье, главным из которых был Сыгнак. Это был административный и экономический центр Левого Крыла Улуса Джучи.

История Левого крыла Улуса Джучи в XIV в. освещена источниками противоречиво. Согласно Муин ад-дину Натанзи здесь власть в своих руках держали потомки Орду-Ичена и с начала 40-х гг. XIV вв. ханом являлся Чимтай бен Эрзен. Относительно недавно была обнаружена серебряная пайцца, которая предположительно была выдана от его имени [Рева, Беляев 2017: 26].

Согласно сведениям Утемиш-хаджи еще Узбек-ханом практически сразу после воцарения, т.е. во втором десятилетии XIV в. территория Левого крыла была отдана под власть эмира Исатая из племени кият. Затем после смерти Исатая правителем стал его сын Джир-Кутлуг, упоминающийся в «Дафтар-и Чингиз-наме» как один из эмиров Джанибек-хана [Мустахимов 2009: 123]. Джир-Кутлуг сохранил свое положение и после прихода к власти Бердибек-хана.

Могло быть так, что Чимтай, в силу возраста и авторитета считался главой чингизидской элиты Левого крыла, в то время как, официальным наместником являлся эмир Джир-Кутлуг.

Власть наместника-простолюдина, пусть даже из имевшего особый статус племени кият, естественно, воспринималась чингизидами с недовольством. Воцарение в Сарае в качестве верховного правителя отцеубийцы только подлило масла в уже полыхающий огонь.

В это время правители племен Правого крыла, потеряв вследствие репрессий, возможность поддержать какого-либо альтернативного кандидата на трон из местных чингизидов, стали рассматривать в качестве таковых представителей династии из Левого крыла и вступили в переговоры с Чимтаем. Как сообщает Натанзи, «эмиры Кок Орды² письмами и

² Так Натанзи называет Правое крыло Улуса Джучи со столицей в Сарае.

посольствами звали его на свое царство, но он не захотел...» [История Казахстана в персидских...2006: 256].

Отказ Чимтая привел к разногласиям даже в его собственной семье. Сын Чимтая Урус настаивал на том, что необходимо активно вмешаться в происходящие события: «Все время он побуждал своего отца к тому, чтобы тот завладел также и улусом Кок Орды, но Чимтай не слушал (его) [История Казахстана в персидских...2006: 258].

Здесь не имеет значения, что многие историки критически относятся к данному источнику, полагая, что настоящим отцом Уруса являлся Бадык (потомок Тукай-Тимура). Сам факт конфликта сына и отца едва ли являлся ошибкой или выдумкой информатора.

Неизвестно сумел ли Урус переубедить своего отца, но в конечном счете, он счел для себя неприемлемым подчиняться Бердибек-хану и его наместнику Джир-Кутлугу. Как сообщает Кадыргали-бек, после смерти Джанибек-хана и смуты охватившей Золотую Орду, Урус собрав войско ушел в направлении Алатау где решил создать собственный улус: «Ол тағырқада оқ Орус хан Алатағ қа ләшкәр кет[т]і» [Сыздыкова 2015: 251]. Интересно, что спустя несколько десятилетий в схожей политической ситуации тот же самый маршрут изберут его правнуки Керей и Жанибек. Вполне возможно, что в этом решении они руководствовались примером предка.

Наместник верховного правителя не мог воспринять этот шаг иначе как мятеж и соответственно должен был предпринять какие-то действия для его подавления. Однако вышло все иначе. Приблизительно в 1358-1359 гг. Джир-Кутлуг был убит Урусом. Вполне вероятно также, что это событие предшествовало откочевке в земли Жетысу, что выглядит более логично, хотя и несколько противоречит последовательности описания событий в изложении Кадыргали-бека.

После убийства Джир-Кутлуга власть в Левом крыле перешла к сыну покойного – Тенгиз-Буке. Разгневанный гибелью отца, новый эмир стал вымещать свою злость на местной элите. По степному преданию, Тенгиз-Бука заставил чингизидов собственными руками строить мавзолей над могилой Джир-Кутлуга: «Подносить воду, подносить кирпичи – все они делали. Рассказывают: у одних в спине открылись раны, у других в груди, у третьих были истерзаны ноги. Много мук испытали они. Кроме того, ежедневно утром приходили огланы эти и сидели перед дверьми (юрты Тенгиз-Буги). Всякий раз, когда устраивал он прием, как только доходила до него чаша музыканты играли хвалебный кюй, так и узнавали, что дошла чаша до бека, едва начинали в юрте играть хвалебный кюй. Снимали тогда огланы эти шапки свои, опускались на колени и стояли до те пор, пока не выпивал он чашу и не прекращали играть мелодию» [Утемиш-хаджи 2017: 48].

Не выдержав издевательств, после получения вестей о гибели Бердибек-хана чингизиды восстали и убили Тенгиз-Буку. В 1360 г. ханом в Сыгнаке был провозглашен Кара-Ногай, сын Сасы.

В Улусе Чагатая

Урус в это время создал свой небольшой улус в Жетысу. Приблизительно в это время умер его отец, который вероятно находился вместе с сыном. Здесь важно отметить, что Натанзи специально отмечает, к примеру, что прадед Уруса – Сасы-Бука был похоронен в Сауране, дед Эрзен – в Сыгнаке [История Казахстана в персидских...2006: 255-256]. О месте упокоения Чимтая он не говорит ничего, поскольку очевидно произошло это событие не на берегах Сырдарьи.

После смерти отца ничто не удерживало Уруса от принятия ханского титула. Пересмотрев прежние собственные представления, отраженные в книге «Ак-Орда. История Казахского ханства» полагаю необходимым согласиться с обоснованным выводом К. Ускенбая, что ханом Урус был провозглашен около 1361 г. и произошло это на территории Жетысу [Ускенбай 2013: 161, 185]. Практически, эта точка зрения была поддержана также Ж. Сабитовым, отождествившем также расположенный во владении Урус-хана город Талашкары со старым Таразом [Сабитов 2016: 253-254].

Труднее всего понять, что происходило после избрания Уруса ханом и до конца 60-х гг. XIV в. Здесь можно исходить только из логики политических процессов, протекавших в регионе и некоторых, весьма косвенных свидетельств. Принимая версию о пребывании Урус-хана на территории Жетысу, необходимо также признать необходимость вступления его в определенные договорные отношения с верховным правителем данных земель Тоглук-Тимур-ханом, считающегося согласно сложившейся традиции основателем Могулистана³. Это был могущественный правитель объявивший ислам государственной религией и воссоединивший земли Улуса Чагатая.

Сохранились только обрывочные сведения об этих взаимоотношениях. Так, Утемиш-хаджи пересказывает из другого источника сведения об имевшем место посольстве Урус-хана к правителям Улуса Чагатая, возглавляемом Дервишек-мирзой [Утемиш-хаджи 2017: 53].

Поскольку Урус-хан был пришельцем, вряд ли располагавшим серьезными возможностями (иначе он силой воцарился бы в Левом крыле), ясно что в этих отношения он мог вступить только как младший партнер. Скорее всего, по аналогии с Кереем и Жанибеком, Урус получил право со своими людьми кочевать в Жетысу в обмен на обязательное участие в военных кампаниях Тоглук-Тимура озабоченного в это время

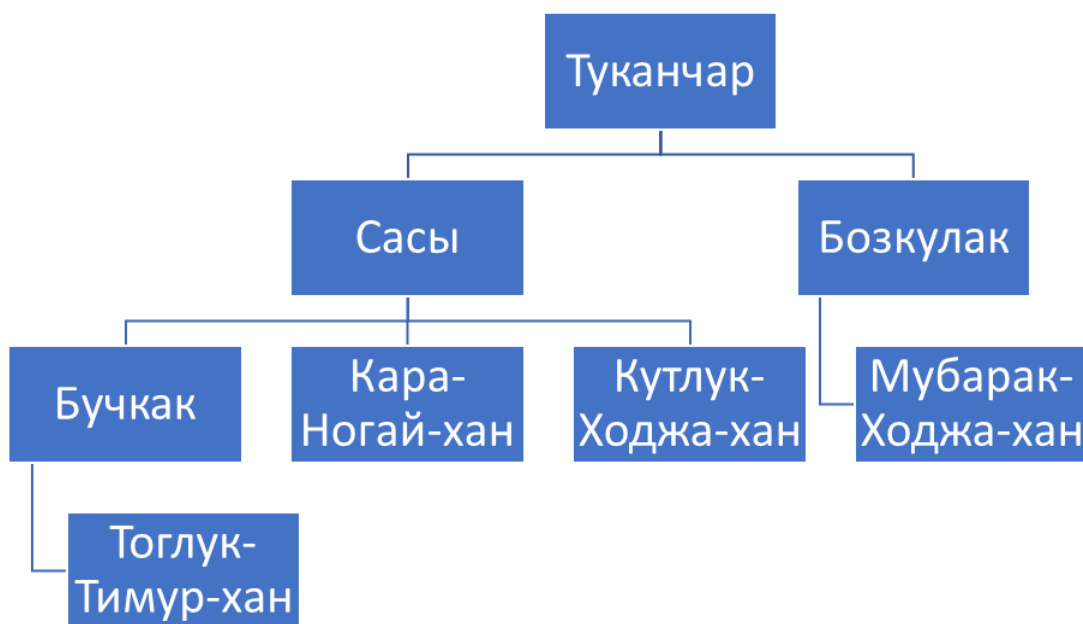
³ Сам Тоглук-Тимур, несомненно, считал себя очередным и легитимным ханом Улуса Чагатая.

присоединением Мавераннахра. После вступления на трон Ильяс-Ходжа эти отношения не претерпели особенных изменений.

Однако в 1365/1366 годах Ильяс-Ходжа был убит эмиром племени дулат Камар ад-Дином. Это был местный вариант общей тенденции охватившей бывшие улусы Монгольской империи. Главы отдельных могущественных племен осознав свою силу стали теснить чингизидов не имевших поддержки многочисленных кровных родственников. На западе Улуса Джучи таким правителем стал кият Мамай, на востоке такую же попытку предпринял его родственник, уже упомянутый Тенгиз-Бука, в Мавераннахре набирал силу великий эмир Тимур.

Только в отличие от них Камар ад-Дин, даже не пытался хотя бы символически камуфлировать свою власть, управляя от имени подставных ханов: «Среди моголов ходит и такая [молва], что в один день он будто бы убил восемнадцать ханов, присвоил себе титул «хан», и дела Моголистана расстроились» [Мирза Мухаммад Хайдар 1996: 61]. Если в действительности было уничтожено столько ханов, счет простых огланов, вероятно шел на десятки. Это было просто истребление с корнем всех представителей правящей династии. Ясно, что чингизид Урус-хан, пусть даже не являющийся потомком Чагатая в таких обстоятельствах также не мог чувствовать себя в безопасности.

По всей видимости это был решающий фактор, способствовавший возвращению Урус-хана в родные места, в степи Восточного Дешт-и Кипчака. Но и здесь ему точно не были рады. В Сыгнаке после смерти Кара-Нога в 1364 г. ханом был избран его племянник Тоглук-Тимур. В 1367 г. новым правителем становится двоюродный брат Кара-Нога – Мубарак-ходжа, от которого в течение короткого времени власть переходит к родному брату Кара-Нога Кутлук-Ходже занимавшему престол совсем недолгое время.

На престоле Сыгнака

Источники не говорят о том каким образом на смену представителям семейства Туканчара пришел Урус-хан. Но судя по очень коротким периодам правления этих ханов, вряд ли кому-то из них довелось умереть ненасильственной смертью. Вероятнее всего, что связано это было, в первую очередь, как раз с деятельностью Урус-хана начавшего борьбу за престол в Сыгнаке. Одолев, в конечном счете, всех соперников в 1368 г. он был избран ханом Левого крыла, в знак чего были отчеканены монеты с его именем.

В отличие от предшественников власть Урус-хана не ограничивалась небольшой, прилегающей к Сыгнаку, территорией. Очень быстро почти вся восточная кипчакская степь, то есть большая часть современного Казахстана, признала нового правителя.

«Это был царь очень сварливый, сильный и могущественный» [История Казахстана в персидских... 2006: 258], – описывал Урус-хана Натанзи. В отличие от своих предшественников, новый правитель энергично принялся наводить порядок в своих владениях. В пережившем несколько переворотов Сыгнаке вновь началось масштабное строительство, что имело важное символическое значение. Возможно, именно по инициативе Урус-хана был воздвигнут величественный мавзолей Кок Кесене. Почти 60 лет спустя, внук Урус-хана Барак-хан так обосновывал свои права: «Пастбище Сыгнака по закону и обычному праву принадлежит мне, так как дед мой Урус-хан в Сыгнаке воздвиг постройку» [История Казахстана в персидских... 2006: 375-376].

⁴ Составлено согласно таблице приведенной

В источниках, среди племен входивших в Улус Урус-хана упоминаются ширины, барыны, аргыны, кыпчаки, мангыты, конраты. Кадыргали-бек сообщает, что Улус Урус-хана делился на два крыла. Одно крыло составляло племя катаган, состоявшее из двух «санов», другое – алашмын состоявшее из трех «санов» [Сыздыкова 2015: 262]. Интересно, что Утемиш-хаджи также упоминает «двусоставный эль на берегу реки Сыра, оставшийся от Урус-хана» [Утемиш-хаджи 2017: 59].

Всякий, кто осмеливался выступить против воли хана платил за это своей жизнью. За ослушание смертной казни был подвергнут правитель Мангышлака – чингизид Туй-ходжа-оглан [История Казахстана в персидских... 2006: 259]. Другой жертвой ханского гнева стал эмир племени мангыт – Кутлукия [Сыздыкова 2015: 256].

Западная кампания

Фактически создав, на основе Левого крыла Улуса Джучи полноценное и самостоятельное государство Урус-хан вовсе не собирался ограничиваться этим. Как и все остальные представители золотоордынской элиты он находился в плену идеи необходимости возрождения державы. Десятилетняя смута в Сарае, где правление ханов продолжалось, порой всего несколько дней, казалась всем чересчур затянувшимся, но все-таки временным кризисом. Чтобы положить этому конец, нужен просто один герой – спаситель отечества, так полагало большинство знати. Деятельный и харизматичный Урус-хан после достигнутого успеха верил, что ему по плечу исполнить новую задачу и готов был выступить на Волгу. На восточного правителя, безусловно, возлагали надежды также некоторые вожди западных племен и родов, уставшие от бесконечной вражды чингизидов.

Военная кампания требовала серьезной подготовки и больших сил. Вероятно, летом 1374 г. Урус-хан созвал большой курултай аристократии и племенной знати. Главный вопрос, который предстояло обсудить всем был заведомо известен и решение лишь формально требовалось утвердить: «Все согласились и стали побуждать и подстрекать его. Несколько дней он устраивал большие пиры и жаловал каждому дорогие подарки, а (затем) направился в ту сторону» [История Казахстана в персидских... 2006: 258].

Однако воодушевление, вызванное ожиданием быстрой победы, оказалось неоправданным. На западе шла сложная борьба сразу между несколькими силами. Яик с прилегающими землями был в руках шибанидов, в Сарайчике чеканил монету их лидер Айбек-хан, в Хаджи-Тархане власть принадлежала эмиру Хаджи-Черкесу, в Сарае фактическим правителем (от имени марионеточного чингизида) являлся эмир Мамай. Несмотря на относительную слабость всех этих правителей, борьба с одним могущественным противником, в определенном смысле была бы предпочтительнее. В таком случае все могло решить одно генеральное

сражение двух сторон. Борьба против нескольких противников была чревата непредсказуемыми последствиями.

Для Урус-хана, идущего во главе своих войск с востока неизбежно первой целью являлся улус шибанидов и Сарайчик, расположенный на Яике. Вскоре город был взят, а Айбек-хан бежал.

Тем временем, пока Урус-хан овладевал Сарайчиком, эмир Хаджи-Черкес взял верх над Мамаем и захватил Сарай. Проигравший Мамай, временно вышел из борьбы и отступив на запад, укрепился в Крыму. Казалось, что Урус-хану теперь будет легче. Оставался только один противник – эмир Хаджи-Черкес.

Узнав, что основные силы Хаджи-Черкеса сконцентрированы в Сарае, Урус-хан решил ударить по ослабленному Хаджи-Тархану и послал овладеть городом одного из своих полководцев. Но здесь его ожидала неудача. Противник оказался готов к такому развитию событий: «Хаджи (черкес) выслал свои войска против них с одним из эмиров своих, который прибегнул к хитрости, успел отогнать их от Астрахани, потом внезапно напал на них и на эмира, предводительствовавшего ими. Хаджи-черкес был очень озабочен этой войной» [История Казахстана в арабских... 2005: 277].

Однако и сам эмир Хаджи-Черкес, полностью сосредоточив внимание на Урус-хане, допустил ошибку. На Сарай внезапно напал, неведь откуда появившийся и казался, окончательно разгромленный Айбек-хан. Потерпев поражение, Черкес бежал в Хаджи-Тархан. Айбек-хан, может быть, раненный в бою за Сарай, вскоре скончался и новым ханом был провозглашен его сын Каган-бек (Канбай).

Новый глава дома, если доверять Утемиш-хаджи заметно уступал в талантах отцу, и именно из-за Каган-бека к шибанидам в целом приклеилась кличка «Кери кенес» (Поступающие наперекор советам). Тот факт, что это не легенда, сложившаяся позднее, показывает то обстоятельство, что в сочинении Ибн Халдуна Каган-бек-хан фигурирует под именем Кери-хана [История Казахстана в арабских...2005: 277].

Урус-хан, без особых затруднений выбил из Сарая Каган-бека. Главная задача всей кампании была решена. Теперь сидя в столице, можно было заняться собиранием оставшихся земель.

Из крупных противников оставался только Мамай. Но и он не располагал серьезными силами, опираясь в основном только на народы Северного Кавказа. С 1374 г. ему перестал выплачивать дань бывший вассал и союзник московский князь Дмитрий Иванович, и Мамай ничего не сумел с этим поделать.

Мятеж

Решительный и суровый Урус-хан имел множество недоброжелателей и врагов в лице родичей казнённых за ослушание огланов и эмиров.

Многомесячное отсутствие правителя в Сыгнаке, тяжелая война на западе, сопровождавшаяся чувствительными потерями, неожиданная осечка в столкновении с войском эмира Хаджи-Черкеса, наличие еще многих противников – все это способствовало быстрой перемене настроений в степном обществе. Те же самые люди, которые яро поддерживали поход на Сарай на курултае, созванном Урус-ханом, спустя всего год могли всю поносить правителя за принятое решение.

Для реконструкции последующих событий представляется возможным использовать степные предания запечатленные в сочинениях Утемиш-хаджи и Кырыми. В них полностью спутана хронология, но различные подробности включающие имена второстепенных персонажей, названия географических местностей, говорят о том, что основаны они были действительно на реальных событиях.

Представление об ослаблении власти побудило выступить против Урус-хана молодого оглана Тохтамыша. Он был сыном казненного за слушание Той-ходжи и потому считал правителя своим кровником. Как пишет Натанзи: «...Тохтамыш один-два раза убежал из орды и снова отправлялся туда. Так как он еще не достиг совершеннолетия, то ему прощали» [История Казахстана в персидских 2006: 258].

Собрав небольшое количество сторонников Тохтамыш ушел в казаки [Утемиш-хаджи 2017: 55], то есть стал жить вольной жизнью, совершая набеги на улусы Урус-хана и отгоняя табуны коней. Так он подрывал главную основу военной силы кочевого государства. Без коней никакие военные кампании были невозможны.

Появившийся за спиной враг, досконально знающий степь и специфику местного скотоводства (пути, пастбища, водопой), был крайне опасен. Тем более, что это были не набеги безродных разбойников которых в степи всегда была много. Молодой чингизид бросал открытый вызов, как претендент на трон. Урус-хан был вынужден сам заняться мятежником, взяв паузу на западе.

Весной 1375 г. Тохтамыш вступив в переговоры с предводителями некоторых родов, склонил их на свою сторону убедив бежать вместе с ним на запад за Яик. Объединение сил предполагалось на р. Килган [Абдулгаффар Кырыми 2018: 62]. С большой долей уверенности ее можно отождествить с рекой Кыыл, притоком Уила.

Данная информация имеет очень важный характер для понимания происходивших процессов. По сути, улус Урус-хана в середине 70-х гг. XIV в. передвигался по тому же маршруту, по которому позже кочевала основная часть казахского Младшего жуза. Ранее это были земли шибанидов, о чем упоминается в различных источниках.

Сами же шибаниды под началом Каган-бек-хана теперь в летнее время кочевали на Кукадай Йасбуга (Керкедей Йесбуга) где были, «добрые,

богатые травой и водой места» [Утемиш-хаджи 2017: 57]. Возможно, эта местность располагалась на территории современного Татарстана, вдоль реки Буга, берущей начало из крупнейшего водно-болотного угодья Кулягаш. По крайней мере, отсюда шибаниды могли оперативно реагировать на ситуацию и вмешиваться в борьбу за власть в Поволжье и на Яике.

Именно к шибанидам подался разгромленный Урус-ханом Тохтамыш. Явившись ко двору Каган-бек-хана, он смиренно просил убежища, обязуясь взамен верно нести службу. Глава шибанидов принял беглеца из стана своего врага, поскольку это был источник нужной информации, но особенного почета оказывать не стал. По распоряжению хана Тохтамышу отвели наихудшие места в низовьях реки. Попытка убедить Каган-бека перейти к активным действиям, развязав войну против Мамаея также не увенчалась успехом.

После этого разочарованный Тохтамыш попытался найти общий язык со вторым человеком среди шибанидов – воинственным Араб-шахом, улус которого располагался на Волге. Но и тут его ожидала неудача. Араб-шах заявил, что у него связаны руки, поскольку ключевые решения принимает Каган-бек как старший правитель. Смягчив свой отказ, он подарил Тохтамышу 60 коней, что было большим подспорьем для изгнанника.

Затем по всей видимости, Тохтамыш предпринял попытку связаться с Мамаем и получил следующий ответ: «Пока жив Урус хан, быть ханом – бунт со стороны Токтамыша. Я его не признаю, но я против вражды между нами, он наш шехзаде. Пусть ходит по пути нойанов в Поволжье, у них с Урус ханом улучшаться отношения, а когда придет время, по воле Аллаха станет ханом» [Абдулгафар Кырыми 2018: 64].

Под натиском эмира Тимура

После провала переговоров с Каган-беком, Араб-шахом и Мамаем Тохтамышу стало окончательно ясно, что искать на западе союзников, практически, бесполезно. Тогда появился вариант, податься к правителю Мавераннахра – эмиру Тимуру, быстро строившему новую империю и воспринимавшему Урус-хана, в качестве потенциального противника. В войске и при дворе Тимура было довольно много степняков из Дешт-и Кыпчака, которых местное население именовало узбеками. Все эти эмигранты, естественно, были недоброжелателями Урус-хана.

Впрочем, поток перебежчиков тёк и в обратном направлении. Ранней весной 1376 г. после неудавшегося мятежа против эмира Тимура к Урус-хану бежали предводители кыпчаков и жалаириков – Сары-Буга и Адиль-шах. Урус-хан принял их у себя, но это была ошибка. После того как хан откочевал на летние пастбища, новые подданные убили ханского наместника Учи-бия и бежали в Жетысу к Камар ад-Дину.

Это обстоятельство подтверждает изложенное выше мнение, что Урус-хан и Камар ад-дин находились во враждебных отношениях. Сары-Буга и Адиль-шах знали, что, наверняка, найдут прибежище в Могулистане и не будут выданы ни эмиру Тимуру, ни Урус-хану.

Тем не менее, этот эпизод, по всей вероятности стал катализатором последующего обострения отношений между Сыгнаком и Самаркандом. Эмир Тимур, решив, что столкновение между сторонами неизбежно, решил нанести удар первым. Появление Тохтамыша пришлось как нельзя кстати. Объявление открытой войны могло объединить против агрессора весь Дешт-и Кыпчак, оказывая же всемерную поддержку, но оставаясь за кулисами политической сцены Тимур мог расколоть степняков изнутри.

Весной 1376 г. Тохтамыш объявился в Самарканде и нашел поистине царский прием: «Когда Токтамыш прибыл к высочайшему двору, Тимур приложил неопишуемые старания в оказании ему почета вроде того, что на первом же приеме он пожаловал (ему) сразу (множество) царских палаток и украшений вместе с верховыми животными и одеждами. Он назначил ему юрт выше собственной палатки. После того как он (Тимур) закончил его (Токтамыш) общие и частные дела, он (Тимур) отдал приказ, чтобы украсили его (Токтамыш) именем грамоту на управление Туркестаном» [История Казахстана в персидских...2006: 265].

Никаких прав даровать вилайет Туркестан у эмира Тимура, конечно, не было. Туркестанские города всегда были вотчиной джучидов. В состоявшихся беседах Тохтамыш, вероятно, пустил в ход все красноречие, рассказывая, как степные племена мгновенно перейдут на его сторону, стоит ему лишь появиться в родных местах в сопровождении небольшого отряда. Это было именно то, что Тимур хотел услышать и он решил поддержать доселе неведомого скитальца. Помимо трезвого расчета, наверняка, имело место и обычная человеческая симпатия. Прошедший тяжелый и кровавый путь к власти Тимур мог воспринимать отчаянного Тохтамыша как свое *Alter ego*.

Не откладывая дело в долгий ящик, тем же летом Тохтамыш во главе войска, на подаренном Тимуром скакуне вторгся в Туркестан. Но триумфального шествия не вышло. Противник оказался готов к войне. Навстречу Тохтамышу во главе войска выступил сын Урус-хана Кутлук-Бука.

В жестоком сражении, состоявшемся под стенами Саурана погиб Кутлук-Бука, но воинство Тохтамыша потерпело сокрушительное поражение: «Оба войска совсем смешались, так что Токтамыш от страха перед этим страшным судом (бежал и) не останавливался до самого Самарканда. Неприятельское войско также вернулось с потерей и убытком из гибели Кутлук-Бука-оглана» [История Казахстана в персидских... 2006: 266].

Таким образом, первая попытка эмира Тимура свергнуть Урус-хана закончилась неудачей. Но поражение его лишь раззадорило, и он вновь с большим почетом принял бежавшего с поля боя Тохтамыш, снабдив его новым войском, практически сразу вновь отправил обратно.

Это решение Тимура кажется совсем нелогичным. Потеря отряда, пусть даже численностью всего в несколько тысяч бойцов, должна была, по крайней мере, заставить призадуматься правителя Мавераннахра. Очевидно, что гибель Кутлук-Буки и, возможно, приукрашенные сведения о больших потерях противника дали основание Тимуру полагать, что надо не теряя темпа нанести новый удар противнику.

Урус-хан оказался готов к следующему раунду противостояния. На берегу реки Чирчик (Натанзи) или вновь под Саураном (Йазди) отряд Тохтамыша был встречен значительно превосходящим в численности войском второго сына Урус-хана – Токтакии: «Когда боевые ряды были выстроены и храбрецы (бахадур) с железными сердцами оделись в сталь, масса войска Токтамыша по сравнению с неприятельским войском оказалась менее чем четвертью» [История Казахстана в персидских... 2006: 266], «Когда он дошел до Сабрана, против него пришел старший сын Урус-хана, Токта Кия, с несколькими царевичами из рода Джучи-хана, Али-беком и другими беками во главе огромного войска, которые как саранча и черви, покрыли тамошние горы и пустыни» [Шараф ад-Дин Али Йазди 2008: 85].

В итоге Тохтамыш потерпел новое поражение. Дважды раненный в бою, он снова сумел спастись, вплавь перебравшись через реку. Знаменитый Казанчи-бахадур стрелял из лука в уплывающего Тохтамыша и еще раз ранил его так, что стрела «прошла насквозь через четыре его сустава». Тем не менее Тохтамыш сумел добраться до противоположного берега и, истекая кровью, еще три дня прятался в зарослях камыша, каждый раз ныряя с головой в воду при приближении разыскивавших его вдоль берега воинов Урус-хана. Только после прекращения поисков Тохтамыш осмелился вылезти на берег, где потерял сознание. В таком состоянии спустя некоторое время он был найден воинами Тимура. Попав в руки лекарей, Тохтамыш, быстро пошел на поправку.

Судя по тому, что в обоих сражениях сам Урус-хан не принимал участия, он в это время находился в Поволжье. Об этом говорит и его отсутствие во время инцидента с Сары-Бугой и Адиль-шахом. Однако стремительное развитие событий, вынудило его к осени 1776 г. вернуться на Сырдарью.

С неприятным удивлением узнав о том, что Тохтамыш все-таки выжил, Урус-хан передал послание к Тимуру: «Дело таково. Токтамыш убил моего сына и бежал к тебе. Направь его ко мне. И если не выдашь, то назови место сражения и готовься к битве». На что Тимур ответил: «Тот пришел к нам,

прося защиты. Я его никому не отдам. А если хотите войны, то мы готовы!» [Шараф ад-Дин Али Йазди 2008: 85].

Таким образом карты были раскрыты. Не сумев добиться своей цели руками Тохтамыша, Тимур выступил в поход сам: «От крайней энергии Тимур вскипел, дал грозный вызов, чтобы от края Кандахара до границы Хотана все войска, конные и пешие, собрались к определенному сроку (болджар), и направились дать отпор врагу [История Казахстана в персидских... 2006: 267].

В начале 1377 г. войска эмира Тимура были стянуты к Отрару, в свою очередь силы Урус-хана были сосредоточены у стен столицы Восточного Дешт-и Кыпчака – Сыгнака.

Однако генеральное сражение между сторонами не состоялось, причиной чего по сообщению тимуридских источников стала аномально суровая зима: «В то время пошло столь много дождя и снега, что описать невозможно. Настали такие холода, что руку нельзя было вынуть. Три месяца были такие холода с выпадением снега. Оба войска стояли на своих местах» [Шараф ад-Дин Али Йазди 2008: 86]; «В продолжение 4 месяцев подряд этот потоп усиливался и дождь прибавлялся, так что расстояние между двумя войсками, которое составляло приблизительно 7 фарсахов, стало больше, чем год пути. Никто не имел возможности тронуть другого» [История Казахстана в персидских... 2006: 267].

В результате после небольших стычек разведывательных отрядов эмир Тимур, потерявший за зиму 10-15 тыс. коней отступил в Самарканд. Значительная часть войска возвращалась назад пешим ходом [История Казахстана в персидских... 2006: 269]. Годы спустя сам Тимур вспоминал о тяготах этой кампании: «Мы действовали среди зимы, и в этом походе погибло множество лошадей, верблюдов и ценных предметов» [Материалы по истории войн Золотой Орды... 2007: 19].

Бесславное отступление вражеской армии стало поводом для роспуска войска Урус-хана. Степные племена сгруппировавшиеся в ожидании войны, стали вновь рассредоточиваться на большом пространстве, чтобы обеспечить эффективный выпас скота: «Токмакские смутьяны (булгаулган-и токмак), после установления того, что войско (Тимура) удалилось, спокойно пришли обратно, и улус (их) беззаботно расположился по краям и сторонам степи» [История Казахстана в персидских... 2006: 269].

Однако Тимур не собирался завершать кампанию на столь плачевной ноте. Тем более, что репутационный урон был гораздо хуже любых материальных потерь. Его собственные подданные, решив, что вождь, наконец, промахнулся, могли поднять мятеж.

Вернувшись, Тимур экстренно реквизирует табуны своих жен и эмиров и всего через неделю, весной 1377 г. взяв проводником Тохтамыша, выступил в новый поход на север, где в местности Джейран Камыш на

исходе ночи напал на орду Урус-хана и разгромил ее: «Вражеский народ сидел без дела; войска государя напали на них и взяли бесчисленное количество баранов, лошадей и верблюдов» [Шараф ад-Дин Али Йазди 2008: 86].

Очевидно, что второй поход был банальным набегом на место зимовья степных племен. Взятая добыча в виде табунов и отар, вероятно позволила возместить потери, но ни о какой победе говорить не приходилось. Но удача все же улыбнулась эмиру Тимуру.

Смерть Урус-хана

Суровая зима, вероятно оказала свое влияние на здоровье Урус-хана. Натанзи упоминает, что еще во время стояния войск между Оттаром и Сыгнаком, «Урус-хан из-за сильного холода ушел обратно и заместителем своим оставил Кара-Кисек-оглана» [История Казахстана в персидских 2006: 268]. Побудить оставить войско в столь сложный момент главнокомандующего могли только исключительные обстоятельства и видимо это было связано с серьезным физическим недомоганием.

Среди потомков Тохтамыша впоследствии было распространено предание, что Урус-хан был ранен в ночном бою стрелой, выпущенной сыном Тохтамыша – подростком Джелал ад-Дином [Утемиш-хаджи 2017: 57]. Конечно, здесь весьма высока вероятность сознательного вымысла связанного с желанием возвысить своих предков и унижить потомков Урус-хана. Тем не менее, сам факт вероятного случайного ранения хана шальной стрелой исключать нельзя.

Умирающего или уже умершего от болезни или ранения хана экстренно вывезли из лагеря. Чтобы не создавать панические настроения в войске, были распространены сведения, что Урус-хан просто отлучился из лагеря в связи с какой-то надобностью. Крайне важной в этом плане является информация что «приближенные хана скрывали его смерть» [Кырыми 2018: 64].

Кадыргали-бек называет местом упокоения Урус-хана некий Каштим [Сыздыкова 2015: 251]. Возможно, это та же самая местность, которая тимуридских источниках именуется Джейран Камыш или просто «Камыш» [История Казахстана в персидских... 2006: 269]. Исходя из названия вполне допустимым представляется отождествление данной местности с озером Камыстыбас в Кызылординской области.

Эмир Тимур узнал о смерти Урус-хана только после нападения на Джейран Камыш, по всей видимости от пленников. По версии Натанзи эта новость стала даже поводом для прекращения кампании: «Случайно (Урус-хан) в это время умер, и сына его Токтакийу посадили на ханский престол. Тимур, чтобы они не отнесли (поражение) за счет скверной случайности,

ушел обратно и оставил Токтамыша в Сауране» [История Казахстана в персидских... 2006: 269].

Смерть харизматичного лидера стала для его государства страшнее вторжения любого внешнего врага. Способный Токтакия, еще раз разбить в сражении Тохтамыша, умер всего через три месяца после вступления на престол.

Новым ханом стал следующий сын Урус-хана – Темир-Малик, отличавшийся непреодолимой привязанностью к вину и быстро разваливший построенное отцом государство. Разочарованная правителем знать Левого крыла перешла на сторону Тохтамыша, благодаря чему неутомимый претендент на трон, наконец сумел добиться своей цели.

Наследие

Несмотря на триумф Тохтамыша, политическая традиция основанная Урус-ханом не канула в лету. Его богатая событиями жизнь, его подвиги быстро стали основой для степных преданий. Неизвестный тюркский летописец посвятил Урус-хану особый труд, возможно еще ждущий своего открывателя. Это был один из основных источников для Натанзи, оставившего в своем сочинении непереверденными некоторые отрывки на тюркском языке.

Окончательная победа в Восточном Дешт-и Кыпчаке одержанная его правнуками – Керем и Жанибеком во второй половине XV в., во многом была также связана с именем Урус-хана. Степное население оказало им решающую поддержку, поскольку воспринимало их как наиболее легитимных правителей.

Сейчас Керей и Жанибек считаются основателями Казахского ханства, но сами себя они считали лишь очередными ханами Улуса Урус-хана. Такого же мнения придерживались и правители соседних степных государств. К примеру, правители Ногайской Орды в XVI в. именовали Казахское ханство «Урусов царев юрт» [История Казахстана в русских...2005: 82].

Среди самих казахов память об Урус-хане, как о первом правителе сохранялась до XIX в.: «Многие киргизцы происхождения свое выводят от Оруса, бывшего начальником у нагайского хана Улянти, который жил вскоре Тамерлановых опустошений в окрестностях рек Ори и Урала. Они говорят, что по смерти его владетеля «Орус отложась от подданства его наследником наименовался ханом и удалился с большою толпою преданных ему воинов к полудню, в сии самые степи; а потом, сделавшись независимым, силою оружия приклонял к себе множество народа из древних здешних обитателей, могольского и тюркского поколения, живших тогда малыми партиями и в несогласии друг с другом. По смерти его, начальство над подвластными ему кочевьями досталось трем сынам. Раздел сей положил начало нынешним киргизским ордам, которые проименованы соответствуя старшинству

братьев. Впоследствии времени, дети сих главных повелителей, сделались основателями первенствующих родов, а от потомства оных произошли в родах отделения, кои вначале составляли ничто иное, как семейства» [История Казахстана в русских...2007: 193-194].

Как видно Урус-хану приписывается разделение казахов на три жуза, что в других преданиях обычно связывается с именем мифического Алаша-хана. Ж.М. Сабитов обратил внимание и на другие схожести двух героев, к примеру, гибель их сыновей от рук эмира Тимура и выдвинул версию, что сохранившийся до наших дней мавзолей Алаша-хана, является местом погребения Урус-хана [Сабитов 2008: 128-138].

В советское время история Казахского ханства сознательно отделялась и отдалялась от истории демонизируемой Золотой Орды, наследниками которой признавались Казанское, Астраханское, Крымское ханства, то есть государства, фактически бесследно сошедшие со страниц истории. Все казахские историки и писатели (А. Маргулан, М. Тынышпаев, С. Сейфуллин и др.) активно исследовавшие историю Золотой Орды в первой половине XX в. подверглись гонениям и репрессиям, после чего данная тема в Казахстане практически перестала изучаться.

Согласно советской концепции национальной истории Казахское ханство, возникало словно ниоткуда, образовывалось по случайному стечению обстоятельств. Таким образом, казахскому этносу, можно сказать, была создана незапятнанная историческими прегрешениями «биография». Все шишки в виде негативных стереотипов доставались татарам.

С другой стороны, в историческом сознании казахов было, в значительной мере, утрачено чувство причастности к одной из могущественных держав средневековой истории, с развитой экономической системой и богатейшей культурой. Нация лишилась важной части своего символического капитала.

В действительности история Золотой Орды и Казахского ханства неразрывна, поскольку Казахское ханство это Левое крыло Улуса Джучи, превратившееся в отдельное государство. Именно верность золотоордынским традициям, в частности, сохранение власти джучидов во многом обеспечили длительную историю степного государства, в рамках которого произошло формирование современного казахского этноса. Несомненно, одну из главных ролей в этой многовековой эпопее сыграл Урус-хан.

Список использованной литературы:

1. История Казахстана в арабских источниках. Том I. Извлечения из арабских сочинений, собранные В.Г. Тизенгаузенем. Алматы: Дайк-Пресс, 2005.

2. История Казахстана в персидских источниках. Том IV. Сборник материалов, относящихся к истории Золотой Орды. Извлечения из персидских сочинений, собранные В.Г. Тизенгаузеном и обработанные А.А. Ромаскевичем и С.Л. Волиным. Алматы: Дайк-Пресс, 2006.
3. История Казахстана в русских источниках. Том I. Посольские материалы Русского государства (XV-XVII вв.). Алматы: Дайк-Пресс, 2005.
4. Материалы по истории войн Золотой Орды с империей Тимура. Казань: Институт истории АН РТ, 2007.
5. Мирза Мухаммад Хайдар. Тарих-и Рашиди. Ташкент: Фан, 1996.
6. Мустакимов И.М. Об одном списке «Дафтар-и Чингиз-наме» // Средневековые тюрко-татарские государства, Вып. 1. Казань, 2009.
7. Рева Р.Ю., Беляев В.А. Две серебряные золотоордынские пайцзы с уйгуро-монгольскими надписями // Золотоордынская цивилизация. Вып. 10. Казань, 2017.
8. Сабитов Ж.М. Генеалогия «Торе». Астана, 2008. // Сборник материалов международной научно-практической конференции «Республика Казахстан и Евразийское пространство: современность и перспективы развития», посвященной 25-летию Независимости Республики Казахстан. Астана, 2016.
9. Сабитов Ж.М. Джамии ат-Таварих Кадыргали Жалаири как источник о жизни Урус-хана.
10. Сызыкова Р.Г. Язык «Жамии ат-таварих» Жалаири. Астана: Ғылым, 2015.
11. Ускенбай К. З. Восточный Дашт-и Кыпчак в XIII – начале XV века. Проблемы этнополитической истории Улуса Джучи.
12. Шараф ад-Дин Йазди. Зафар-наме. Книга побед амира Темура. Ташкент: Sanat, 2008. Казань: ФЭН, 2013.

Information about the author:

Radik Temirgaliyev, Historian, chief expert of the IWEP at the Foundation of the First President of the Republic of Kazakhstan, Nur-Sultan

URUS KHAN AND ITS ROLE IN THE HISTORY OF KAZAKHSTAN
THE COLLAPSE OF THE EMPIRE AND THE LEFT WING OF THE ULUS OF
JUCHI

Annotation. This article describes the main stages of the activity of Muhammad-Urus Khan, as well as the role and place of this political figure in the history of the Kazakh statehood. During his reign, the Ak Horde reached its greatest power. The political and military activities of Urus Khan received relatively satisfactory coverage in medieval sources.

Keywords: Jochi Ulus, Genghis Khan, Golden Horde, Orus Khan, Tokhtamysh.

Автор туралы мәлімет:

Радик Темиргалиев, Тарихшы, ҚР Тұңғыш Президенті Қоры жанындағы ӘӘСИ бас сарапшысы, Нұр-Сұлтан қ.

**ОРЫС ХАН ЖӘНЕ ОНЫҢ ҚАЗАҚСТАН ТАРИХЫНДАҒЫ РӨЛІ
ИМПЕРИЯНЫҢ КҮЙРЕУІ ЖӘНЕ ЖОШЫ ҰЛЫСЫНЫҢ СОЛ ҚАНАТЫ**

Аннотация. осы мақалада Мұхаммед-Урус-хан қызметінің негізгі кезеңдері, сондай-ақ осы саяси қайраткердің қазақ мемлекеттілігі тарихындағы рөлі мен орны сипатталған. Оның билігі кезінде Ақ Орда ең үлкен күшке жетті. Орыс ханның саяси және әскери қызметі ортағасырлық дереккөздерде салыстырмалы түрде қанағаттанарлық болды.

Кілтті сөздер: Жошы ұлысы, Шыңғысхан, Алтын Орда, Орыс хан, Тоқтамыс

СЕМИПАЛАТИНСКИЙ ОБЛАСТНОЙ СТАТИСТИЧЕСКИЙ КОМИТЕТ (1877-1917) И ЕГО ВКЛАД В НАКОПЛЕНИЕ И В ПРОПАГАНДУ ЗНАНИЙ, ПОСВЯЩЕННЫХ КАЗАХСТАНУ

К.С. Калиева

к.и.н. РФ и РК, доцент кафедры истории Казахстана и социально-политических дисциплин, Восточно-Казахстанский технический университет имени Д.Серикбаева, Усть-Каменогорск, Казахстан.

kskalieva@mail.ru

Аннотация. Представители Семипалатинского областного статистического комитета внесли свой позитивный вклад в социальное развитие региона, в изучение его природных, исторических, этнографических и других особенностей, в пропаганду накопленных знаний о востоке Казахстана, а через него - в популяризацию информации из диверсифицированной системы знаний, посвященной всему Казахстану.

Ключевые слова: Восточный Казахстан, статистический комитет, политические ссыльные, экспедиции, исследование региона, краеведческие.

Вопрос об открытии статистического комитета в Семипалатинске впервые «прозвучал» в 1861 году, когда Министерство Внутренних Дел «разослало губернаторам запрос о возможности распространения положения о комитетах в степных областях». В нем указывалось, что общее положение может быть подвергнуто некоторым изменениям «сообразно с местными обстоятельствами»... (Семипалатинское) Областное правление, изучив циркуляр, ответило, что сбор точных сведений по области необходим, что правила оно находит «удобоприменимыми».... Было решено ходатайствовать об открытии статистического комитета с содержанием в 2 тыс. руб. из земских сборов Томской губернии.... Однако, администрация «фактически еще не была готова к учреждению комитета, в области... не предвиделось большого числа действительных членов, могущих быть полезными... своими трудами и не нуждающихся в вознаграждении.... Этот факт – одна из причин того, что учреждение комитета (в Семипалатинске) было отнесено на 17 лет [16, 345]. Повлияло и переустройство области.... Но главной причиной стало отсутствие средств, необходимых для организации статистики в Казахстане. Томское земство отказало в них. В ответ на ходатайство управления Западной Сибири открыть комитеты на средства от ясачного сбора МВД ответило отказом.... Рассчитывать на доходы от типографии и пожертвования от частных лиц тоже не приходилось.... Но время диктовало свои требования, и необходимость комитетов в Казахстане ощущалась все острее». В 1874 году «вновь поднимается вопрос об их устройстве в Акмолинске и Семипалатинске, тем более что войсковое правление прекратило финансирование всех статистических работ.... И хотя МВД ответило, что «никаких препятствий к открытию означенных комитетов нет»,

все же переписка длилась еще около четырех лет» - Акмолинский и Семипалатинский областные статистические комитеты были учреждены 14 декабря 1877 года. Фактическое же их открытие состоялось в 1878 году: Семипалатинского – в июне, Акмолинского – в августе. «На их содержание выделялось по 2 тыс. рублей в год из земских сборов Западной Сибири» [2,25-26].

Исследовательская часть

Деятельность Семипалатинского областного статистического комитета, как и других статкомитетов царской России, распадалась на две части: на обязательную и не обязательную: «исполнение одной требовалось», а другой – «рекомендовалось». Обе разновидности работы Семипалатинского статкомитета уже были предметом самостоятельного анализа. О них обстоятельно говорится в одной специальной статье [3,179-189] и в диссертационном исследовании, посвященном истории и роли в изучении края всех областных статистических комитетов Казахстана [2].

Автор работ, непосредственно обращенных к жизни и деятельности казахстанских статкомитетов (А.М.Кимасов), указал на очень важную в их делах краеведческую деталь: «там... где комитет был единственным «ученым» учреждением, он группировал вокруг себя лучшие силы края, проводил исследовательскую и просветительскую работу, издавал труды» [2,33].

Именно такой была роль Семипалатинского областного статистического комитета – единственного до 1902 года в Казахстане Прииртышье местного центра науки, просвещения.

Анализируя во второй главе «научно-исследовательскую и общественно-просветительскую деятельность комитетов», А.М.Кимасов подчеркнул их особую роль в создании краеведческих музеев и местных «справочных библиотек». Он обратил внимание и на тот факт, что деятельность комитетов зачастую перекликалась с научной работой других объединений, с которыми комитеты имели прочные связи. В диссертации А.М.Кимасова учтены контакты казахстанских статкомитетов с Русским Географическим обществом и его Оренбургским, Западно-Сибирским, Туркестанским отделами [2,52-119].

По архивным сведениям, учтенным в кандидатской диссертации автора настоящего пособия, Семипалатинский статкомитет высылал свои труды в адрес 27-и «ученых учреждений обществ», в их числе – Тобольскому губернскому музею, Уральскому Обществу Любителей Естествознания, Минусинскому музею, Обществу Любителей исследования Алтая, Томскому университету, Туркестанскому Кружку Любителей Археологии, Казанскому университету, Московскому Археологическому Обществу, Приамурскому отделу Русского Географического общества, Читинскому, Восточно-

Сибирскому филиалам РГО, Археологической Комиссии, Вольному Экономическому Обществу, Обществу Археологии, Истории и Этнографии при Казанском университете, Академии наук, Обществу Любителей Естествознания, Антропологии при Московском университете, Томскому технологическому институту. Кроме того, литература Семипалатинского статкомитета поступала еще в целый ряд библиотек: в Петропавловскую общественную, в Зайсанскую, в Усть-Каменогорскую, в Павлодарскую, в Туркестанскую, в Одесскую публичные библиотеки, в Томскую городскую, в Омскую, Харьковскую, Семипалатинскую общественные библиотеки, в «Императорскую публичную библиотеку» и в некоторые другие (областные и городские) библиотеки [15,120-121].

В работах А.М.Кимасова отмечено, что Семипалатинскому статкомитету принадлежит заметная роль в оформлении Семипалатинского подотдела Западно-Сибирского отдела Русского Географического Общества. Данная мысль подкрепляется и содержанием публикаций «Сибирской жизни» (1902-1904 гг.), что процитированы в диссертации автора настоящего пособия. Вот эти строки: «31 марта (1902 года) состоялось открытие Семипалатинского подотдела... секретарем статкомитета Коншиным была прочитана записка о возникновении подотдела... член-учредитель подотдела Ф.К.Зобнин прочел реферат о рабстве в Киргизской степи, представляющий извлечение из его обширной статьи, помещенной в «Памятной книжке Семипалатинской области на 1902 год» (издание статкомитета). В первые два года Семипалатинский подотдел обратил серьезное внимание на образование научной библиотеки. «Основанием такой библиотеки послужили книги и периодические издания, находившиеся при местном статистическом комитете и составлявшие библиотеку этого последнего... собранную в предыдущие годы секретарем комитета Н.Я.Коншиным, с прекрасным систематическим каталогом и указателем статей, собранных тем же Коншиным. Это было ядро новой библиотеки» [15,121].

Научно-просветительская деятельность Семипалатинского статкомитета проявлялась и в его работе по привлечению жителей Прииртышья к участию в организуемых в стране промышленных и других выставок. Так, в архивном деле об участии Семипалатинского статкомитета в сборе экспонатов для Всероссийской выставки, состоявшейся в 1881 году, в Москве, называются люди, приславшие в адрес комитета уникальные памятники местной этнографии: саукеле (прислано для выставки из Усть-Каменогорска), «текемет войлочный белого и черного цвета, расшитый фигурами» (из Каркаралинского уезда), «чий» («от киргиза Аксуйской волости») [15,122].

Представляя издания статистических комитетов Казахстана, А.М.Кимасов обратил внимание на то, что тематика публикаций, помещенных на страницах «обзоров», «памятных книжек», «ведомостей»,

«календарей», очень обширна. При этом, как правило, они имеют четкую областную, уездную, волостную и даже «подворную» территориальную привязку [2,120-171].

В печати Семипалатинского статистического комитета, по данным А.М.Кимасова и самих изданий комитета, публиковались материалы по истории и географии края, по его археологии и этнографии. Очень много предлагалось сведений о физико-географическом состоянии края, о развитии его экономики. Приводились данные и о фольклоре, как казахского, так и русского населения края; обращалось внимание на местные национальные традиции, на «обычай и нравы», на взаимодействие и взаимовлияние культуры двух народов – русского и казахского. Затрагивались многие другие вопросы, как из жизни природы края, так из жизни его населения. При этом, разнообразными были публикации и по форме их издания: статистический материал, публикуемый самостоятельно, или подаваемый с сопроводительным текстом, в самом тексте; хроники, заметки, очерки, обзоры и т.д. и т.п. [2,52-163,172-203; 4;5; 6; 7; 8; 9; 10; 11; 12; 13; 14].

В диссертации А.М.Кимасова даны интересные сведения и о тех людях, благодаря кому довольно успешно, хотя и при определенных трудностях, развивалась «научная и краеведческая» деятельность статкомитетов Казахстана. Среди них много бывших политических ссыльных региона.

«Известным в этом отношении был Семипалатинский комитет... администрация... чувствовала нужду в квалифицированных работниках.... Ничем другим нельзя объяснить тот факт, что в правительственном учреждении, статистическом комитете, работали главным образом политические ссыльные.... Е.П.Михаэлис был его первым секретарем, активное участие в его работе принимали народники А.А.Леонтьев, А.Л.Блек, Г.Ф.Кудрявцев, М.И.Суворцев, П.Д.Лобановский, Н.И.Долгополов, Н.Я. Коншин,... С.С. Гросс, А.В. Бяловеский. Ни в одном другом комитете Казахстана не было такого числа ссыльных. Это во многом определяло и направление его деятельности» [2,42-43].

«Большая заслуга Михаэлиса и других ссыльных, - отмечено в диссертации А.М. Кимасова, - и в том, что они помогли становлению поэтического таланта великого казахского поэта Абая Кунанбаева. Об этом много написано. Приведем только одно признание самого Абая» - «Дуньяга кузымды ашканга олькен сябябкор болган кси Михаэлис».... Открыл глаза мои Михаэлис...» [2,44].

Кстати, другой исследователь (*Ж.К. Касымбаев*) в 1974 году обнаружил один архивный документ, касающийся самого Абая и его дружбы с «политическими», «неблагонадежными» людьми. В 1903 году имя великого мыслителя в Семипалатинске внесли в «Список лиц, занимавшихся антиправительственной агитацией» [1,97-98].

«Секретарем Семипалатинского комитета был еще один ссыльный, - отмечено в диссертации А.М. Кимасова, - *Н.Я. Коншин (1864-1937 гг.)*. В 1884 г. за революционную деятельность он был исключен из Московского университета, в котором учился на медицинском факультете, и выслан из Москвы. В Ярославле он поступает в Демидовский юридический лицей, однако революционной деятельности не прекратил и в 1886 г. был вновь арестован и сослан в Сибирь. В 1890 г. после многократных просьб и ходатайств, Коншина переводят в Семипалатинск, где он и остается до конца жизни.... Человек больших способностей, живого аналитического ума, он занялся изучением края и добился больших успехов. Его работы, помещенные в изданиях комитета, Семипалатинского подотдела ЗСО РГО, в других изданиях, не потеряли своего значения до наших дней. Коншин был корреспондентом многих сибирских газет и журналов, в которых помещал злободневные статьи о состоянии дел в крае. В статистических сборниках Саратовского земства он поместил несколько статей о системах землевладения и землепользования, по истории народного образования.... В Семипалатинске он занимался изучением экономики, истории, этнографии края, собирая сведения о памятниках старины, интересовался культурой, религиозными верованиями и обычаями казахского населения. За свои работы он награжден медалью РГО, о его трудах очень высоко отзывались многие исследователи Казахстана и Средней Азии.... Большую работу проводил Коншин, исполняя обязанности секретаря комитета.... При нем комитет занимался улучшением организации статистики, совершенствованием методов сбора и обработки сведений, проводились исследования многих сторон общественной и экономической жизни края, налажен регулярный выпуск памятных книжек. По инициативе Коншина был поднят вопрос об открытии подотдела ЗСО РГО, правителем дел которого он был долгие годы и за расширение деятельности которого ратовал постоянно, понимая ее намного шире тех задач и функций, которые определялись властями» [2,45-46].

В 80-х годах XIX века, по данным А.М. Кимасова, «политическую ссылку в Семипалатинске отбывали *А.А. Леонтьев* (род. в 1858 г.), *С.С. Гросс* (род. в 1858 г.), *А.Л.Блек* (1861-1925 гг.). Каждый из них имел определенное юридическое образование: С.Гросс до ссылки был кандидатом прав Петербургского университета... *А. Леонтьев* окончил три курса юридического факультета этого же университета... курс того же факультета закончил и *А. Блек*.... *П.Е. Маковецкий*, уездный судья, бывший в то время секретарем комитета, добился для них разрешения на работы при нем и в комитете... привлек их к обработке собранного юридического материала по обычному праву казахов.... Для пополнения материалов Леонтьев выезжал в Чарскую волость, в 1883-1884 гг., в ряде станиц, поселков и волостей побывал Гросс. В 1886 г. для проведения статистических работ он выезжал в

Павлодар.... Заметный след в деятельности комитета, в работе его музея оставил ссыльный М.И. Суворцев, до конца жизни (ум. в 1897 г.) бывший бессменным его заведующим. За энтомологические исследования и богатейшие коллекции он неоднократно награждался различными научными обществами. «В истории Семипалатинского... музея имя М.И. Суворцева слишком заметно, и, нет сомнений, будущий историк... не обойдет молчанием имени первого хранителя музея и создателя его зоологического отдела», - сказано в отчете комитета.... Большое участие в работе комитета принимали и другие ссыльные. Антропологическими исследованиями занимался *Н.И. Долгополов* (род. в 1857 г.), много ездивший по степи, часть экспонатов, привезенных им, до сих пор хранится в музее.... Кандидат прав Г.Ф.Кудрявцев, занимаясь адвокатурой и часто бывая в степи, собрал богатый краеведческий материал.... В 1895 г. в Семипалатинск был сослан известный социал-демократ *П.М. Кашинский* (род. в 1866 г.), сотрудничавший с М.И. Брусневым.... Имея юридическое образование и недюжинные способности, он проводил работу по исследованию экономики, этнографии, юридических обычаев казахского и казачьего населения, исследовал экономику, юридические и религиозные обычаи двух сект из числа переселенцев в Павлодаре. Хороший знаток статистики, он оказывал большую помощь комитету в методике и организации статистических работ.... Сотрудничали в комитете художник *П.Д. Лобановский* (род. в 1855 г.), автор единственного портрета с натуры Абая,... кандидат математики А.В. Бяловеский (род. в 1850 г.), который вместе с Михаэлисом занимался составлением геологической карты Усть-Каменогорского уезда и другие ссыльные [2.46-48].

В добавление к сведениям А.М. Кимасова, относительно жизни и деятельности членов Семипалатинского областного статистического комитета, из числа политических ссыльных, в диссертации автора настоящего пособия о Н.Я. Коншине и Н.И. Долгополове сказано следующее:

- Николай Яковлевич Коншин. Родился в Твери, в семье дворянина. Закончил в родном городе гимназию. Летом 1886 года некоторое время содержался в одиночной камере в городе Ярославле, затем был переведен в Москву, в Бутырскую тюрьму, из нее направлен в административную ссылку, на три года, в Степной край, в пограничный Зайсан. До прибытия в Зайсан, «побывал» в Павлодарском тюремном замке, куда его доставили в качестве наказания за выступление против беззакония и произвола, учиненного полицейскими в Тюмени, в городе, где Н.Я.Коншин оказался по пути следования к месту отбывания срока ссылки. «Еще в Павлодаре и Семипалатинске он много слышал о Зайсане... низенькие домишки... скот, свободно бродящий по улицам.... Больше всего... угнетало отсутствие библиотеки и большая отдаленность от губернского (вернее - областного) центра». В Зайсане Н.Я.Коншин близко сошелся с его политическими

ссылными. Но особенно дружен он был с Николаем Эрнстовичем Ватсоном, членом народовольческой группы А.Ульянова, доставленным, как и Н.Я. Коншин, в Зайсан из Бутырской тюрьмы. В начале 90х годов XIX века Н.Я. Коншину разрешили переезд в Семипалатинск. Отсюда он отбыл в Омск, где в 1893 году стал членом Западно-Сибирского отдела Русского Географического общества. Спустя три года, Н.Я.Коншин возвратился в Семипалатинск и жил он здесь до последних дней своей жизни (скончавшись в 1937 году, в год его 73-хлетия). Свыше 12-ти лет Н.Я. Коншин был секретарем Семипалатинского областного статистического комитета, редактировал его «Памятные книжки Семипалатинской области», составленные на 1897-1902 гг., шестой, последний, выпуск которых состоялся в 1901 году (и где, в том числе, помещена такая работа Н. Коншина: «От Павлодара до Каркаралинска»).... Почти восемь лет он был прекрасным консерватором музея комитета. Впоследствии стал не только членом-учредителем Семипалатинского подотдела Русского Географического общества и правителем его дел, но и заведывал, на общественных началах (без оплаты труда), библиотекой общества, был многие годы единственным ее сотрудником. Н.Я.Коншин известен в Казахстане и как издатель-редактор, автор большинства публикаций «Семипалатинского листка», «Семипалатинской жизни», частных газет периода Русско-Японской войны и Первой революции в России (1904-1907 гг.). При Советской власти, в течение пяти лет, Н.Я. Коншин выполнял функции заведующего Семипалатинского государственного архива (до ухода на пенсию в 1925 году). Тогда же он активно выступал с идеями о роли архивных материалов в краеведческом познании истории Родины [15,127-128];

- *Нифонт Иванович Долгополов*. Один из наиболее близких друзей Абая, член Семипалатинского облстаткомитета. В Прииртышском Казахстане оказался в 1884 году, переведенный в Семипалатинск из Тюкалинска, как участник студенческих волнений в городе Харькове, в сентябре 1879 года (во время похорон студента Сиднеева он «в первой паре нес крышку гроба с надписью большими буквами «от социалистов социалисту»). Когда срок ссылки заканчивался, Н.И. Долгополову разрешили выехать на лето из Семипалатинска в станицу Алтайскую Усть-Каменогорского уезда. Здесь он также, как и в ауле Абая, лечил больные легкие «горным воздухом и питанием кумыса». Возвратившись в 90-х годах XIX века в Европейскую часть России, Н.И. Долгополов вновь включается в революционную деятельность. В 1901 году, в полицейском деле, он был представлен как человек лично знавший писателя Пешкова (М. Горького) и участвовавший с ним, в Нижнем Новгороде, в революционных выступлениях. Из источников также установлено, что Н.И. Долгополов был знаком, имел переписку с врачом (как и он), с писателем не менее известным,

в сравнении с М. Горьким, с А.П. Чеховым. Скончался Н.И. Долгополов в 1922 году, будучи членом Астраханского Совдепа [15,128-129].

Среди печатной продукции Семипалатинского областного статистического комитета, как и среди изданий других статкомитетов досоветского Казахстана, особое значение исследователями (вполне обоснованно) придается «Обзорам» областей за конкретные годы. Согласно данным, помещенным в «Справочниках по истории дореволюционной России», опубликованным в Москве, в 1971 году, под редакцией П.А.Зайончковского, в Семипалатинской области «Обзоров», ей посвященных, вышло «30 выпусков (за 1881-1890 и 1892-1911 гг.)». В диссертации А.М. Кимасова уточнено: «Семипалатинский комитет издал 34 выпуска «Обзоров» (1878-1911 гг.)» [2,126-127].

Исследователем А.М. Кимасовым установлено, что во всех (*шести*) «Памятных книжках Семипалатинской области» (1897-1902 гг.) непременно присутствует и «Адрес-календарь Семипалатинской области» (ее «Ежегодник»). Остальные 13-ть выпусков «Адрес-календаря Семипалатинской области» выходили самостоятельно, в 1903-1909 и в 1912-1915 гг. [2,133-134].

Ценную информацию об экономике края, его истории, археологии, этнографии т.д. Семипалатинский облстаткомитет помещал не только на страницах «Обзоров», «Памятных книжек», «Адрес-календарей», но и в других изданиях, в числе коих в специальной главе диссертации А.М.Кимасова (где рассказывается об издательской деятельности комитета) упомянуты и «Семипалатинские областные ведомости» [2,120-163].

В 1902-1917 гг. в деятельности Семипалатинского областного статистического комитета появляется такая особенность: его не обязательная, не официальная часть почти полностью переводится в русло работы Семипалатинского подотдела Западно-Сибирского отдела Императорского Русского Географического общества. С целью подтверждения сказанного, сошлемся на данные, извлеченные из диссертации А.М.Кимасова о роли статкомитетов досоветского Казахстана:

- из 116-ти публикаций, связанных с деятельностью Семипалатинского статкомитета (и учтенных в «Приложении - 1» в диссертации А.М.Кимасова), только 23-и во времени издания приходятся на 1902-1917 гг. Но и они в большинстве являются текстами «Записок» Семипалатинского подотдела ЗСО РГО [2,172-185];

- в «Приложении - 1» (в диссертации А.М.Кимасова), как и в «Приложении - 2», в качестве авторов перечисленных работ (из появившихся в печати в 1902-1917 гг.), преимущественно фигурируют фамилии тех исследователей, что работали одновременно как представители Семипалатинского статкомитета и Семипалатинского подотдела [2,172-203];

- о переводе не официальной деятельности статкомитета в русло работы подотдела говорит и передача комитетом в ведение подотдела, созданного им в Семипалатинске, местного музея [15,157].

В «Приложении - 1», в диссертации А.М.Кимасова, представлен «Список работ членов комитетов по экономике (скотоводство, земледелие и землевладение, переселенческое дело, промышленность, торговля, транспорт, положение населения)». Ниже предлагается перечень ряда публикаций представителей Семипалатинского статкомитета, по тематике, обозначенной в вышеназванном источнике:

- *Бенькевич В.* Киргизское степное скотоводство и меры к его улучшению// Семипалатинские областные ведомости – 1903 - №№1-9 (и Записки Семипалатинского подотдела.... 1903 – выпуск первый);

- *Бенькевич В.* Краткий исторический очерк Ботовской ярмарки//Семипалатинские областные ведомости – 1898 - №№23-24;

- *Бяловеский А.* Ледниковый период в хребтах Алтая//Записки Семипалатинского подотдела.... – Семипалатинск, 1915 – выпуск десятый;

- *Ваганов Ст.* Из Кокпектинской станицы//Семипалатинские областные ведомости – 1900 - №1;

- *Вяткин Д.М.* Краткий очерк Каркаралинского уезда Семипалатинской области//Семипалатинские областные ведомости. – 1880 - №№32,35,37;

- *Вяткин Д.М.* Заметки о мерах к улучшению быта г.Семипалатинска//Семипалатинские областные ведомости – 1880 - №№44,45,48,52; 1881 - №№4,6,11;

- *Вяткин Д.М.* Несколько слов о санитарно-гигиеническом и врачебном состоянии Семипалатинской области//Семипалатинские областные ведомости – 1881 - №13;

- *Герасимов Б.* К вопросу о пчеловодстве в восточной части Семипалатинской области//Записки Семипалатинского подотдела.... – Семипалатинск, 1917 – выпуск одиннадцатый;

- *Гинтовт В.В.* Семипалатинск, как естественный узел железных дорог//Записки Семипалатинского подотдела.... – Семипалатинск, 1911 – выпуск пятый;

- *Гинтовт В.В.* Горе Бельгагачских старожилов//Сибирские вопросы – 1908 - №№41,42;

- *Гинтовт В.В.* Город Усть-Каменогорск//Семипалатинские областные ведомости – 1896 - №51;

- *Гусаренко П.И.* Итоги прошлого. Вып.1 (Посессионное право). – Семипалатинск, 1907;

- *Гусаренко П.И.* Данные о состоянии в 1899 г. горного дела и золотопромышленности в Семипалатинской области//Семипалатинские областные ведомости – 1900 - №15-16;

-
- *Ентыс А.* Город Зайсан//Семипалатинские областные ведомости – 1896 - №48;
 - *Жапанов К.* Заметки о промысловой охоте в Семипалатинской области//Семипалатинские областные ведомости – 1898 - №2;
 - *Зенков П.М.* Заметки о залегании некоторых минералов в Семипалатинской области//Семипалатинские областные ведомости – 1898 - №16;
 - *Зенков П.М.* Кое о чем из местных промышленных предприятий//Семипалатинские областные ведомости – 1899 - №23;
 - *Зенков П.М.* Заметки о земледелии на Бельгагаче//Семипалатинские областные ведомости – 1898 - №24;
 - *Иманкулов Д.* Бесплезность кочевания//Семипалатинские областные ведомости – 1896 - №47;
 - *Иманкулов Д.* Киргизская степь// Семипалатинские областные ведомости – 1896 - №№33,39;
 - *Катанаев Г.Е.* Хлебопашество в Бельгагачской безводной степи Алтайского горного округа//Записки Западно-Сибирского отдела.... – Омск, 1893 – книга 15 – выпуск 2;
 - *Катанаев Г.Е.* Озеро Нор-Зайсан и рыболовство в нем//Записки Западно-Сибирского отдела.... – Омск, 1886 – книга 8 – выпуск 1;
 - *Кашинский П.* Земледелие и хлебная промышленность Семипалатинской области//Памятная книжка Семипалатинской области на 1898 год. – Семипалатинск, 1898;
 - *Кашинский П.* К вопросу о проведении железной дороги до Семипалатинска// Семипалатинские областные ведомости – 1898 - №49-50; 1899 - №31-32;
 - *Кобеков Т.* Корреспонденция из Тарбагатайских гор//Киргизская степная газета – 1896 - №15;
 - *Коншин Н., Брудневский В.* Предварительное статистическое обследование быта семипалатинских рабочих//Семипалатинский листок – 1906 - №№149-150 – отдельный оттиск;
 - *Коншин Н.* Переселенческие поселки в Усть-Каменогорском уезде//Памятная книжка Семипалатинской области на 1899 год. – Семипалатинск, 1899;
 - *Коншин Н.* Земство и киргизы//Сибирские вопросы – 1907 - №9;
 - *Коншин Н.* Очерк экономического быта киргиз Семипалатинской области// Семипалатинские областные ведомости – 1900 - №№5-11,13-22,26-44 (и Памятная книжка Семипалатинской области на 1901 год. – Семипалатинск, 1901);
 - *Коншин Н.* К вопросу о переходе киргиз Семипалатинской области в оседлое состояние//Памятная книжка Семипалатинской области на 1898 год. – Семипалатинск, 1898;
-

-
- *Коншин Н.* По Усть-Каменогорскому уезду//Памятная книжка Семипалатинской области на 1900 год. – Семипалатинск, 1900 (и Семипалатинские областные ведомости – 1898 - №№35-37,39-48; 1899 - №4);
 - *Коншин Н.* Опасности для переселенцев в Степном крае//Сибирские вопросы – 1907 - №8;
 - *Коцовский В.* Краткий очерк горно-заводского промысла Семипалатинско-Семиреченского округа за 1894-1895 гг.//Вестник золотопромышленности – 1896 - №14-17;
 - *Коцовский В.* Краткий обзор горно-заводской промышленности Семипалатинской области//Памятная книжка Семипалатинской области на 1898 год. – Семипалатинск, 1898;
 - *Маевский В.* О пароходстве в верхней части Иртыша//Семипалатинские областные ведомости – 1898 - №26-27;
 - *Маевский В.* Ботовская ярмарка//Памятная книжка Семипалатинской области на 1897 год. – Семипалатинск, 1897;
 - *Маковецкий П.Е.* «Джатаки» // Протоколы общих собраний Семипалатинского областного статистического комитета. Заседание 7 ноября 1887 года – Семипалатинск, 1887 – с.10-12;
 - *Михаэлис Е.П.* Отыскание месторождений минерального топлива в Зайсанском приставстве//Записки Семипалатинского подотдела.... Семипалатинск, 1914 – выпуск восьмой;
 - *Михаэлис Е.П.* Несколько слов об окрестностях Зайсанского пограничного поста//Семипалатинские областные ведомости – 1871 -№39;
 - *Михаэлис Е.П.* Условия судоходства по Тихому Иртышу и оз. Зайсан// Семипалатинские областные ведомости – 1882 - №23-24 (и Записки Семипалатинского подотдела... 1914 – выпуск восьмой);
 - *Михаэлис Е.П.* К вопросу о пчеловодстве в Усть-Каменогорском уезде//Степной край – 1897 - №120;
 - *Остафьев В.А.* О землевладении и землепользовании у сибирских казаков в связи с вопросом о захвате киргизских земель//Степной край – 1897 - №116-117;
 - *Плотников В.* Окрестности Урыльска//Семипалатинские областные ведомости – 1897 - №27;
 - *Плотников В.* По вопросу о хлебопашестве в киргизских степях//Киргизская степная газета – 1894 - №3;
 - *Сопетов Г.* Податное и хозяйственное устройство киргиз Семипалатинского уезда//Семипалатинские областные ведомости – 1901 - №№16-28;
 - *Сопетов Г.* Обзор торговли Семипалатинского уезда за 1900 год// Семипалатинские областные ведомости – 1901 - №№50-52; 1902 - №№1,3-14;
 - *Толмачев А.* Шульбинский поселок// Семипалатинские областные ведомости – 1896 - №40;
-

- *Хохлов А.С.* Лесные порядки в Зайсане//Сибирская газета – 1888 - №23;

- *Шмурко Е.Ф.* Русские поселения за оз. Марка-Кулем // Семипалатинские областные ведомости – 1897 - №2.

- *Ю.С.* Материалы для статистики Зайсанского приставства// Семипалатинские областные ведомости – 1882 - №№6,12 [2,172-185].

В «Приложении - 2», в диссертации А.М.Кимасова, представлен «Список работ членов комитетов по истории (история образования областей, археология, этнография, юридические обычаи, археологические работы)». В данный перечень, в том числе, включены и ниженазванные публикации, связанные с деятельностью представителей Семипалатинского статкомитета:

- *Абай (Коншин Н.)*. Заметки о происхождении родов средней киргизской орды//Памятная книжка Семипалатинской области на 1900 год. – Семипалатинск, 1900;

- *Бабай-Беркут*. Корреспонденция из Тарбагайских гор//Киргизская степная газета – 1899 - №8;

- *Бабай-Беркут*. Из Нарынской волости Зайсанского уезда//Киргизская степная газета – 1895 - №25;

- *Байсымаков Б.* Корреспонденция из Павлодарского уезда//Киргизская степная газета – 1899 - №45;

- *Блек А.* Библиотека и музей в Семипалатинске//Сибирская газета – 1884 - №24;

- *Велижанин Ф.* Из воспоминаний о поездке по киргизской степи//Семипалатинские областные ведомости – 1898 - №№8-9,11,17;

- *Герн (фон) В.* Киргизские пословицы// Семипалатинские областные ведомости – 1891 - №№10-12; 1901 - №№48-49 (и Памятная книжка Семипалатинской области на 1898 год, 1902 – Семипалатинск, 1898, 1902);

- *Герн (фон) В.* Из записной книжки (этнографические заметки)// Семипалатинские областные ведомости – 1898 - №№10-13;

- *Зобнин Ф.К.* К вопросу о невольниках, рабах и тюленгутах в киргизской степи//Памятная книжка Семипалатинской области на 1902 год. – Семипалатинск, 1902 (и Семипалатинские областные ведомости – 1901 - №№29-31,33-47);

- *Зобнин Ф.К.* Свадебные обряды и обычаи среди казачьего населения Усть-Каменогорского уезда//Семипалатинские областные ведомости – 1899 - №№43-50 (и Памятная книжка Семипалатинской области на 1900 год. – Семипалатинск, 1900);

- *Коншин Н.* Заметки о начальном образовании у татар Семипалатинской области// Семипалатинские областные ведомости – 1898 - №№7-8;

- *Коншин Н.* Письмо Достоевского// Семипалатинские областные ведомости – 1898 - №8;

- *Коншин Н.* Письмо в редакцию об открытии (в Семипалатинске) отдела Русского Географического общества (с реализацией предложения лишь в 1902 году, в форме подотдела)// Семипалатинские областные ведомости – 1898 - №9;
- *Коншин Н.* К истории переписи в Семипалатинской области// Семипалатинские областные ведомости – 1898 - №№22-27;
- *Коншин Н.* Отчет по устройству бесплатной народной библиотеки в Михайло-Архангельском поселке Усть-Каменогорского уезда// Семипалатинские областные ведомости – 1899 - №№47-48;
- *Коншин Н.* Материалы для истории Степного края// Семипалатинские областные ведомости – 1899 - №№10-14,17-18,21-33,37-40,49-50; 1900 - №№45-52; 1901 - №№1-6,12-15,34,36 (и Памятная книжка Семипалатинской области на 1900 год, на 1902 год – Семипалатинск, 1900,1902, а также: Записки Семипалатинского подотдела... Семипалатинск, 1903,1905 – выпуски первый, второй);
- *Кулжабаев А.* Корреспонденция из Семипалатинского уезда//Киргизская степная газета – 1897 - №10;
- *Маевский В.* Материалы к изучению юридических обычаев киргизов// Семипалатинские ведомости (неофициальная часть) – 1906 - №№28-29;
- *Маевский В.* Материалы для родословной киргиз//Памятная книжка Семипалатинской области на 1901 год – Семипалатинск, 1901;
- *Михаэлис Е.П.* Результаты переписи г.Семипалатинска 15 марта 1882 года//Семипалатинские областные ведомости – 1886 - №№36-38,40,42,44;
- *Никитин В.* Исторический очерк Семипалатинской области//Памятная книжка Семипалатинской области на 1897 год – Семипалатинск, 1897;
- *Новоселов А.* Об открытии (в Семипалатинске) общественной библиотеки и музея//Семипалатинские областные ведомости – 1883 -№37;
- *Плотников Ф.* Киргизские пословицы и поговорки//Семипалатинские областные ведомости – 1884 - №38; 1885 - №№9,38; 1886 - №17; 1888 - №14;
- *Р(утковский).* Вопрос об открытии классической гимназии в г.Семипалатинске// Семипалатинские областные ведомости – 1898 - №34;
- *Ставицкий Ю.* Об антропологии и археологии Семипалатинской области// Семипалатинские областные ведомости – 1881 - №50;
- *Ф(едоров) М.* Заметки о киргизах Усть-Каменогорского уезда// Семипалатинские областные ведомости – 1902 - №№36-48; 1903 - №1-9;
- *Эреже чрезвычайного съезда* народных судей Усть-Каменогорского и Семипалатинского уездов. Дела брачные и семейные//Киргизская степная газета – 1898 - №№34-37 [2,186-203].

Выводы

Суммируя все вышесказанное, подчеркнем: учтенные здесь источники свидетельствуют о том, что представители Семипалатинского

облстаткомитета, преодолевая на своем пути различные трудности, не избежав при этом и ошибок, все же сумели внести свою положительную лепту в общественное развитие края, в дело изучения его природных, исторических, этнографических и иных своеобразий, в пропаганду накопленных знаний о востоке Казахстана, а через него - в популяризацию сведений многоотраслевой системы знаний, посвященных всему Казахстану.

Список источников и литературы:

1. Касымбаев Ж.К. История одного документа//Простор – Алма-Ата, 1974 - №1 – с.97-98.
2. Кимасов А.М. Деятельность статистических комитетов Казахстана и их роль в изучении истории края (1877-1917 гг.): Диссертация... кандидата исторических наук. – Усть-Каменогорск, 1978 – 217с.
3. Кимасов А.М. Из истории научной деятельности Семипалатинского статистического комитета (вторая половина XIX – начало XX века)//История. –Алма-Ата, 1973 – Вып.6 –с.179-189.
4. Обзор Семипалатинской области за 1883 год. Приложение к Всеподданнейшему отчету Семипалатинского военного губернатора. – Семипалатинск, 1884 – 34с.+7 «Ведомостей» (в качестве приложений).
5. Обзор Семипалатинской области за 1890 год. – Семипалатинск, б/г – 44с.
6. Обзор Семипалатинской области за 1895 год. – Семипалатинск, 1897 - 92с.
7. Обзор Семипалатинской области за 1896 год. – Семипалатинск, 1898 – 41с.+9 «Ведомостей» (в качестве приложений).
8. Обзор Семипалатинской области за 1897 год. – Семипалатинск, 1898 – 73с.+ «Ведомости» (к главе шестой).
9. Обзор Семипалатинской области за 1898 год. – Семипалатинск, 1899 – 48с.+10 «Ведомостей» (в качестве приложений).
10. Обзор Семипалатинской области за 1899 год. – Семипалатинск, 1900 – 79с.+10 «Ведомостей» (в качестве приложений).
11. Обзор Семипалатинской области за 1900 год. – Семипалатинск, 1901 – 85с.+2 «Ведомости» (в качестве приложений).
12. Обзор Семипалатинской области за 1904 год. – Семипалатинск, 1905 – 110с.+12 «Приложений».
13. Обзор Семипалатинской области за 1906 год. – Семипалатинск, 1907 – 115с.+13 «Ведомостей» (в качестве приложений).
14. Обзор Семипалатинской области за 1908 год. – Семипалатинск, 1909 – 118с.
15. Федорова Р.С. Краеведение Восточного Казахстана (история его развития с древнейших времен до победы Великого Октября):

Диссертация... кандидата исторических наук. – Алма-Ата, 1989 – 179с.+29с. (список исп. литературы).

16. Федорова Р.С. Основы исторического краеведения и музееведения. Часть третья. Выпуск первый: Краеведение Казахстана (от времени появления его первых источников и до 1917 года). - Учебное пособие. - Усть-Каменогорск, 2008. – 511 с.

Information about the author:

K.S. Kaliyeva PhD RU and RK, associate Professor of the Department of History of Kazakhstan and Socio-Political Disciplines, D. Serikbayev East Kazakhstan Technical University, Ust-Kamenogorsk, Kazakhstan, kskalieva@mail.ru

SEMIPALATINSK REGIONAL STATISTICAL COMMITTEE (1877-1917) AND ITS CONTRIBUTION TO THE ACCUMULATION AND PROMOTION OF KNOWLEDGE ON KAZAKHSTAN

Annotation. The Semipalatinsk Regional Statistical Committee representatives made their positive contribution to the social development of the region, in the study of its natural, historical, ethnographic and other peculiarities, in the propaganda of the accumulated knowledge about the east of Kazakhstan, and through it - in the popularization of information from a diversified knowledge system dedicated to the whole of Kazakhstan.

Keywords: East Kazakhstan, statistical committee, political exiles, expeditions, research of the region, local history publications.

Автор туралы мәлімет:

К.С.Калиева, РФ және ҚР т.ғ.к., Қазақстан тарихы және әлеуметтік-саяси пәндер кафедрасының доценті, Д.Серікбаев атындағы Шығыс Қазақстан техникалық университеті, Өскемен, Қазақстан, kskalieva@mail.ru

СЕМЕЙ ОБЛЫСТЫҚ СТАТИСТИКАЛЫҚ КОМИТЕТІ (1877-1917) ЖӘНЕ ОНЫҢ ҚАЗАҚСТАН ТУРАЛЫ БІЛІМДІ ЖИНАҚТАУ МЕН НАСИХАТТАУҒА ҚОСҚАН ҮЛЕСІ

Аннотация. Семей облыстық статистика комитетінің өкілдері өңірдің әлеуметтік дамуына, оның табиғи, тарихи, этнографиялық және басқа да ерекшеліктерін зерттеуге, Қазақстанның шығысы туралы жинақталған білімді насихаттауға, ал ол арқылы - бүкіл Қазақстанға арналған білімнің әртараптандырылған жүйесінен алынған ақпаратты танымал етуге өз оң үлестерін қосты.

Кілтті сөздер: Шығыс Қазақстан, статистикалық комитет, саяси жер аударғандар, экспедициялар, аймақты зерттеу, өлкетану басылымдары

РЕЦЕНЗИИ

ЖАК ЭРС О ЦЕЛЯХ, ПРИЧИНАХ И ГЕОПОЛИТИЧЕСКИХ ПОСЛЕДСТВИЯХ КРЕСТОВЫХ ПОХОДОВ

Л. Р. Скаковский

доктор политических наук
г. Нур-Султан, Казахстан

В 2020 году в России была издана на русском языке последняя монография выдающегося французского медиевиста *Жака Эrsa (1924-2013 гг.)* «История крестовых походов» [1]. Книга была издана по рукописи, но даже в незавершенном виде она представляет собой значительный научный интерес, ибо в ней разоблачаются бытующие в исторической науке мифы о крестовых походах.

В частности, Ж. Эрс считает анахронизмом само словосочетание «крестовый поход» [2]. Он утверждает, что хронисты, которые писали о походах на Ближний Восток, никогда не использовали термин «крестовые походы». Так, анонимный автор, оставивший самый точный рассказ о походах 1096-1099 годов, назвал свой труд «*Gesta Francorum et aliorum Hierosolymitanorum*» («*Деяния франков и прочих иерусалимлян*»), однако позднее «фабриканты учебников» (*выражение Ж. Эrsa*) превратили этот труд в «Анонимную историю первого крестового похода» [3].

По мнению Ж. Эrsa, использовать одно и то же слово для названия походов, участники которых два века пытались вернуть Святую землю христианам – «значит объединять совершенно разные предприятия, различавшиеся как комплектованием, так и вооружением войск, так и проведением военных операций» [4]. Например, в «крестовом походе баронов» 1096-1099 гг. на самом деле участвовали четыре армии, которые, выступив из Эно, Нижней Лотарингии, Нормандии, Лангедока и Южной Италии, неизбежно двинулись разными путями: одни всю дорогу шли сушей, другие высадились в Греции после короткого перехода по Адриатическому морю. Они прибывали в Константинополь с интервалом в недели и никогда не сливались в единое войско, не признавали другой власти, кроме своих командиров [5].

Ж. Эрс ставит под сомнение общее количество «крестовых походов»: «Наши книги, в том числе учебники для системы высшего образования, и даже диссертации, плоды углубленных изысканий, неизменно говорят о восьми крестовых походах, при том что любой, кто прочтёт тексты или просто обратится к общей хронологии, ясно увидит, что походов для отвоевания Святых мест произошло более чем за два века так много, что невозможно сосчитать» [6]. Таким образом, полагает Ж. Эрс, для сохранения цифры «восемь» нет никаких оправданий, «кроме стремления представить крестовые походы не такими, какими они были» [7].

Кроме того, Ж. Эрс считает ещё одним анахронизмом понятие «священная война»: «Освобождение Иерусалима не было делом рук торжествующей церкви, внушившей эту идею всему христианскому миру с целью собрать воинские отряды из представителей всех народов Запада. Во времена первых больших предприятий на востоке папство ещё не освободилось от императорской опеки, и по этой причине нельзя говорить о священной войне» [8]. Поэтому Ж. Эрс приходит к следующему выводу: «Чем говорить о крестовом походе в результате мобилизации христиан Запада, лучше было бы сказать, что в 1096-1099 г. в путь отправились отряды. У которых во многих отношениях было мало общего: четыре из них откликнулись на призыв папы и епископов, остальные были набраны в странах. Находившихся под влиянием антипап, и в домене отлученного короля Франции» [9].

Ж. Эрс указывает на неразрывную связь первых крестовых походов на Восток с паломничествами, которые уходят своими корнями ещё в IV век н.э.: «В этом смысле та долгая авантюра, которую мы называем «первым крестовым походом», была прежде всего большим паломничеством в Святую землю, отнюдь не исключительным, а вписанным в долгую традицию, во многих отношениях похожим на множество других, собиравших толпы, которые отправлялись в опасные странствия. То, что участие в таких предприятиях многочисленных паломников из всех слоёв общества некоторые авторы игнорировали, не может удивлять, ведь оно противоречит многим априорным представлениям. Полагалось говорить только о завоеваниях или о «священной войне» [10].

По мнению Ж. Эрса, для европейцев эпохи первых крестовых походов характерно «неведение об исламе». Своих будущих военных противников европейцы называли одним словом – «сарацины»: «То же слово применяли генуэзцы и пизанцы с магрибинским пиратам, грабившим побережья Италии, разорившим Рим и Геную, похищавшим женщин и детей, обрекая их на рабство. О происхождении этого слова нет единого мнения. Одни говорят, что так называли людей с темным цветом кожи, другие – что их считали потомками племени, жившего в Сирии близ одноименного города. Чаще всего в их видели сынов Сары, супруги Авраама. ...Для других авторов жители Африки были «исмаилянами», потомками сына Авраама, или «агарянами», происходившими от Агари, рабыни Авраама. Третьи говорят о «публиканах» или «азимитах», в отношении которых Гвиберт Ножанский утверждает, что они не боятся ни стрел, ни мечей, потому что, как и их кони, целиком покрыты железом» [11]. Возникает закономерный вопрос: «Как можно отстаивать представление о «священной войне», если не было известно, что противник исповедует другую религию? Григорий VII говорил не о мусульманах, а о народе язычников» [12].

Ж. Эрс считает, что в большом предприятии по освобождению Иерусалима и возвращению христианам потерянных территорий нет ничего исключительного, если вписать его в обширное движение – «христианскую реконкисту западного средиземноморского мира – и признать, что как минимум в двух направлениях его первыми участниками тоже были паломники» [13]. В частности, Ж. Эрс отмечает, что историками «замалчиваются освободительные операции греков, которые, захватив господство в Эгейском море, повели свои войска отбивать Антиохию и

дошли почти до Иерусалима, несколько раз вынудив эмира Алеппо присягать им на верность» [14].

Ж. Эрс пишет о «глухой вражде» между франками и греками: «Государи Запада никогда не хотели признавать Восточную империю блистательным продолжением Древнего Рима. Ни Карл Великий, коронованный императорской короной через четыреста лет после падения Рима, ни Оттоны, гораздо позже провозгласившие сами «римско-германскими» императорами, не желали видеть в константинопольских императорах хранителей никогда не прерывавшейся традиции. В этом смысле наши историки, особенно те, кто навязал слово «византийский», высказали странную склонность цитировать работы наемных писателей, которые два-три века наперебой старались очернять образ этой Римской империи Востока, высмеивали её власти, изображали Константинополь городом, пребывающим в упадке, хотя по богатству и культурному влиянию с ним ничто не могло сравниться» [15]. По словам Ж. Эрса, хроники и исторические труды, созданные в непосредственном окружении Оттонов в германских землях, «говорят о Константинополе так, будто в Германии о восточных императорах ничего не знали. Для периода между смертью Константина и коронацией Карла Великого в 800 г. авторы упоминали их всего девять, тогда как их царствовало двадцать четыре, однозначно идентифицированных греками. Их изображали авантюристами, главарями шаек, якобы захватывавшими город силой, а ещё охотней – наместниками, которых туда для управления посылал Рим» [16].

В *главе I* своего труда Ж. Эрс говорит о событиях 1096-1099 гг., в т.ч. о «*народном походе*» и о «*походе баронов*». «Народный» поход начинался как паломничество огромного количества бедняков, склонных к насилию и резне из-за пропитания [17]. Среди проповедников, возглавлявших «народный» поход, были такие личности, как Петр Пустынный, Фолькмар и др. Наряду со служителями церкви в походе участвовали и военачальники, рыцари, сеньоры, графы и князья [18]. Тем не менее на первых порах «народные» крестовые походы были, по оценке Ж. Эрса, «не более чем грабительскими предприятиями и даже в отдельных местах войнами на истребление тех, кто противился движению паломников или продавал хлеб по завышенным ценам, наживаясь на нехватке продовольствия и на отчаянии масс, оставленных на произвол судьбы» [19]. Первыми жертвами такой политики стали евреи. Например, Ж. Эрс ссылается на письма, которые иудеи Французского королевства послали единоверцам Швабии и Рейнской области, предупреждая «о движении этих ненасытных толп, идущих без или почти без съестных припасов, возбуждаемых странными мистическими порывами, которые никто не способен контролировать, и открыто выражающих мстительную нетерпимость» [20]. Ж. Эрс отмечает, что «мятежники и массовые убийцы были готовы наброситься и на любого богача, в частности на финансистов, особенно на ростовщиков – как евреев, так и христиан» [21]. По словам историка, эту нетерпимость не разделяло белое духовенство Рейнской долины – например, при первых признаках опасности епископ Шпейерский Иоанн открыл иудейской общине ворота своего дворца и предупредил, что грабителям и массовым убийцам будут отрубать руку [22].

Участники «народного» похода попытались вести себя подобным образом и в Византии – «они принялись грабить зерновые амбары, поля и фруктовые сады, сначала – чтобы прокормиться, а вскоре – и чтобы поживиться добычей в богатых

домах и окрестных храмах» [23]. Однако греческий полководец Никита усмирил разоружил грабителей. Они были поселены под Цивитотом, где дожидались участников т.н. «похода баронов». Первый отряд – Готфрида Бульонского – подошел только 23 декабря 1096 г., то есть почти пять месяцев бедняки оставались одни [24].

Ж. Эрс напоминает, что слово «барон» в ту историческую эпоху не имело точного значения, но ясно одно – эти люди, бесспорно, «не были ни изгоями в своих семьях, ни даже младшими сыновьями» [25]. Среди них были такие известные личности, как Готфрид Бульонский, Раймунд IV Тулузский, Роберт II Нормандский и др. Многие видные участники «похода баронов» пожертвовали ради общего дела всем своим состоянием – например, Готфрид Бульонский заложил своё графство бульон за гигантскую сумму в 300 марок золота и 300 марок серебра, а за деньги, которые нигде не указаны, уступил права на несколько городов епископу Верденскому [26].

Добравшись до Византии, участники «похода баронов» вступили в переговоры с императором Алексеем I, при этом «стороны постоянно не понимали или старались обмануть друг друга. Император, который пять месяцев покровительствовал беднякам и пытался спасти им жизнь, дал знать баронам, что обязуется являться со своими людьми, в сопровождении армии и флота, чтобы хорошо их снабжать, по суше и по морю, и чинить их флот, если он у них есть. Алексей также обещал не допускать никаких притеснений паломников по дороге к Гробу Господню. Но он потребовал, чтобы бароны принесли ему присягу, как поступали до них все иностранные военачальники, командиры наемных отрядов» [27].

Латиняне вынуждены были присягнуть Алексею I Комнину, но с этого момента они «неизменно шли и сражались отдельно от греков, думая лишь о том, как бы всё заграбастать. Ссоры, конфликты из-за первенства, не приведя к настоящей и открытой войне, которой едва удалось избежать, быстро вызвали разрыв» [28]. Этот разрыв стал очевидным во время взятия Никеи. Алексей I взял Никею и назначил туда собственных чиновников. Франкские бароны, по словам Ж. Эрса, «считали себя обманутыми и желали снять с себя обязательства, забыв, что без помощи греков они никогда не смогли бы добраться до Никеи и что без продуктов, доставлявшихся нагруженными судами в порты Черного моря, их люди умерли бы с голоду. Были забыты и крупные суммы денег, розданные вождям, и мешки бронзовых монет, переданные простым людям. С тех пор каждый был сам за себя» [29].

Армия Алексея I взяла Филадельфию самостоятельно, а латиняне начали отнимать земли у турок, но при этом страдали без воды и продовольствия. Уже через 20 дней после выхода из Никеи латиняне разделились в надежде прокормиться, но тут же на них начали нападать турки. Франки бесславно бежали, бросив при Дорилеее золото, серебро, лошадей, ослов, быков и овец [30]. Тем не менее, они снова разделились, как будто не собирались больше встречаться.

Готфрид Бульонский и его люди взяли Кесарию и вышли на равнину, к городу Мараш. В Киликии Танкреда Готвильского хорошо приняли армяне, которые открывали ему ворота своих городов и замков, но мечта Танкреда стать владельцем первого франкского графства на Востоке не сбылась, поскольку

подошли войска Алексея I при поддержке флота с очень опытными экипажами [31]. Начались раздоры между франками. Балдуин Бульонский попытался отнять у Танкреда Тарс, сблизившись с правителями Малой Армении. По словам Ж. Эrsa, создание Эдесского графства, весьма удаленного от дороги на Иерусалим, «задержало поход, предпринятый с целью освободить последний и помочь паломникам мирно молиться в Святых местах, и существенно подорвало его военную мощь» [32].

Новые конфликты между латинянами и греками начались во время осады Антиохии, начавшейся в конце октября 1097 года. Франки дали понять грекам, что Антиохия никогда не будет принадлежать грекам. Греки сняли осаду, а франки никак не могли создать единое кольцо осады [33]. Город удалось взять лишь в июне 1098 года, но в Антиохии франки столкнулись с дефицитом продовольствия [34]. Кроме того, вожди никак не могли договориться о том, кто будет править Антиохией.

Великое паломничество в Иерусалим возобновилось только 13 января 1099 года. В июле того же года город был взят. Его заполнили франкские простолюдины с намерением грабить и убивать. Ж. Эрс констатирует: «Авторы, уделяющие сегодня особое внимание этой трагической развязке и представляющие её следствием религиозной ненависти, сознательно не учитывают, что это смертоносное безумие обрушилось на всех жителей – христиан, мусульман и иудеев – и что иерусалимское побоище не было ни более ужасным, ни более «несправедливым», чем многие другие» [35]. Бароны были неспособны сдержать участников «народного похода».

22 июля 1099 года королем Иерусалима был избран Готфрид Бульонский, хотя Раймунд IV Тулузский привел больше рыцарей, взял более весомую военную казну в золотых монетах и сделался покровителем бедняков [36]. Ж. Эрс объясняет это тем, что Готфрид Бульонский решительно противился притязаниям Алексея I Комнина, в то время как Раймунд Тулузский был готов договариваться с Византией [37].

Франки начали вытеснять из Иерусалима греческое духовенство. Готфрид Бульонский подарил латинским монахам 30 деревень, конфисковав их у греческой церкви. В Иерусалиме три монастыря, покинутые греками, были отстроены заново в европейском стиле. Ж. Эрс пишет: «Это латинское духовенство, навязанное силой, вело себя как на чужой земле. Оно быстро оттолкнуло от себя остальных христиан, утверждавших, что страдают от изъятий имущества и несправедливостей» [38].

Глава II – «Водворение на Святой земле» – повествует о событиях 1100-1150 гг. Ж. Эрс отмечает, что менее чем за 10 лет после освобождения Иерусалима франки создали – при помощи оружия, но чаще за счет мирных соглашений – не одно большое королевство, а пять латинских государств по образцу европейских: «два (Иерусалим и Эдесса) под властью семейства Готфрида Бульонского, два (Антиохия Галилея) под властью «провансальцев», на самом деле лангедокцев, Раймунда IV Тулузского. Эти князья, занимавшие на Западе высокое положение и владевшие богатыми угодьями, выбрали Восток, оставив другим своё наследие и заботу о своих династиях» [39]. «Таким образом, – пишет историк, – говорить о латинском государстве того времени, как часто делают, – значит предельно

упрощать события или предвосхищать их и не видеть, что этот политический раздел отразил амбиции вождей, неспособных договориться, и наглядно показал, что баронские армии, которые шли разными дорогами, часто по отдельности и занимали во время осад разные секторы, не могли координировать свои действия и собирались вместе только ради больших битв, всего на несколько часов. Не было единого «крестового похода» всего христианского мира, каждый из четырех-пяти «народов» выступал от своего имени, а единство действий поддерживалось лишь постольку-поскольку» [40].

Ж. Эрс отмечает, что поход, предпринятый в 1147 году германским императором Конрадом III и королем Франции Людовиком VII, называют *вторым крестовым походом*, как будто 25 лет «не происходило ничего и франки Святой земли жили в другом мире, оставаясь чуждыми для западных христиан. На самом деле эту акцию нельзя считать ни продолжением, ни повторением акции 1096-1097 гг., но название «крестовый поход», применяемое к той и другой, заставляет забывать, что объявленные цели были неодинаковыми, что готовился «второй крестовый поход» долго и с самого начала без энтузиазма и что в конечном счете эта операция полностью провалилась» [41]. Ж. Эрс напоминает, что Людовик VII, сидевший на троне с 1137 года, откликнулся на призыв папы Евгения III одним из первых, чтобы замолить в Иерусалиме свои грехи, в том числе сожжение 300 человек, искавших в церкви Витри спасения от королевских солдат. Конрад III, свояк византийского императора Мануила I Комнина, мог рассчитывать на своих швабских вассалов, но графы и рыцари Саксонии ясно дали ему понять, что охотней сразятся с язычниками-вендами на восточных границах. Их замысел был одобрен папой Евгением III [42].

Свиту Людовика VII, которого сопровождали также брат Роберт де Дрё и молодая жена Алиенора Аквитанская, составили граф Генрих Шампанский, Альяонс-Иордан Тулузский (сын Раймунда IV), граф Тьерри Фландрский, Гуго де Лузиньян и Амедей Савойский. Вместе с Конрадом III отправились его племянник Фридрих (будущий Барбаросса) и единоутробный брат епископ Оттон Фрейзингенский, папский легат, герцоги Австрийский и Швабский, маркграф Баденский, несколько епископов и один из итальянских вассалов, маркграф Вильгельм Монферратский [43]. Вместе с тем, поход 1147 года был большим народным паломничеством. Одних только немецких паломников было 9566 человек. Ещё в пределах Германии паломники занимались грабежом и поджогами. В Византийской империи паломникам спускали товары на веревках со стен, предпочитая не открывать им городские ворота [44]. Неосторожные немецкие пехотинцы становились легкой добычей болгар и печенегов [45]. Французы продвигались быстрее. В Адрианополе приближенные Людовика VII посоветовали ему отказаться от красивой идеи сразиться за франков Святой земли, а вместо этого захватить города и замки там, где он находится, но король с ними не согласился [46].

Немцы и французы должны были идти вместе до Антиохии, но сразу же после объединения вновь расстались. Больные и неспособные идти дальше немцы решили примкнуть к грекам. Людовик VII и остатки немецких войск также искали защиты у греков. Он потерял на своем пути почти всех своих пехотинцев и уступил командование армией магистру тамплиеров. По словам Ж. Эрса, Людовик VII и

Конрад III вынуждены были сражаться на двух фронтах: «на севербе вместе с Раймундом де Пуатье, графом Антиохийским, – с атабеком Алеппо и на юге вместе с юным иерусалимским королем Балдуином III – с египетскими Фатимидами, которые, изгнанные в 1099 г. из Иерусалима, держали сильный гарнизон в Аскалоне. Монархи долго не могли прийти к окончательному решению». [47] Толпа паломников требовала взять Дамаск, тогда как Людовик VII был нацелен на Алеппо [48]. После этого союзники взяли курс на Дамаск, но после первых неудач решили отправиться в Иерусалим. Поход оказался безрезультатным, поскольку «пулены» – франки второго поколения, жившие на Святой земле, – не желали искать общий язык с теми, кто приходил им на помощь. Они сосуществовали с мусульманами, усваивали их обычаи и поддерживали с ними добрые отношения [49].

Глава III – «Времена консолидации (1150-1192)» – повествует о сближении латинских государств, которым в условиях ослабления папства угрожали общие опасности: «В самом деле, папы не призывали братья за оружие. Римская церковь тогда была не в состоянии придать единый импульс всему христианскому миру, послав христиан на Восток на помощь франкам. Избранный в 1154 г. папа Адриан IV, англичанин, через недолгое время после тяжелых боев, больших денежных затрат и стольких погубленных человеческих жизней не мог вновь собрать много сеньоров и рыцарей для сражений за морем, как теперь знали – рискованных» [50].

По словам Ж. Эрс, новому папе, сиенцу Александру III, противостояли один за другим четыре антипапы: «Три первых были ставленниками Фридриха Барбароссы, прилагавшего все силы, чтобы удержать Северную Италию под своим контролем. Александр III непрерывно боролся с ним и сформировал лигу вольных городов, которые, победив при Леньяно, избавились от императорской опеки. Незадолго до смерти Александра III папа и император примирились и подписали мирный договор, но Луций III (1181-1185) и Урбан III (1185-1187). Которых в Рим не пускали разъяренные толпы, несомненно, нанятые и оплаченные римскими князьями, постоянно жили и собирали своих кардиналов в Ферраре или в Витербо» [51].

Бароны Запада и латинские князья Востока подрывали союз с Византией. Как отмечает Ж. Эрс, они «неизменно отказывались принимать какие-либо обязательства верности и подчинения и даже вступать в соглашения; чтобы стать единовластными хозяевами земель, отбитых у врагов, они обвиняли греков в измене. Но император Мануил I Комнин вел себя как завоеватель, расширяя границы империи» [52]. В 1149 году греки высадились на остров Корфу, изгнав оттуда сицилийцев. В 1155 году греки вторглись в Южную Италию. Сильный гарнизон греки разместили в Бари. Ж. Эрс констатирует: «Это отвоевание части Западной Римской империи. Которое во многом напоминало завоевания Юстиниана в VI в., хоть завоеванные земли и удалось удерживать всего три года, явственно показывало стремление Греческой империи утвердить себя в качестве прямой наследницы Древнего Рима» [53]. Через 10 лет Мануил I Комнин покорил сербов и, обручив Белу III со своей дочерью, в 1173 году добился его коронации как венгерского короля.

В 1163 году отряд Мануила I соединился с франкскими рыцарями из Антиохии и сеньорами из Французского королевства, которые возвращались из

паломничества. Во главе с Гуго де Лузиньяном и Жоффруа Мартемом Ангулемским они обратили в бегство турок и курдов Нур-ад-Дина, осаждавших Крак-де-Шевалье. За заключение этого союза с греками, скрепленного двумя браками, граф Антиохии и король Иерусалима признали императора сюзереном и принесли ему оммаж [54].

«Но хорошо видно, – пишет Ж. Эрс, – что Амори I Иерусалимский не мог или не хотел вести себя ни как вассал, ни даже как настоящий союзник такого императора, как Мануил Комнин, требовавшего, чтобы все завоеванные земли передавались ему» [55]. Поэтому франки сами совершили два похода в Египет, но испытывали большой дефицит в вооружениях и продовольствии. В 1177 г. греки предложили франкам помочь военными кораблями, но франки отказались [56]. По словам Ж. Эрса, «Египетские походы обошлись очень дорого с точки зрения потерь в людях и ничего не дали. Они сделали границы королевства, хуже защищенные, уязвимыми для атак Саладина, который каждый или почти каждый день выступал из Дамаска и Алеппо для завоевания государств, еще удерживаемых латинянами» [57].

В марте 1185 года Саладин выступил в поход, завершившийся взятием Иерусалима в 1187 году. Некоторые большие крепости (Крак, Бовуар и Монреаль) продержались чуть дольше. Бофор сдался только в апреле 1190 года [58]. Папы и монархи Запада поняли масштаб угрозы. Когда стало известно о потере Иерусалима, а присутствие франков на Святой земле может прекратиться, папа Урбан умер от горя. Его преемник Григорий VIII призвал выступить на помощь христианам Востока. Он добился примирения королей Франции и Англии, Вильгельма II Сицилийского – с греческим императором Исааком II Ангелом, пришедшим к власти в 1185 году, венецианцев – с королем Венгрии и др. [59].

Начался *третий крестовый поход*. Первым выступил Вильгельм II Сицилийский. Фридрих I Барбаросса принял крест в Майнце 27 марта 1188 года. Вскоре он пустил слух о коварстве греков, которые вошли в союз с Саладином и отравили вино, которое продавалось паломникам [60]. После этого люди Фридриха II Барбароссы шли по территории Византийской империи как по оккупированной стране [61]. 10 июня 1190 года Фридрих Барбаросса утонул, переправляясь через горную реку Салеф.

В октябре 1189 года в поход выступили ландграф Тюрингский и архиепископ Равеннский, сеньоры Бургундии и Шампани, а потом датчане с племянником короля. Короли Франции и Англии медлили. Генрих Шампанский с основными силами Филиппа Августа высадились под Акрой только 27 июня 1190 года, сам Филипп Август – 20 апреля 1191 года, а Ричард Львиное Сердце – 7 июня того же года.

12 июля 1191 года Акра сдалась. Саладин должен был вернуть Святой крест, захваченный при Хаттине. Пленников обменяли только 20 августа. Филипп Август попросил у Ричарда Львиное Сердце согласия на свой отъезд и отбыл 31 июля. После этого Ричард двинулся на юг. В ноябре он начал марш на Иерусалим, но уже 13 января 1192 года прекратил наступление на город. 5 августа под стенами Яффы Ричард уничтожил часть армии Саладина и принудил его к переговорам. По условиям перемирия (*9 августа 1192 года*), франки оставляли Аскалон и соседние замки, но вновь становились хозяевами всех прибрежных городов. Саладин

сохранил Иерусалим, но гарантировал христианам свободный доступ в Святые места и разрешал присутствие в городе 2 латинских священников и 2 диаконов. 9 октября Ричард покинул Святую землю, так и не совершив паломничества в Иерусалим [62]. 21 декабря он был арестован недалеко от Вены и передан в Шпейере императору Генриху VI [63]. В 1194 году он был освобожден за большой выкуп.

Глава IV – «Константинопольская латинская империя (1195-1261)» – посвящена сложному периоду истории, когда вражда между франками и греками завершилась вооруженным конфликтом. Ж. Эрс напоминает, что весной 1195 года император Священной Римской империи Генрих VI (сын Фридриха Барбароссы) принял в Бари крест, но при этом не искал союзов с другими государями за пределами земель Империи. По данным хронистов, Генрих VI снабдил оружием более тысячи рыцарей и столько же оруженосцев. Общая численность немецких войск составила 10-12 тысяч пехотинцев и 4 тысячи рыцарей. На сей раз в поход выступили только воины, потому что император приказал не допускать простых паломников [64]. Сам Генрих VI ещё был на Сицилии, но его военачальники во главе с архиепископом Конрадом хозяйничали в Палестине и вопреки желанию франкских баронов, разорвали перемирие, недавно заключенное Ричардом Львиное Сердце [65].

По словам Ж. Эrsa, после смерти Генриха Шампанского 10 сентября 1197 г. Конрад, госпитальеры и тамплиеры отвергли кандидатуру Гуго Тивериадского и короновали Амори Лузиньяна королем Иерусалима: «под властью этого короля, носившего две короны, отнятый у греков Кипр и королевство Святой земли попали в вассальную зависимость от германского императора. В то же время Конрад как верный наместник императора дал рыцарям госпиталя Святой Марии. Основанного в 1192 г. паломниками из городов Северной германии, военную организацию, сделав их орденом тевтонских рыцарей, который в 1198 г. признал папа Иннокентий III. Тем самым бросая вызов двум другим военным орденам, Конрад укреплял присутствие и власть имперцев на Святой земле, а основание более десяти орденских домов, госпиталей или казарм в Греции и в Южной Италии, включая Сицилию, способствовало тому же в масштабах средиземноморского мира» [66]. Однако 20 сентября 1197 года Генрих VI умер, не реализовав свои далеко идущие планы.

На рубеже XII-XIII вв. началась подготовка *четвертого крестового похода*. Командование войсками доверили Бонифацию Монферратскому. Пока к ним не присоединился ни один епископ, а папа Иннокентий III воздерживался от отправки папского легата для их сопровождения. Шестеро из них поехали в Венецию, чтобы подписать обязательство, которое обеспечивало им оснащение огромного флота из тяжелых нефов, способных перевезти 4500 рыцарей, 20 000 пехотинцев и провизию на 9 месяцев, а также несколько десятков юисье для перевозки 4500 коней и 9000 оруженосцев. Все это стоило огромную сумму – 85 000 марок серебра [67].

По словам Ж. Эrsa, главной целью крестоносцев был не поход на Восток, а захват Константинополя. 1 августа 1203 г. франки добились коронации Алексея IV Ангела, но тот вскоре был арестован Алексеем V Дукой и умер 8 февраля 1204 года. Бароны каждый вечер слушали в лагере своих клириков, внушавшим им, что греки – узурпаторы власти в Римской империи. С благословения папы надо

атаковать этот коварный город [68]. 12 июля 1204 года Константинополь был взят и разграблен. Источники оценивают трофеи в 400 000 марок серебра и 100 000 коней [69].

Новым императором был избран Балдуин, граф Фландрии и Эно, вассал не германского, а французского короля. Он взошел на трон как Балдуин I Константинопольский. Этот выбор легко объяснить, приняв во внимание, что в предприятии участвовали в основном знатные бароны Франции [70]. «Завоевание Константинополя и создание Латинской империи, – пишет Ж. Эрс, – по существу подрывали саму идею империи: ведь франки, вассалы западного короля, не только изгнали греков, живших здесь много веков, но и в некотором роде отказались служить амбициям германских королей, тоже издавна надеявшихся объединить Восток и Запад в одних руках. Эта Восточная империя по-прежнему называлась империей, но теперь ею управляли семейства, тесно связанные с Французским королевством. Виллардуэн принял титул «маршала Шампани и Романии» [71]. Однако греки уступили не всё. Император и свергнутый узурпатор нашли убежище вдалеке от Константинополя. Алексей и Давид Комнины, внуки Андроника I Комнина, стали правителями трапезунда. Михаил Комнин Дука, правитель городка Арты, провозгласил себя деспотом Эпира. Его брат и наследник Феодор объявил себя императором Салоник. Феодор I Ласкарис нашел убежище на землях у Мраморного моря [72]. Во главе отряда, нанятого купцами и нобилиями Генуи, Феодор вступил в Никею, где в марте 1208 года его в качестве императора короновал новый греческий патриарх Авториан. «Именно Никейской империи, – напоминает Ж. Эрс, – предстояло в 1261 г. при помощи генуэзцев изгнать латинян и венецианцев из Константинополя и положить конец константинопольской Латинской империи» [73].

Глава V – «Латино-Иерусалимское королевство: осажденный бастион (1210-1295)» – посвящена латинскому присутствию в Иерусалиме. Ж. Эрс напоминает, что в 1213 году папа Иннокентий III напомнил европейцам о пленении Иерусалима и призвал их выступить в *пятый крестовый поход*. Ж. Эрс пишет: «Отъезды не замедлили начаться, но, как и в ситуации с отщепенцами, не принявшими участия в основном походе в 1203-1204 гг., снова двинулась не единая и большая армия из нескольких тысяч бойцов под единым командованием, а отряды из разных краев по несколько сот рыцарей, отправлявшихся волна за волной. Вместе они, собственно говоря, никогда не собирались, но все-таки признали общим вождем Иоанна де Бриена, принявшего титул короля Иерусалима» [74].

В отличие от первого большого похода 1096-1097 гг., на этот раз бароны и рыцари не уезжали надолго. Многие давали обет остаться в святой земле лишь на 2 года. То есть «нельзя говорить, как это делали восторженные хронисты первого похода, об общем подъеме всего западного христианского мира» [75]. В мае 1217 г. Иоанн де Бриенн привел свой флот к стенам Дамьеты, однако она пала только 5 ноября 1219 г. Ж. Эрс констатирует: «Захватив огромную добычу, франки не смогли договориться и раскололись на две партии, спорившие из-за власти над городом и распределения дворцов и больших домов. Иоанн де Бриенн вернулся в Акру, и папский легат Пелагий, епископ Альбанский, заставил признать себя командующим» [76]. В Дамьете шли раздоры. Новые хозяева города, страдая от

болезней и нехватки пищи, оставили город без боя. 30 июня 1221 г. они подписали перемирие на 8 лет, превратив его в капитуляцию. Поход завершился катастрофой [77].

Организатором *шестого крестового похода* стал Фридрих II Барбаросса. В 1225 году он женился на Изабелле, дочери Иоанна де Бриенна и Марии Монферратской и наследнице Иерусалимского королевства. Фридрих назначил очередную дату – 15 августа 1227 года, заверив, что выйдет в море, взяв с собой более тысячи рыцарей и останется в Святой земле не меньше чем на два года. Однако на самом деле Фридрих вышел в море лишь 28 июня 1228 года, через 7 лет после того, как принял крест [78].

Фридрих II Барбаросса сумел воспользоваться раздорами между султаном Египта и государем Дамаска. По словам Ж. Эrsa, кампания Фридриха II «свелась к нескольким демонстрациям силы – таким, как восстановление стен Яффы и медленное осторожное продвижение большого рыцарского войска к Иерусалиму» [79]. 12 февраля 1229 года Фридрих II подписал с каирским султаном перемирие на 10 лет, которое не распространялось на Антиохийское и Триполитанское графства, а также на земли, города и замки орденов тамплиеров и госпитальеров. Иерусалим мог восстановить свои укрепления и вновь становился столицей христианского королевства. В его состав входили Назарет и Вифлеем, и каждый соединялся с великим городом отдельной охраняемой дорогой. Однако это соглашение резко оспаривал патриарх, с которым Фридрих II ни разу не посоветовался [80].

Яффский мир и примирение Фридриха II с папой в 1228 г. позволяли думать, что немцы недорогой ценой обеспечили сохранение Иерусалима в руках христиан. Но вести в Востока показывали, что этот мир непрочен, Иерусалим оставался уязвимым. Поэтому папа Григорий IX взялся за организацию *седьмого крестового похода* [81].

Приготовления начались в 1239 году. Как отмечает Ж. Эрс, высадившиеся в Акре французские вожди похода «не стали считаться ни с мирным договором 1229 года, ни с соглашениями или перемириями, подписанными где бы то ни было. Не рассуждая, ничего не зная о соотношениях сил и о союзах, они принялись грабить караваны, шедшие из Египта в Дамаск» [82]. Однако под Газой они потерпели сокрушительное поражение. Те, кто выжил, нашли убежище в Яффе и почти все отплыли на Запад. Затем на Восток прибыли англичане под командованием Ричарда Корнуэльского, младшего брата короля Генриха III, и Симона V де Монфора, графа Лестера. Едва высадившись, они начали конфликтовать с приверженцами Фридриха II. В это время орды хорезмийцев из Центральной Азии вторглись в регион и 2 августа 1244 г. взяли Иерусалим. 17 октября 1244 г. армия франков и мусульман столкнулись под Газой в месте, называемом Форбия с армией Айюба, султана Египта, усиленной хорезмийцами [83]. Франки и мусульмане потерпели поражение. По мнению Ж. Эrsa, поражение при Форбии «уже предвещало конец последних латинских государств на Святой земле. Оно знаменовало провал политики, которая в отсутствие реальной помощи с Запада вынуждала франков Святой земли вступать в союзы с мусульманскими вождями. Слишком малочисленные, эти колонисты в решительные моменты дорого расплачивались и за раздоры – в том числе за ссоры с немцами Тевтонского

ордена, которые даже в отсутствие императора еще боролись с франками, издавна обосновавшимися на Святой земле» [84].

В конце декабря 1244 года король Людовик IX, уже знавший о взятии Иерусалима и разорении города, дал обет отправиться в Святую землю, чтобы возвратить город христианам. 9 октября 1245 г. его братья Роберт д'Артуа, Альфонс де Пуатье и Карл Анжуйский поклялись его сопровождать [85]. Однако королевский флот поднял паруса лишь 25 августа 1248 г. Людовик и его люди высадились в Египте на пляже под Дамьеттой 5 июня 1249 года и с ходу взяли город. Но, потерпев поражение под крепостью Мансурой в начале 1250 г., король вскоре попал в плен и был вынужден отказаться от всего завоеванного в Египте. В мае 1250 года он высадился в Акре, где остался почти на 4 года, до 24 апреля 1254 года, чтобы прибыть в Йер 10 июня [86]. 7 сентября король прибыл в Париж, где его считали уже покойником.

Ж. Эрс отмечает, что историки, стараясь сосчитать крестовые походы и присвоить им номера, после «седьмого крестового похода» Людовика Святого в Египет и Святую землю обнаружили в 1270 году *«восьмой крестовый поход»*, объединив тем самым поход французского короля в Тунис с походом арагонского короля и Эдуарда Английского в Сирию, не имевшие ничего общего друг с другом.

Историк напоминает, что в Сирии в этот период наблюдалась нестабильность, а папа проповедовал новый «крестовый поход». Французский флот бросил якорь перед Тунисом 17 июля 1270 г., но король Туниса укрепил городские стены, и все штурмы кончились неудачей. Французы несли потери от лихорадки и эпидемий. Погибли Тристан, сын короля, графы Вандомский и Маршский, маршал Готье де Немур, папский легат и сеньор Монморанси. Возглавив армию, Карл Анжуйский, дядя нового короля, попытался взять Тунис, но потерпел поражение и скрывал от своих баронов, что ведет переговоры [87]. Наконец, король Туниса обязался позволить христианам свободно передвигаться в его стране, обладать в ней собственностью, строить церкви и даже публично проповедовать. Он освободил всех пленных христиан и обещал дать французскому королю Филиппу III на его поход 210 000 унций золота. Теперь он должен был платить королю Сицилии в течение 15 лет дань, вдвое большую, чем в предыдущие годы. Королевский флот поднял якоря, но было непонятно, куда идти: одни двинулись к Святой земле, другие – к Греции, для борьбы с императором Михаилом VIII Палеологом [88]. Карл Анжуйский, король Неаполя, отплыл последним, дожидаясь бедняков и отставших. Таким образом, «крестовый поход» отнял у карла Анжуйского всего три месяца.

Ещё до французского короля. 4 сентября 1269 года, Хайме I Арагонский отплыл на флоте, но попал в страшный шторм и вернулся в своё королевство. Эдуард Английский, ещё не король, и его брат Эдмунд тоже были в Тунисе с Людовиком Святым, но сразу же после подписания мира отплыли в Святую землю и 9 мая 1271 года высадились в Акре. Карл Анжуйский пытался им помочь, но у англичан была слишком слабая армия. Эмир Дамаска, обещавши помочь англичанам, нанёс им поражение. Чтобы сражаться с султаном Бейбарсом, англичанам пришлось заключить союз с анатолийскими турками. Это позволило остановить египтян [89].

В целом, работа Ж. Эrsa оставляет благоприятное впечатление. Исследователь не только подверг жесткой критике устоявшиеся мифы и догмы относительно «крестовых походов», но и предложил собственные подходы, подкрепленные детальным анализом исторических источников. Безусловно, основательный труд Ж. Эrsa является значительным вкладом в мировую медиевистику.

Примечания

1. Эрс Ж. История крестовых походов. Перевод с франц. Некрасова М.Ю. – СПб.: Евразия, 2020. – 318 с.
2. Там же, с.14.
3. Там же, с.16.
4. Там же, с.20.
5. Там же, с.20-21.
6. Там же, с.21-22.
7. Там же, с.22.
8. Там же, с.23.
9. Там же, с.25.
10. Там же, с.28.
11. Там же, с.45.
12. Там же, с.45-46.
13. Там же, с.50.
14. Там же, с.52.
15. Там же, с.55-56.
16. Там же, с.56.
17. Там же, с.58.
18. Там же, с.60-61.
19. Там же, с.62.
20. Там же, с.63.
21. Там же, с.63-64.
22. Там же, с.64.
23. Там же, с.67.
24. Там же, с.69-70.
25. Там же, с.70.
26. Там же, с.71.
27. Там же, с.77-78.
28. Там же, с.79-80.
29. Там же, с.81.
30. Там же, с.83.
31. Там же, с.84-85.
32. Там же, с.85.
33. Там же, с.87.
34. Там же, с.90.
35. Там же, с.98.
36. Там же, с.100.

-
37. Там же, с.101.
 38. Там же, с.104.
 39. Там же, с.108-109.
 40. Там же, с.109.
 41. Там же, с.130.
 42. Там же, с.131-132.
 43. Там же, с.136.
 44. Там же, с.139.
 45. Там же, с.141.
 46. Там же, с.146.
 47. Там же, с.153.
 48. Там же, с.154.
 49. Там же, с.159.
 50. Там же, с.163.
 51. Там же, с.163.
 52. Там же, с.164-165.
 53. Там же, с.165.
 54. Там же, с.165-166.
 55. Там же, с.165-166.
 56. Там же, с.167.
 57. Там же, с.167.
 58. Там же, с.170.
 59. Там же, с.171.
 60. Там же, с.174.
 61. Там же, с.175.
 62. Там же, с.188.
 63. Там же, с.189.
 64. Там же, с.198.
 65. Там же, с.199.
 66. Там же, с.199-200.
 67. Там же, с.203.
 68. Там же, с.212.
 69. Там же, с.216.
 70. Там же, с.219.
 71. Там же, с.219.
 72. Там же, с.231.
 73. Там же, с.232.
 74. Там же, с.248.
 75. Там же, с.250.
 76. Там же, с.251-252.
 77. Там же, с.252.
 78. Там же, с.253.
 79. Там же, с.255.
 80. Там же, с.256.
 81. Там же, с.258-259.
 82. Там же, с.260.

83. Там же, с.261.
84. Там же, с.263.
85. Там же, с.264.
86. Там же, с.264.
87. Там же, с.294.
88. Там же, с.295.
89. Там же, с.297.